

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Выпуск 11

PENOME

Санкт-Петербург
2019

Редколлегия:

И. И. Елисеева, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф.,
засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ РАН);

О. Н. Бурмыкина, канд. соц. наук (СИ РАН);

А. С. Быстрова, канд. экон. наук (СИ РАН);

К. С. Дивисенко, канд. соц. наук (отв. секретарь, СИ РАН);

Г. В. Еремичева, канд. филос. наук (СИ РАН);

Д. Б. Тев, канд. соц. наук (СИ РАН);

И. Шубрт (Jiří Šubrt), д-р соц. наук, доцент (Карлов университет, Прага, Чехия);

Симо Маннила (Simo Mannila), PhD (Национальный институт здоровья
и благосостояния, Хельсинки, Финляндия)

Учредители:

Социологический институт РАН — филиал Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук,

Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История».

*В специальном выпуске издания представлены статьи,
подготовленные на основе докладов, прочитанных
на Всероссийской научной конференции XI Социологические чтения
памяти В. Б. Голофаства «Семья в современном мире»,
проведенной в Санкт-Петербурге 28–31 марта 2019 г.*

*Проведение конференции и издание трудов осуществлены при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-011-20050/19.*

*Научное периодическое издание «Петербургская социология сегодня»
выходит с 2009 года.*

Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

*Периодическое печатное издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-55387 от 17 сентября 2013 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Семья и государство

<i>Клунт М. А.</i> Теории и практики семейной политики в XX и XXI столетиях	5
<i>Парфенова О. А.</i> Ключевые агенты заботы о пожилых в современной России	23
<i>Колесник Н. В.</i> Российские элитные семьи: методы изучения и практики функционирования	36
<i>Демиденко С. Ю.</i> Молодежь без работы: поддержка семьи как (де)стабилизирующий фактор	50
<i>Лурье С. В.</i> Отношение к межэтническим бракам как симптом формирования российской идентичности	68

Эволюция семьи

<i>Егорова Н. Ю.</i> Формы супружества в современной России: сравнение социально-демографических характеристик	81
<i>Ширяева Я. Д., Заостровцев А. П.</i> «Чайлдфри»: рациональный выбор или поведенческая миопия?	99
<i>Банных Г. А., Зайцева Е. В., Костина С. Н.</i> Мотивация рождения детей в многодетных семьях со средним достатком: результаты нарративного интервью	120

Дети без родителей

<i>Русакова М. М., Одиноква В. А.</i> Участие детей, находящихся в организациях для детей-сирот, в принятии решений	128
<i>Галушина Н. С.</i> Автобиографический нарратив о сиротстве: ключевые категории и структуры	144

Биографический проект индивида: роль семьи

<i>Исаева В. Б., Ярошенко С. С., Дивисенко К. С.</i> «Моя вся жизнь вокруг буддизма вертится. Буддизм, работа, дети, семья...»: биографический проект современного буддиста	164

Научная жизнь

<i>Русакова И. В.</i> О Всероссийской научной конференции XI Социологические чтения памяти В. Б. Голофаства «Семья в современном мире», 28–31 марта 2019 г., Санкт-Петербург	178

CONTENTS

Family and State

<i>Klupt Mikhail A.</i> Theories and Practices of Family Policy in the XX and XXI Centuries	5
<i>Parfenova Oksana A.</i> The Key Agents of Care for Older People in Modern Russia	23
<i>Kolesnik Natalya V.</i> Russian Elite Families: Methods of Study and Practices of Functioning	36
<i>Demidenko Svetlana Yu.</i> Youth without Work: Family Support as a (De)Stabilizing Factor	50
<i>Lourié Svetlana V.</i> Attitude to Inter-Ethnic Marriages as a Symptom of the Formation of Russian Identity	68

Family Evolution

<i>Egorova Nadezhda Y.</i> Forms of Marriage in Contemporary Russia: Comparison of Socio-Demographic Characteristics	81
<i>Shiriaeva Yaroslava D., Zaostrovtshev Andrey P.</i> “Childfree”: Rational Choice or Behavioral Myopia?	99
<i>Bannykh Galina A., Zaitseva Ekaterina V., Kostina Svetlana N.</i> Reproductive Motivation in Middle-Income Large Families: The Results of a Narrative Interview	120

Children without Parents

<i>Rusakova Maia M., Odinkova Veronika A.</i> Children Participation in Decision Making in Organizations for Orphans	128
<i>Galushina Natalia S.</i> Autobiographical Narrative on Orphanhood: Key Categories and Structures	144

Individual Biographical Project: Family Role

<i>Isaeva Valentina B., Yaroshenko Svetlana S., Divisenko Konstantin S.</i> “All My Life Revolves around Buddhism. Buddhism, Work, Children, Family...”: a Biographical Project of a Modern Buddhist	164

Scientific Life

<i>Rusakova Inna V.</i> About the All-Russian Scientific Conference XI Sociological Readings in Memory of V. B. Golofast “Family in the Contemporary World”, March 28–31, 2019, St. Petersburg	178

СЕМЬЯ И ГОСУДАРСТВО

DOI: 10.25990/socinstras.pss-11.c25h-ac49

М. А. Клупт

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В XX И XXI СТОЛЕТИЯХ

Отторжение значительной частью населения таких либеральных концепций, как феминизм, решение демографической проблемы посредством массовой иммиграции, признание равноценными традиционных и однополых браков, привело в 2010-е гг. на Западе к росту электоральной поддержки правого популизма, в России — к неотрадиционализму. Российский неотрадиционализм в сфере семьи и сексуальности выражается, скорее, в неприятии ряда паттернов, трактуемых как тлетворные западные веяния, нежели в реальных поведенческих практиках. Государственный патернализм характерен для семейной политики многих западных государств; в России он, в силу особенностей цивилизационной матрицы, неизбежен, однако его необходимо удерживать в разумных рамках. Развитие сетей взаимодействия между государством и социально ориентированными некоммерческими организациями остается для современной России крайне актуальным.

Ключевые слова: семейная политика, пронатализм, патернализм, неотрадиционализм, популизм, сравнительный анализ.

KLUPT MIKHAIL A.

THEORIES AND PRACTICES OF FAMILY POLICY IN THE XX AND XXI CENTURIES

In the 2010-th mass resentment towards such liberal conceptions as feminism, greeting of large-scale immigration, equal value of traditional and same-sex marriages contributes to the surge of right populism in the West and neo-traditionalism in Russia. In the domains of family and sexuality, Russian neo-traditionalism manifests itself in hostility to some patterns, interpreted as Trojan horse of the West, rather than in real behaviour. State paternalism is typical of family policy in many Western countries. While, due to specificity of civilization matrix, state paternalism is inevitable in Russia, it should be kept within reasonable boundaries. Progress in interaction between a state and non-profit NGOs remains to be topical for today's Russia.

Keywords: family policy, pronatalism, paternalism, neo-traditionalism, populism, comparative analysis.

Настоящая статья представляет собой попытку углубить понимание сегодняшнего этапа и проблем семейной политики в России, опираясь на анализ ее истории в различных странах. Охватить всемирную историю семейной политики в рамках одной статьи, разумеется, невозможно, в силу чего наш анализ вынужденно фрагментарен. Мы тем не менее стремились хотя бы в некоторой степени отразить ключевые элементы эволюции семейной политики — ее ожидаемые и непредвиденные последствия, конкуренцию, преемственность и отторжение идей, взаимодействие государства и организаций третьего сектора, влияние общих для всего мира тенденций и их преломление в призма цивилизационных особенностей.

Франция: от пронатализма к поддержке работающих родителей

Возникновение демографической и тесно связанной с ней семейной политики Франции было обусловлено как международными, так и внутривнутриполитическими причинами. Становление французской демографической политики проходило под влиянием травмы, нанесенной французскому национальному самосознанию поражением во франко-прусской войне 1870–1871 гг., и перманентной угрозы германской агрессии, исчезнувшей лишь после разгрома фашизма 1945 г. В формировании и реализации демографической и семейной политики огромную роль сыграли организации третьего сектора: элитарные (Национальный союз за увеличение численности французского населения); выросшие «снизу» (Народная лига отцов и матерей многодетных семей и целый ряд других); католические.

Каждый из этих типов организаций, требуя от государства поддержки семей (в период до Второй мировой войны, прежде всего, многодетных), руководствовался собственными мотивами и действовал своими методами. Для Национального союза главным было повысить рождаемость — в этом виделся способ усилить армию и предотвратить германскую агрессию. Идейной основой Национального союза был патриотический пронатализм, а главными идейными врагами — неомальтузианцы, доминировавшие на противоположном берегу Ла-Манша, и их не столь влиятельные французские единомышленники.

Национальный союз, в котором в 1913 г. насчитывалось всего 230 членов (Thebaud 1985: 278), долгое время был по сути элитарным клубом, его политическое влияние определялось авторитетом его основателей и близостью к власти¹.

Народная лига, возглавляемая капитаном Симоном Мэром, небогатым отставным артиллеристом и многодетным отцом, насчитывала 600 тыс. приверженцев (Messu 1992: 19) и множество местных секций. Для Народной лиги пронатализм был обоснованием ее требований к правительству, целью же служило повышение уровня жизни многодетных семей. В 1911 г. Народная лига организовала многотысячную манифестацию в Париже, требуя поддержки многодетных семей. Капитан Мэр был временно задержан полицией, но общественное мнение и пресса встали на его сторону (De Luca Barusse 2009). Прибегая к современной терминологии, можно сказать, что Национальный союз инициировал французскую демографическую политику, тогда как Народная лига и другие семейные ассоциации — семейную. Итогом их совместных действий в конечном счете стала сегодняшняя семейная политика Франции, остающаяся одной из самых щедрых в мире.

Формирование семейной политики Франции в период до Второй мировой войны определяли две политические идеи. Первая — поддержание внутренней стабильности или, иными словами, классового мира оказалась верной — Франции удалось избежать хорошо знакомых ей в прошлом революционных потрясений. Этому, в частности, способствовал закон об ассоциациях 1901 г., предоставлявший общественным ассоциациям значительную свободу. Вторая — защититься с помощью повышения рождаемости от германской агрессии оказалась наивной и иллюзорной. Тем не менее связка «повышение рождаемости — величие Франции» оставалась одной из доминирующих политических концепций французского политического сознания и в первые послевоенные десятилетия.

В своей речи 2 марта 1945 г. генерал Де Голль назвал рождение в ближайшее десятилетие 12 млн здоровых малышей задачей, без решения которой Франция рискует превратиться в «гаснущий светоч» (Де Голль 2004: 502–503). На следующий день был подписан указ о создании союзов семейных ассоциаций на национальном уровне

---

¹ Среди основателей и руководителей союза в разные годы были всемирно известные ученые Ж. Бертильон, Э. Жаваль, А. Ландри, занимавшиеся наряду с научной также и административной и политической деятельностью, лауреат Нобелевской премии в области физиологии и медицины Ш. Рише. Членом союза был и Э. Золя, пронаталистские убеждения которого нашли отражение в его романе «Плодовитость» (1899).

UNAF (Union Nationale des Associations Familiales) и уровне департаментов *UDAF (Union Départementale des Associations Familiales)*. Национальный союз семейных ассоциаций (*UNAF*) субсидируется государством и объединяет семейные ассоциации, придерживающиеся различных воззрений и охватывающие самые различные сферы жизни. В 2014 г. в него входили 6808 ассоциаций, членами которых были 689430 семей.²

Семейная политика Франции формировалась как равнодействующая множества политических сил, отчасти спонтанно, под влиянием эпохальных исторических событий, диктовавших ей свою логику, отчасти целенаправленно, благодаря действиям политиков. Как представляется, наибольшего внимания заслуживают в ней следующие аспекты.

Во-первых, несмотря на перманентную и порой яростную идеологическую полемику между пронаталистами, мальтузианцами, националистами, либералами, коммунистами, католиками, феминистками и т. д. (подробнее см.: Mossuz 1966; Le Bras 1991; Rosental 2003) Франции удалось не утратить идею интегрированного, хотя и далеко не единого в своих взглядах и целях движения за права семьи. Организационным оформлением этой идеи являются получающие финансовую помощь от государства союзы семейных ассоциаций, образованные на уровне страны, региона³ и департамента (*UNAF/URAF/UDAF*). Подобное разделение «идеологического» и «повседневного» оказалось весьма важным в практическом отношении, поскольку позволило не утопить в потоке публицистической риторики реальную деятельность семейных ассоциаций.

Во-вторых, Франции на несколько десятилетий раньше, чем ФРГ, удалось модернизировать свою семейную политику. Начиная с 1970-х – 1980-х гг. она была перефокусирована с модели одного кормильца на помощь двоим работающим родителям и, в частности, на развитие сети детских дошкольных учреждений (Letablier 2003). Это наряду со щедростью семейных пособий стало причиной того, что на протяжении всего послевоенного периода суммарный коэффициент рождаемости во Франции был существенно выше, чем в Германии. Сходство уровня экономического и социального развития Франции и ФРГ, их принадлежность к одному культурному ареалу и членство

---

² <https://www.unaf.fr/spip.php?rubrique26>; <https://www.unaf.fr/spip.php?rubrique3> (дата обращения: 02.05.2019).

³ Административный регион является более крупной, чем департамент, единицей административно-территориального деления Франции.

в ЕС позволяют сделать вывод о том, что причиной устойчиво более высокого уровня рождаемости во Франции является именно ее демографическая политика, позднее переименованная в семейную, но сохранившая свою демографическую направленность.

В-третьих, семейная политика во Франции не была свернута, несмотря на утрату пронатализмом значительной части своей популярности в правящих кругах и растущее влияние на них экономических концепций, видящих корень всех бед в избыточных государственных расходах. Значительную роль в защите семейной политики продолжают играть «семейные» ассоциации. Пронатализм при этом отошел на второй план, но не совсем забыт. Представители семейных ассоциаций, критикуя правительство за стремление урезать под видом реформ семейные пособия, подчеркивают, что его действия чреваты потерей Францией предмета ее гордости — европейского лидерства в уровне рождаемости.

Скандинавские страны: государственный патернализм семейной политики

Щедрость семейной политики скандинавских стран хорошо известна. В рамках данной статьи хотелось бы обратить внимание на другой ее аспект — государственный патернализм. Его жесткий, а точнее жестокий вариант — принудительные по своей сути стерилизации 1935–1975 гг., жертвам которых шведское правительство впоследствии выплачивало компенсации (Lennerheld 1997; Россиянов 2000) ушел в прошлое. Патернализм современных мер семейной политики скандинавских стран носит несравнимо более мягкий характер.

Одна из этих мер — так называемая отцовская квота. Суть ее состоит в том, что отцы могут воспользоваться правом на дополнительный оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком (в Швеции 1 месяц, в Норвегии 5 недель), но не могут передать его матери — неиспользованный отпуск в этом случае пропадает. В Швеции правом на такой отпуск воспользовались 90% отцов (Albrecht, Fichtl, Redler 2017: 50). Другая мера — «премия за равенство» — шведские родители, разделившие отпуск поровну, получают налоговую скидку. Еще одна мера — «премия за скорость», предоставляющая льготы родителям, у которых интервал между рождениями детей не превысил 2,5 лет, была введена в 1986 г. и привела к росту суммарного коэффициента рождаемости с 1,74 в 1985 г. до 2,13 в 1990 г.

Дискуссионной в политическом отношении темой был вопрос о создании частных садов. Шведские социал-демократы выступали против них, считая, что детские дошкольные учреждения должны быть исключительно государственными, так как в противном случае будет нарушено равенство условий социализации шведских детей, а государственные детские сады превратятся в заведения для бедных. По той же причине социал-демократы, а также феминистские организации и организации учителей выступали и против предоставления компенсации семьям, чьи дети не посещают детские сады. Они предупреждали, что этими компенсациями воспользуются в основном женщины-иммигрантки; в результате сами женщины не будут интегрированы в шведскую модель гендерного равенства, а их дети не подготовлены к школе.

В отличие от Швеции, в Норвегии и Финляндии такие компенсации получили широкое распространение и помогают многим женщинам «пересидеть» дома времена, в которые трудно найти работу. В Швеции же отсутствие подобного демпфера способствовало сильному скачку безработицы во время кризиса начала 1990-х гг. Необычайно сильные колебания суммарного коэффициента рождаемости в Швеции (1,63 в 1981 г., 2,13 в 1990 г., 1,50 в 1998 г.) были, скорее всего, связаны и с этим фактором, а не только с переносом рождений на более ранний срок под влиянием «премии за скорость», введенной в 1986 г.

В целом же меры семейной политики Швеции и Норвегии позволяли им оставаться в числе стран с относительно высокой по европейским меркам рождаемостью. Швеция, занимавшая по величине суммарного коэффициента в 1975 г. лишь 36-е место среди 41 развитой страны, в 2016 г. была в тройке лидеров, уступая по значению этого показателя (1,85) лишь Франции (1,92) и Новой Зеландии (1,87).

ФРГ и Италия: парадоксы «естественной семьи»

Семейная политика ФРГ и Италии после Второй мировой войны формировалась христианскими демократами, полагавшими, что «естественная семья» (отец-кормилец и мать-домохозяйка, воспитывающая детей) столь же естественным образом обеспечит и уровень рождаемости, исключающий депопуляцию. В рамках этой концепции принятый во Франции уровень семейных пособий представлялся избыточным. Кроме того, в Италии и Германии стимулирование рождаемости, подобное французскому, было невозможно, так как ассоциировалось бы со стимулированием рождений «истинных арийцев» в нацистском третьем рейхе и фашистской Италии.

Ставка на естественную семью, однако, не оправдала себя. С конца 1970-х гг. уровень рождаемости в Германии и Италии был заметно более низким, чем во Франции и Швеции, осуществивших целый комплекс мер, направленных на поддержку работающих матерей и их щедрую материальную помощь семьям с детьми (рис. 1).

По мнению многих экспертов, одной из основных причин столь низкой рождаемости стала недостаточное внимание, уделяемое государством развитию инфраструктуры дошкольного воспитания детей, роль которой в условиях преобладания семей, где отец работал, а мать занималась детьми, долгое время казалась второстепенной. Представления о том, какой должна быть «хорошая мать», в ФРГ существенно отличались от Франции, где инфраструктура дошкольного воспитания была развита гораздо лучше и профессиональная деятельность женщин стала нормой. В ФРГ с ее моделью отца-кормильца и матери-домохозяйки, «правильная» мать должна была оставаться дома до тех пор, пока ее дети не подрастут. Для многих немок рождение второго ребенка оказывалось в этих условиях несовместимым либо с профессиональной карьерой, либо с хорошим выполнением материнских обязанностей.

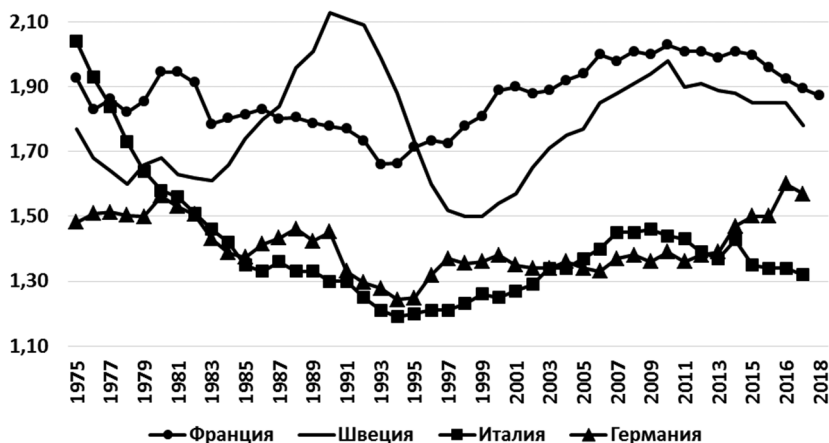

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости в четырех европейских странах в 1975–2018 гг.

Источники: <http://www.demoscope.ru/weekly/app/app4007.php> (дата обращения: 05.05.2019); https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Fertility_statistics#Total_fertility_rate_and_age_of_women_at_birth_of_first_child (дата обращения: 05.05.2019)

В минувшем десятилетии семейная политика ФРГ была переориентирована на модель семьи с двумя работающими родителями. В 2010-е годы заметно вырос размер семейных пособий, с 2015 г. родительский отпуск по уходу за ребенком был увеличен до трех лет, причем этим отпуском, разбивая его на части, можно воспользоваться до достижения ребенком восьми лет. Был принят ряд мер, способствующих тому, чтобы отпуска по уходу за ребенком использовались не только матерями, но и отцами. Доля отцов, воспользовавшихся такими отпусками, выросла с 3,5% в 2007 г. до 35,7% в 2015 г. (Albrecht, Fichtl, Redler 2017: 50). Рост суммарного коэффициента рождаемости в ФРГ — с 1,36 в 2011 г. до 1,60 в 2016 г. и 1,57 в 2017 г. скорее всего, в той или иной степени, представляет собой реакцию на эти меры. В пользу этого вывода говорит то, что подобная реакция наблюдалась ранее и в других странах, включая Россию. В Италии же, где меры семейной политики, подобные немецким, не были введены, суммарный коэффициент рождаемости остается одним из самых низких в Европе (1,32 в 2017 г.).

Роль государства в семейной политике: межстрановые различия

Характер взаимоотношений между государством и организация-ми третьего сектора в области семейной политики в конечном счете определяется цивилизационной матрицей и одной из ее базовых характеристик — местом государства в общественной жизни. Это обстоятельство, наряду с различиями в уровне экономического развития, определяет широкую вариацию национальных моделей семейной и демографической политики.

Одной из них является политика снижения рождаемости в странах Африки южнее Сахары. Ввиду финансовой и политической слабости государственных институтов, основными спонсорами такой политики стали западные страны и международные организации, также в значительной степени финансируемые из западных источников. Посредниками в распределении средств, ассигнуемых Западом на снижение рождаемости, стали национальные неправительственные организации (далее — НПО). Для африканской модели характерны: отсутствие средств на проведение демографической и семейной политики у национальных правительств; проведение демографической политики под диктовку западных держав с целью добиться их политической

благосклонности и финансовой помощи в «недемографических» областях; конфликты между местными НПО и национальными правительствами по поводу использования полученных от западных спонсоров средств. Успехи политики снижения рождаемости в Африке южнее Сахары невелики. В целом по региону суммарный коэффициент рождаемости снизился по оценкам ООН с 6,78 в 1975–1980 гг. до 5,10 в 2010–2015 гг. (World... 2017).

Несмотря на то, что российские проблемы и цели в области рождаемости диаметрально противоположны африканским, параллели между африканской моделью и российской семейной политикой в 1990-е гг. достаточно очевидны. Российский опыт 1990-х гг. свидетельствует о неэффективности ухода государства из сферы семейной политики и иллюзорности надежд на то, что справиться с демографическими проблемами можно, полагаясь, главным образом, на активность международных и национальных НПО и помощь Запада.

Непосредственными причинами смены парадигмы российской семейной и демографической политики в 2000-е и 2010-е гг. были, разумеется, рост финансовых ресурсов российского государства и ухудшение отношений с Западом. Тем не менее в современной российской демографической и семейной политике вполне явно просматривается и цивилизационный фактор. Межстранный анализ (Елисеева, Клупт 2016; Клупт 2016; 2018) свидетельствует о том, что в обществах, где государство играет центральную роль, в частности в России и КНР, демографическая и семейная политика неизбежно выстраивается иным образом, чем в государствах с давними традициями гражданского общества, сочетающимися с сильной государственной бюрократией (Франция). Патернализм шведской семейной политики тесно связан с идеалом «народного дома» и моделью «шведского социализма», в ряде отношений представляющего собой противоположность США, где высокий уровень жизни сочетается с популярностью идей «минимального государства».

Критика «государственного патернализма» в 1990-е гг. стала общим местом российской социологической литературы и публицистики. Как представляется, эта критика является внутренне противоречивой. Российские исследователи и критики государственного патернализма, как правило, признают, что он, в сущности, вполне устраивает большинство населения, недовольство которого вызывает не сам факт государственной помощи, оказываемой на определенных условиях, а ее недостаточные размеры (Зеликова, Чернова 2012). Критика

патернализма, таким образом, осуществляется с типично патерналистских позиций — «неразумному» населению следует навязать решение, кажущееся идеологам разумным.⁴

Семейная политика стран Запада никогда не была свободна от патернализма. Жесткий патернализм (запрет контрацепции и абортов во Франции и многих других странах, принудительные стерилизации в Швеции) ушли в прошлое; патернализм современной семейной политики несравненно более мягок и опирается на позитивные, а не на негативные стимулы. Однако многие меры семейной политики, о которых говорилось выше — ограничения на развитие частных детских садов, «отцовские квоты» и «бонусы за равенство», отказ от компенсаций матерям, предпочитающим воспитывать детей дома, вполне подходят под понятие патерналистских. Все они, так или иначе, побуждают население к определенным моделям поведения, представляющимся правильными тем или иным группам политиков и идеологов.

«Государственный патернализм» — неизбежный спутник участия государства в семейной политике. Ожидания того, что государство, финансируя семейную политику, в то же время откажется от продвижения с ее помощью определенных идей и практик, носят утопический характер. При разработке и реализации семейной политики, разумеется, нельзя забывать о здравом смысле. Государственный патернализм не должен выходить за разумные границы, однако полностью «изгнать» его из политики, в том числе семейной, вряд ли когда-либо удастся.

Тренды 2010-х

Семейная политика, находясь на периферии внутриполитической борьбы и международных отношений, тем не менее связана с ними. В 2010-е годы выяснилось, что отторжение ряда идей, популярных среди либеральных политиков и интеллектуалов в 1990-е гг., оказалось более массовым, чем это когда-то ожидалось. К числу таких идей, среди прочего, относятся решение демографической проблемы за счет массовой иммиграции, утверждение феминистской повестки в качестве основы семейной политики, признание однополых браков равноценными бракам между мужчиной и женщиной и ряд других.

---

⁴ Подобные противоречия типичны не только для России. Британских противников выхода из ЕС вряд ли можно отнести к идеологам и адептам государственного патернализма. Они тем не менее настаивают на том, что парламент должен уберечь народ, «по недомыслию» проголосовавший за Брексит, от его последствий.

Обострение отношений между Западом и не-Западом — Россией, Китаем, рядом исламских и латиноамериканских стран — привело к усилению в этих странах симпатий к «почвенному» и традиционному в противовес западному. В современном Китае, например, это проявляется в растущей популярности конфуцианства и стремлении сформировать новую идеологическую линию, объединяющую неоконсерватизм, традицию и теории социализма (Ломанов 2017).

В России значительная часть населения стала воспринимать экспансию западных паттернов семейных и сексуальных отношений как угрозу нравственным устоям общества и национальной идентичности. Российский неотрадиционализм в семейной сфере проявляется скорее в представлениях массового сознания, чем в реальном поведении. Добрые «молодежные» сожительства стали едва ли не всеобщей практикой, не осуждаются и незарегистрированные брачные союзы людей более зрелого возраста. Социологические опросы свидетельствуют о том, что гибкое распределение обязанностей между супругами и их равенство в принятии решений стали доминирующей практикой. В то же время наблюдается растущее неприятие таких моделей поведения, как внебрачные связи людей, состоящих в браке, и однополые сексуальные связи (табл. 1).

Таблица 1

Динамика мнений о нормах сексуальных отношений в 1991–2018 гг.

Мнение	Доля респондентов (%), поддержавших данное мнение при опросе			
	Данные ВЦИОМ		Данные Левада-Центра	
	1991	2018	1998	2017
Внебрачная связь человека, состоящего в браке, всегда предосудительна	35	52	30	43
Однополые сексуальные связи всегда предосудительны	57	75	54	69

Источники: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8939> (дата обращения: 05.05.2019); <https://www.levada.ru/2018/01/11/17389/> (дата обращения: 05.05.2019).

Современные представления россиян о «правильной» семейной жизни, таким образом, сдвинулись в сторону модели, доминировавшей на протяжении большей части советского периода российской истории. То, что три десятилетия назад воспринималось как освобождение от надоевших запретов прежнего идеологического начальства, ныне снова видится ядовитым плодом, вкусить который злонамеренно предлагает враждебное внешнее окружение. Судя по опросу Института общественного мнения, 77% мужчин и 52% женщин относятся к феминизму отрицательно или скорее отрицательно, много знают о движении MeToo 12%, что-то слышали о нем 46% опрошенных, положительно или скорее положительно относятся к нему 37%, отрицательно или скорее отрицательно 28%, безразлично 35% (Взгляды... 2018). Подобное восприятие ситуации на массовом и официальном идеологическом уровнях взаимно подпитывают и усиливают друг друга. Многократные упоминания «традиционных семейных ценностей» в новой Концепции государственной семейной политики Российской Федерации представляют собой одно из проявлений этой тенденции.

С другой стороны, достижение либерального консенсуса по проблемам иммиграции, семьи и сексуальности оказалось невозможным и на самом Западе. Хотя Всемирная конференция по проблемам народонаселения в Каире в 1994 г. стала свидетельством растущего влияния НПО, продвигающих либеральную повестку в области репродуктивных прав и сексуальности, последующие попытки сделать ее доминирующей на международной арене встретили нарастающее сопротивление. Авторы доклада о действиях религиозно-консервативных НПО на международной арене не без разочарования отмечают, что приход в ООН религиозно-консервативных организаций, в значительной своей части американских, опрокинул либеральный консенсус, характерный ранее для форумов НПО в ООН (Lobbying... 2013: 5). Отрицание либеральной повестки в сфере семьи и сексуальности характерно также для набирающих политический вес правых популистских партий. В Италии за «Лигу» (бывшую «Лигу Севера»), проголосовало на последних выборах в Палату депутатов 17,4% избирателей, на 4,3 млн больше, чем на выборах 2013 г. Лидер Лиги, М. Сальвини, ставший министром внутренних дел, известен своей жесткой позицией по отношению к иммиграции. Другой представитель Лиги, министр семьи Л. Фонтана заявил, что главным пунктом его политической повестки станет рождаемость. Он также высказался против культурного релятивизма, навязываемого глобализацией, заявив

о своей приверженности естественной семье, в которой у ребенка должны быть мама и папа.⁵

Отказ Венгрии и Польши от выполнения квот по распределению беженцев, устанавливаемых Комиссией ЕС, вряд ли случайно совпал в этих странах с принятием мер, направленных на стимулирование рождаемости. В обеих странах партии, находящиеся у власти, использовали в качестве политического козыря борьбу за сохранение национальной идентичности, демонстративно пренебрегая при этом недовольством Брюсселя.

Гендерный разрыв в голосовании за правые популистские партии в зарубежной Европе также в определенной степени связан с неприятием либеральной повестки в сфере семьи и сексуальности. Мужчины голосуют за правых популистов чаще, чем женщины. В Швеции, например, среди мужчин доля симпатизирующих «несистемной» партии «Шведские демократы», была, судя по данным опросов в 2015–2018 гг., примерно вдвое большей, чем среди женщин (рис. 2). Та же тенденция наблюдалась и на выборах в немецкий бундестаг в 2017 г. — электоральная поддержка «Альтернативы для Германии» мужчинами была во всех возрастах выше, чем женщинами (табл. 2).

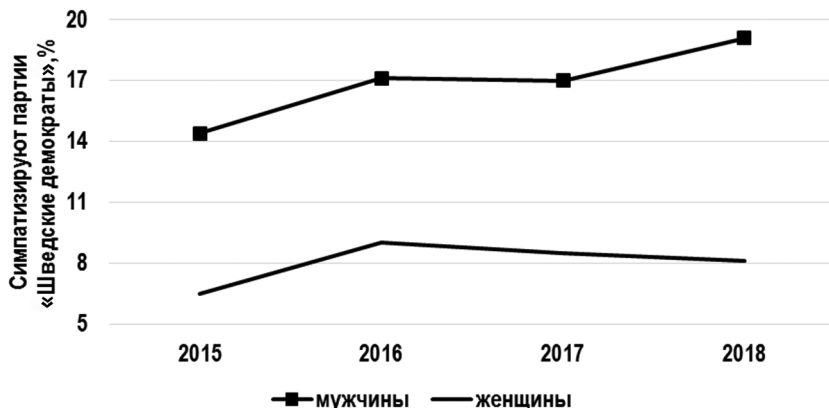

Рис. 2. Доля (%) мужчин и женщин, симпатизирующих партии «Шведские демократы»

Источник: Partisymptatiundersökningen... 2018.

⁵ Corriere della serra. 2018. 2 giugno. URL: https://www.corriere.it/politica/18_giugno_02/lorenzo-fontana-famiglie-gay-non-esistono-ora-piu-bambini-meno-aborti-abc3cae2-65d4-11e8-b063-cd4146153181.shtml?refresh_ce-cp (дата обращения: 05.05.2019).

Таблица 2

Доля избирателей (%), проголосовавших на выборах в бундестаг ФРГ в 2017 г. за «Альтернативу для Германии», среди мужчин и женщин

Пол	Всего	Избиратели в возрасте (лет)					
		18–24	25–34	35–44	45–59	60–69	70 и старше
Мужчины	16,3	10,0	16,1	19,7	19,2	16,7	11,3
Женщины	9,2	6,0	9,6	11,2	11,1	9,9	5,9

Источник: Kobold, Schmiedel 2018: 150.

В США, по данным Службы Гэллапа, деятельность Д. Трампа на посту президента год спустя после его вступления в должность одобряли 45% мужчин, но только 33% женщин. Гендерный разрыв в рейтингах Трампа оказался выше, чем тот, что наблюдался после года президентства его недавних предшественников Б. Обамы и Б. Клинтона (женщины положительно оценивали обоих на 6 процентных пунктов чаще, чем мужчины) и Дж. Буша, которого на 7 процентных пунктов чаще одобряли мужчины (Brenan... 2018).

Подобный гендерный разрыв отчасти определяется социально-профессиональной структурой — правых популистов и Д. Трампа чаще поддерживают рабочие, а среди них больше мужчин. Однако обоснованным представляется и еще одно объяснение, дополняющее предыдущее — мужской электорат правых популистов ощущает себя группой, дискриминируемой либеральной повесткой, выдвинувшей на первый план права иммигрантов, женщин и сексуальных меньшинств.

Заключительные замечания

Процесс формирования семейной политики в современном мире далеко не завершен. Поиск наилучшего варианта такой политики происходит во многих странах и, как правило, сопровождается идеологической полемикой, поскольку различные политические силы видят «правильные» ответы на вызовы современности по-разному. Этот поиск происходит путем проб и ошибок — в современной истории семейной и демографической политики немало примеров, когда их результаты оказывались далеки от ожидаемых.

Международные отношения и внутриполитический фон семейной политики в 2010-е гг. существенно отличаются от тех, что были характерны для конца прошлого столетия. Ответом на либеральную повестку 1990-х стало формирование в XXI столетии многочисленных и весьма влиятельных групп ее противников. В незападных странах подобная повестка стала восприниматься как «троянский конь» Запада. Это, как на официальном идеологическом уровне, так и в массовом сознании, привело к стремлению противопоставить «западному» свое, «почвенное», в том числе в сфере семейной политики. На самом же Западе, вопреки прогнозам либерального «конца истории», начался рост популярности антилиберальных популистских партий, кандидатов и программ. Возвращение, хотя и не слишком громогласное, диалекты «национальная идентичность — рождаемость» на политико-демографическую арену России и Запада является одним из проявлений данной тенденции.

Поиск наилучшего варианта взаимодействия между государством и организациями третьего сектора в каждой стране неизбежно ограничен ее цивилизационной матрицей, важнейшим и весьма инерционным элементом которой являются отношения между государством и обществом. Опыт России 1990-х гг. свидетельствует о том, что если организации третьего сектора не финансируются своим государством, то финансируются чужими. В 2010-е гг. ситуация изменилась, однако сделала актуальной другую проблему — поддержание креативного потенциала и инициативности российских социально ориентированных некоммерческих организаций в условиях их финансовой зависимости от государства.

Источники

Взгляды россиян на феминизм [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://iom.anketolog.ru/2018/10/15/otnoshenie-rossiyan-k-feminizmu> (дата обращения: 05.05.2019).

Де Голль Ш. Военные мемуары. Т. 3: Спасение 1944–1946. М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2004. 799 с.

Елисеева И. И., Клупт М. А. Трансформация семьи в России и Китае: сравнительный анализ // Вопросы статистики. 2016. № 8. С. 53–65. DOI: 10.34023/2313-6383-2016-0-8-53-65.

Зеликова Ю. А., Чернова Ж. В. Патернализм современной российской семейной политики: позиция государства и ожидания граждан // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 4. С. 96–110.

Клупт М. А. Государство, «третий сектор» и демографическая политика // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 24–33.

Клунт М. А. Трансформация и дискурсы китайской семьи // Новая значимость семьи и межпоколенных отношений в России и Китае / Под ред. И. И. Елисейевой. СПб.: Реноме, 2018. С. 12–49. DOI: 10.25990/socinstras.rus-chin.mrzj-mb83.

Ломанов А. Неоконсерватизм с китайской спецификой [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2017. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Neokonservativizm-s-kitaiskoi-spetcifikoi-18915> (дата обращения: 06.05.2019).

Россиянов О. К. Цена прогресса и ценности науки: новая книга по истории евгеники // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 178–186.

Albrecht C., Fichtl A. Redler P. Fathers in Charge? Parental Leave Policies for Fathers in Europe // ifo DICE Report. Vol. 15, No. 1. 2017. P. 49–51.

Le Bras H. Marianne et les lapins: l'Obsession démographique. Olivier Orban, 1991. 284 p.

Brenan M. Gap on Trump Approval Bigger than Predecessors' [Electronic resource]. 2018. URL: <https://news.gallup.com/poll/226178/gender-gap-trump-approval-bigger-predecessors.aspx> Gender (access date: 06.05.2019).

Kobold K., Schmiedel S. Wahlverhalten bei der Bundestagswahl 2017 nach Geschlecht und Alter. Ergebnisse der repräsentativen Wahlstatistik. Statistisches Bundesamt // WISTA. No. 3. 2018. P. 142–157.

Lobbying for Faith and Family. A Study of Religious NGOs at the United Nations. Norad Report 7/2013. Oslo, 2013. 38 p.

De Luca Barrusse V. La revanche des familles nombreuses: les premiers jalons d'une politique familiale (1896–1939) // Revue d'histoire de la protection sociale. No. 2. 2009. P. 47–63

Partisymptatiundersökningen november 2018 [Elektronisk resurs]. Stockholm: SCB, 2018. URL: https://www.scb.se/contentassets/2bdd1d03007048c9a8f3338710bf91dd/me0201_2018m11_br_me60br1802.pdf (tillträdesdatum: 06.05.2019).

Lennerhed L. The Swedish Sterilisation Policy: A Skeleton in the Cupboard? // Reproductive Health Matters, 1997. No. 10. P. 156–157.

Letablier M.-T. Fertility and Family Policies in France // Journal of Population and Social Security (Population). Vol. 1, Supplement. 2003. P. 245–261.

Messu M. Les politiques familiales: du natalisme à la solidarité. Paris: Les édition ouvrière, 1992. 142 p.

Mossuz J. La régulation des naissances: les aspects politiques du débat // Revue française de science politique. 1966. Vol. 16, No. 5. P. 913–939.

Rosental P.-A. L'intelligence démographique. Sciences et politiques des populations en France (1930–1960). Paris: Odile Jacob, 2003. 368 p.

Thebaud F. Le mouvement nataliste dans la France de l'entre-deux-guerres: l'Alliance nationale pour l'accroissement de la population française // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1985. Vol. 32, No. 2. P. 273–301.

World Population Prospects: The 2017 Revision [Electronic resource]. UN, 2017. File F/4. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Fertility/> (access date: 06.05.2019).

References

Albrecht C., Fichtl A. Redler P. Fathers in Charge? Parental Leave Policies for Fathers in Europe. *ifo DICE Report*, 2017, vol. 15, no. 1, pp. 49–51.

Brenan M. *Gap on Trump Approval Bigger than Predecessors*. 2018. URL: <https://news.gallup.com/poll/226178/gender-gap-trump-approval-bigger-predecessors.aspx> Gender (access date: 06.05.2019).

De Goll' Sh. *Voennye memuary [War memoirs]*. Vol. 3: Spasenie 1944–1946 [Salvation 1944–1946]. Moscow, AST, Astrel', Tranzitkniga, 2004, 799 p. (In Russian)

Eliseeva I. I., Klupt M. A. Transformatsiya sem'i v Rossii i Kitae: sravnitel'nyy analiz [Family transformation in Russia and China: comparative analysis]. *Voprosy statistiki [Issues of Statistics]*, 2016, no. 8, pp. 53–65. DOI: 10.34023/2313-6383-2016-0-8-53-65. (In Russian)

Klupt M. A. Gosudarstvo, “tretiy sektor” i demograficheskaya politika [State, “the third sector” and population policy]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2016, no. 6, p. 24–33. (In Russian)

Klupt M. A. Transformatsiya i diskursy kitayskoy sem'i [Transformation and Discourses of Chinese Family]. *Novaya znachimost' sem'i i mezhpokolennykh otnosheniy v Rossii i Kitae [New Importance of Family and International Relations for Russia and China]*. Ed by. I. I. Eliseeva. Saint Petersburg, Renome, 2018, pp. 12–49. DOI: 10.25990/socinstras.10.25990/socinstras.rus-chin.mrzj-mb83. (In Russian)

Kobold K., Schmiedel S. Wahlverhalten bei der Bundestagswahl 2017 nach Geschlecht und Alter. Ergebnisse der repräsentativen Wahlstatistik. Statistisches Bundesamt. *WISTA*, 2018, no. 3, pp. 142–157.

Le Bras H. *Marianne et les lapins: l'Obsession démographique*. Olivier Orban, 1991, 284 p.

Lennerhed L. The Swedish Sterilisation Policy: A Skeleton in the Cupboard? *Reproductive Health Matters*, 1997, no. 10, pp. 156–157.

Letablier M.-T. Fertility and Family Policies in France. *Journal of Population and Social Security (Population)*, 2003, vol. 1, Supplement, pp. 245–261.

Lobbying for Faith and Family. A Study of Religious NGOs at the United Nations. Norad Report 7/2013. Oslo, 2013, 38 p.

Lomanov A. Neokonservativizm s kitayskoy spetsifikoy [Neo-conservatism with Chinese specifics]. *Rossiya v global'noy politike [Russia in Global Affairs]*, 2017, no. 4, URL: <https://globalaffairs.ru/number/Neokonservativizm-s-kitaiskoi-spetsifikoi-18915> (access date: 06.05.2019). (In Russian)

De Luca Barrusse V. La revanche des familles nombreuses: les premiers jalons d'une politique familiale (1896–1939). *Revue d'histoire de la protection sociale*, 2009, no. 2, pp. 47–63.

Messu M. *Les politiques familiales: du natalisme à la solidarité*. Paris, Les édition ouvrière, 1992, 142 p.

Mossuz J. La régulation des naissances: les aspects politiques du débat. *Revue française de science politique*, 1966, vol. 16, no. 5, pp. 913–939.

Partisymphatiundersökningen november 2018. Stockholm, SCB, 2018, URL: https://www.scb.se/contentassets/2bdd1d03007048c9a8f3338710bf91dd/me0201_2018m11_br_me60br1802.pdf (access date: 06.05.2019).

Rosental P.-A. *L'intelligence démographique. Sciences et politiques des populations en France (1930–1960)*. Paris, Odile Jacob, 2003, 368 p.

Rossiyanov O. K. Tsena progressa i tsennosti nauki: novaya kniga po istorii evgeniki [The price of progress and values of science. New book on history of eugenics]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Issues of history of natural science and technics], 2000, no. 1, pp. 178–186. (In Russian)

Thebaud F. Le mouvement nataliste dans la France de l'entre-deux-guerres: l'Alliance nationale pour l'accroissement de la population française. *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 1985, vol. 32, no. 2, pp. 273–301.

Vzglyady rossiyan na feminizm [Russians' views on feminism]. 2018. URL: <https://iom.anketolog.ru/2018/10/15/otnoshenie-rossiyan-k-feminizmu> (access date: 05.05.2019). (In Russian)

World Population Prospects: The 2017 Revision. UN, 2017. File F/4. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Fertility/> (access date: 06.05.2019).

Zelikova Yu. A., Chernova Zh. V. Paternalizm sovremennoy rossiyskoy semeynoy politiki: pozitsiya gosudarstva i ozhidaniya grazhdan [Paternalism of contemporary Russian family policy: the state position and the cityzens' expectations]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 2012, no. 4, pp. 96–110. (In Russian)

Клупт Михаил Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Klupt Mikhail, Dr. Sc. (Economics), Professor, SPbSEU.

klupt@mail.ru

О. А. ПАРФЕНОВА

КЛЮЧЕВЫЕ АГЕНТЫ ЗАБОТЫ О ПОЖИЛЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Старение населения, нуклеаризация семей, и, как следствие — рост числа одиноких пожилых людей стимулировали развитие социальной политики и появление новых агентов заботы о пожилых в современной России. Помимо традиционного агента — семьи, появились государственные социальные сервисы и НКО/бизнес-организации. Для анализа современного поля заботы были использованы материалы наших исследований 2011–2014 и 2017–2018 гг. (интервью с пожилыми людьми, представителями государственных социальных сервисов, официальные документы различных уровней) и публикации других исследователей. Внутрисемейная забота о пожилым человеке часто является вынужденной мерой, хотя и «культурно одобряемой». Новой формой «квазисемейной» заботы является активно развивающийся институт «приемных семей» для пожилых. Другой крупный агент заботы — государственные социальные сервисы. Основные сложности в их работе с пожилыми, согласно нашим данным, связаны с довольно забюрократизированным, ограниченным и негибким форматом оказания услуг. Такой формат способен удовлетворять какую-то часть базовых потребностей пожилого человека, но практически не позволяет самому пожилому человеку быть агентом в организации заботы о себе. На социального работника в этом случае ложится слишком большая эмоциональная и физическая нагрузка. Альтернативой государственным сервисам являются НКО/бизнес-организации, предлагающие более широкий и гибкий спектр услуг. Однако здесь мы сталкиваемся сразу с несколькими проблемами: проблема доступа (как правило, они работают только в крупных городах-миллионниках); слишком высокая стоимость услуг. В случае, когда бизнес-организация или НКО/бизнес-организации включены в реестр поставщиков социальных услуг и могут предложить свои услуги по ценам, сопоставимым с государственными сервисами, возникает проблема слабой информированности/недоверия/настороженности со стороны пожилых людей, которые воспроизводят логику «государственное» значит «надежное». На практике забота нередко имеет «слоеный» характер, поскольку у пожилого человека и его родственников появилась возможность выбирать формат заботы, «миксовать» разных агентов и практики.

Ключевые слова: старение; нуклеаризация; забота; социальное обслуживание; социальные сервисы; НКО и бизнес-организации как агенты заботы.

---

* Статья написана на основе доклада «Семья, социальные сервисы и НКО/бизнес-организации как ключевые агенты заботы о пожилых: конфликты, противоречия и точки роста», представленного 28 марта 2019 г. на Всероссийской научной конференции XI Социологические чтения памяти В. Б. Голофафа «Семья в современном мире».

PARFENOVA OKSANA A.

THE KEY AGENTS OF CARE FOR OLDER PEOPLE IN MODERN RUSSIA

The aging population, the nuclearization of families, and, as a result, the growing number of single elderly people have stimulated the development of social policy and the emergence of new agents of older people care in modern Russia. In addition to the traditional agent — the family, state social services and NGOs/business organizations have appeared. To analyze their activities, we used materials from our studies of 2011–2014 and 2017–2018 (interviews with older people, representatives of state social services, official documents of various levels) and publications of other researchers. Intra-family care for an old person is often a necessary measure, albeit a “culturally approved one”. A new form of “quasi-family” care is an actively developing institution of “foster families” for the elderly. Another major agent of care is state social services. The main difficulties in their work with the elderly, according to our data, are associated with a rather bureaucratic, limited and inflexible format of service provision. Such a format is able to satisfy some part of the basic needs of an elderly person, but practically does not allow the most elderly person to be an agent in organizing self-care. In this case, too much emotional and physical stress falls on social workers. An alternative to public services are NPOs/business organizations offering a wider and more flexible range of services. However, here we encounter several problems at once: the problem of access (as a rule, they only work in large cities with a population of over one million); too high cost of services. In the case when a business organization or NPO is included in the register of social service providers and can offer their services at prices comparable to government services, there is a problem of poor awareness/mistrust/alertness on the part of older people who reproduce the logic “state” means “reliable”.

Keywords: aging; nuclearization; care; social care; public services; NGOs and business organizations as agents of care.

Введение

Старение — это устойчивый тренд большинства развитых и многих развивающихся стран. Россия в данном случае не является исключением. Доля пожилых в нашей стране растет и на сегодняшний день число людей в возрасте «60+» составляет примерно 20% от общей численности населения и по прогнозам к 2030 г. увеличится до 24% (Global AgeWatch Index 2015). Старение населения сопряжено с двумя другими важными тенденциями — нуклеаризацией семей и низкими показателями здоровья пожилых. Нуклеаризация поддерживается внутренней миграцией молодого поколения из сельской местности

в крупные города и стремлением к отдельному проживанию разных поколений городских семей. Кроме того, «неравновесность» поколений с преобладанием людей более старшего возраста в России на сегодняшний день сигнализирует о том, что уход за пожилыми родственниками сложно осуществлять силами только членов семьи, без помощи государства и бизнеса (Елисеева 2017). Если рассматривать показатели здоровья пожилого населения, то можно обнаружить, что у нашей страны эти показатели одни из самых низких (86 место из 96 сравниваемых стран) (Global AgeWatch Index 2015). Это отражается на относительно невысоких (особенно у мужчин) по сравнению с развитыми странами показателях средней продолжительности жизни. Кроме того, средняя продолжительность жизни сельского населения ниже, чем городского: в городе она составляет 77,1 лет для женщин и 66,4 года для мужчин, а в сельской местности 75,6 и 64,7 лет соответственно (Росстат... 2016). Все это приводит к тому, что пожилому, одиноко проживающему человеку требуется посторонняя помощь/забота. В этом случае вопрос о том, кто и на каких условиях должен заботиться о пожилых маломобильных родственниках, приобретает особую актуальность. В официальном дискурсе в отношении пожилых, как правило, используются слова «обслуживание», «обеспечение», «уход» и др. Мы в своем исследовании используем категорию «забота» (по аналогии с *care*), поскольку она более полно и адекватно отражает различные сценарии помощи пожилым.

В настоящей статье мы выделяем и анализируем три ключевых агента заботы в современной России — семья, государственные сервисы и НКО/бизнес-организации. В европейских странах распределение практик заботы о пожилым человеком между государством, семьей и третьим сектором носит устойчивый характер. Исследователи отмечают, что хорошее материальное положение повышает уровень самостоятельности пожилого человека, а «сплоченность» семьи, характерная для южных регионов Европы, способствует неформальной помощи и внутрисемейной заботе. (Bettio, Plantenga 2004). В странах северной Европы, где традиционно более выражены форматы «холодной институциональной» заботы исследователи отмечают тенденцию «маркетизации» заботы — государственные сервисы становятся платными и активно развиваются частные контракты, в пользу которых делают выбор состоятельные пожилые люди. Кроме того, получает более широкое распространение внутрисемейная забота (*re-familization*). По мнению исследователей это ставит под удар потенциал классового

и гендерного равенства в скандинавских «государствах благосостояния» (Moberg 2017; Szebehely, Meagher 2018).

В отечественном контексте семья традиционно воспринималась и воспринимается как ключевой агент заботы. Сегодня, несмотря на отсутствие данных о количестве семей, осуществляющих заботу о близком пожилом родственнике, можно предположить, что это является наиболее массовой формой организации заботы в современной России. Государственные социальные сервисы являются самой массовой формой государственной заботы о пожилых. НКО/бизнес-организации, несмотря на свою относительно небольшую распространенность и статус новичка в поле социальной заботы, воплощают важную тенденцию «разгосударствления» заботы.

Методология и теоретическая рамка

Исследование выполнено в русле качественной методологии. Основными материалами послужили эмпирические данные двух исследований (2009–2011 гг. и 2017–2018 гг.), посвященных социальным сервисам для пожилых. Первое исследование было проведено в Санкт-Петербурге, второе в 5 городах/регионах: Санкт-Петербург, Нижний Новгород и область, Великий Новгород и область, Республика Карелия, Томск и область. В качестве эмпирических объектов были выбраны государственные социальные сервисы — КЦСОНы (комплексные центры социального обслуживания населения) и их аналоги. Интервью были взяты у пожилых клиентов социальных сервисов, руководителей социальных сервисов/подразделений, социальных работников. Представленные в исследовании регионы репрезентируют разные типы поселений и это позволяет сконструировать целостное представление о современном состоянии социального обслуживания. Санкт-Петербург — город федерального значения, Нижний Новгород — город-миллионник, Великий Новгород и Петрозаводск — города с населением около 300 тыс. жителей, Томск — 570 тыс. человек, в котором проживает половина населения Томской области. Райцентры представлены в интервью Новгородской и Нижегородской области. В выборке представлены и сельские поселения, которые представляют отдельный интерес, поскольку там отсутствует характерная для города инфраструктура. Помимо интервью для анализа мы использовали данные статистики, нормативно-правовые акты, а также публикации других исследователей.

Мы рассматриваем агентов заботы сквозь призму уже ставшей классической типологией заботы А. Хохшильд (Hochschild 2003).

Семья в данном случае выступает примером «традиционной» заботы (осуществляется в рамках семьи, основной поставщик заботы — женщина). Социальные сервисы и НКО/бизнес-организации как отражение «постсовременной»/«современной холодной заботы» (забота о детях и пожилых осуществляется государственными/частными институтами). В случае «слоеной»/комбинированной заботы мы имеем дело с «современной теплой заботой» (часть заботы на институтах, часть — на мужчинах и женщинах, членах одной семьи). В настоящее время проблемы пожилых решаются с использованием различных ресурсов: в заботу включены разные институты — семья, рыночные ресурсы, социальное государство и общественные организации; осуществляется так называемый «микс» социальной заботы (Григорьева 2005). Вместе с тем государство выступает, с одной стороны, институтом социальной заботы, с другой — регулятором взаимодействия других акторов заботы. Именно широко развертывающиеся социальные взаимодействия порождают сеть социальных отношений, организованную и интегрированную благодаря наличию общей ценностной ориентации. В рамках нашего исследования взаимодействие агентов и получателей заботы формируется посредством обмена ожиданиями, мотивами, ресурсами, тем самым конструируя устойчивые модели поведения всех акторов, в том числе и государства (Хабермас 1993).

Агенты заботы: противоречия и точки роста

В ходе исследования мы выделили три ключевых агента заботы о пожилым человеке. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Семья

Организация заботы в семье либо силами семьи зависит от формата проживания разных поколений семьи. Забота силами членов семьи возможна либо при совместном проживании с пожилым человеком в одной квартире/доме, либо в том случае, когда родственники проживают неподалеку и способны совершать регулярные визиты. К сожалению, не существует статистики, которая позволяла бы оценить масштаб распространенности внутрисемейной заботы о пожилых. Такой вид заботы уместно рассматривать в категориях «неоплачиваемого труда» (Knijn, Kremer 1997) и воплощения «постсовременной»/«теплой заботы» (Hochschild 2003). На практике исследователи фиксируют синдром «сэндвич-поколения» — сложности в совмещении профессиональной

деятельности и практик заботы о детях с заботой о пожилых родителях, а также эмоциональное и физическое выгорание (Ткач 2015; Здравомыслова 2016). Ключевой вопрос/конфликт, который возникает при реализации семейного сценария заботы, на наш взгляд, следующий: забота в семье/силами близких: добровольный выбор обеих сторон или вынужденная мера?

В крупных городах заботящиеся члены семьи имеют возможность разделить заботу с государственными сервисами. Новой тенденцией является развитие государством института приемных семей. Поддержка этой инициативы, с одной стороны, помогает государству снизить обязательства по содержанию пожилых людей в стационарах, а с другой — развивать «теплую» форму заботы. Приемная семья выступает поставщиком заботы, а пожилой человек — ее получателем. «Социальное обслуживание» в приемной семье направлено на максимальное продление пребывания человека в привычной для него социальной среде в целях поддержания его социального статуса (Долгова 2013). Исследователи подчеркивают наибольшее распространение данной технологии в сельской местности и малозаселенных территориях (Долгова 2013; Бутуева 2015; Голубева и др. 2017). Проживание в приемной семье улучшает эмоциональный фон пожилого человека (Голубева и др. 2017). Однако существует и ряд структурных сложностей — например, отсутствие службы сопровождения таких семей. Кроме того, реализовать подобную практику легче в сельской местности, когда пожилой человек знаком с потенциальной «приемной семьей» (Долгова 2013).

Государственные социальные сервисы

Оформленные в виде КЦСОНов (ЦСОНов) — комплексных центров социального обслуживания населения, данные сервисы являются крупнейшим поставщиком социальных услуг для пожилых. Надомное обслуживание — одна из самых массовых сфер социального обслуживания — 1,2 млн клиентов в сравнении с 250 тыс., проживающими в стационарных домах престарелых (Росстат... 2018). Отличительной особенностью сервисов является малодоступность в сельской местности. Клиентами государственных сервисов являются, как правило, одиноко проживающие пожилые люди. По мере ослабления здоровья, одиноко проживающий пожилой человек обращается в социальный сервис, который ему рекомендует, как правило, врач (терапевт), соседи/знакомые или родственники. Встречаются ситуации, когда пожилой человек проживает в семье и при этом получает социальное

обслуживание в социальном сервисе. Недавние трансформации, произошедшие после вступления в силу 442-ФЗ о социальном обслуживании, привели к сокращению отделений специализированного медицинского обслуживания и ставок медицинских сестер. Новые правила обслуживания (повышение стоимости, лимитированность услуг и т. п.) привели к росту недовольства клиентов и социальных работников и напряженности в их отношениях (Парфенова 2018). В последние годы государственные сервисы активно привлекают волонтеров и сторонние организации для помощи в заботе о пожилых. Это позволяет расширить репертуар практик заботы. Например, волонтеров привлекают для сезонных генеральных уборок в квартире, мытья окон, в сельской местности — для возделывания огородов и др.

Проблемой данной модели заботы является то, что стремление и желание пожилого человека оставаться субъектом в вопросах заботы о себе наталкивается на ригидную и забюрократизированную систему социальных сервисов. В рамках этой системы пожилой клиент обезличен — ему положено, например, столько-то раз в полугодие принести лекарства и за строго отведенное количество минут протереть пол и вынести мусор. В этом случае практически не учитываются индивидуальные потребности/особенности клиента и на практике это создает неудобства и порождает конфликты с обеих сторон. Поскольку непосредственным поставщиком услуг (агентом заботы) в данном случае выступает социальный работник, становится очень важным — как сложатся отношения между ним и пожилым клиентом. Это влияет на возможность и желание сторон договариваться и лавировать в вопросах организации заботы. Сокращение числа социальных работников и, как следствие, увеличение нагрузки на них и перераспределение клиентов также усилили рост напряженности:

И.: Сами клиенты как относились к тому, что их обслуживал, может быть, один, а им пришлось перейти к другому?

Р.: Вы знаете, это всегда очень болезненно происходит, очень болезненно. Как правило, люди привыкают к своим социальным работникам, они их обслуживают годами, поэтому всегда замена и все эти изменения, естественно, соцработники с клиентами делятся, это достаточно травматично для них, да, достаточно травматично. (*Интервью с заведующей отделения социально-медицинского обслуживания на дому, Санкт-Петербург, 2017*).

Перспективным представляется возможность совмещать этот формат заботы с семейной заботой.

НКО/бизнес-организации

Альтернативой государственным сервисам становятся активно возникающие и развивающиеся в последние несколько лет НКО/бизнес-организации. Барьером для использования их в качестве поставщиков заботы зачастую являются высокая стоимость обслуживания, недоступность в малых населенных пунктах и неинформированность пожилых людей о подобных формах.

Новая тенденция, получившая развитие после принятия 442-ФЗ — НКО/бизнес-организации, входящие в реестр поставщиков государственных услуг. Они предлагают доступные цены за обслуживание, но это актуально преимущественно для крупных городов. В нашей выборке наиболее отчетливо эта тенденция представлена в Санкт-Петербурге. На сегодняшний день в Санкт-Петербурге согласно Реестру поставщиков социальных услуг из 139 поставщиков социальных услуг 38 — негосударственные (29 — социально-ориентированные НКО и 9 — бизнес-организации). В Ленинградской области при меньшей численности населения ситуация лучше — из 78 поставщиков, включенных в Реестр, — 38 негосударственные. Это связано с тем, что здесь нет барьера на вход — для организаций отсутствует требование к минимальному стажу в 5 лет на рынке социальных услуг. Часть этих НКО/бизнес-организаций занимается в том числе обслуживанием пожилых граждан в стационарной или нестационарной (надомной) форме. Более широкому распространению данного формата препятствует, с одной стороны, ограниченное количество игроков в данном поле, а с другой — низкая информированность пожилых людей и их родственников о подобных альтернативах.

За проблемой низкой информированности скрывается конфликт интересов — социальные сервисы обязали информировать клиентов об альтернативных формах у конкурентов. В ходе исследования отчетливо высветилась и проблема недоверия пожилых людей к альтернативам государственным формам. Хорошо эту проблему иллюстрирует выдержка из интервью с представителем государственного сервиса:

«Я взяла распечатку с нашими поставщиками некоммерческих структур, вышла в адрес. Ну, и рассказываю ей эту систему. Оплата та же самая, сколько хотите — значит, выберете. Больше — значит, больше, надо меньше — значит, меньше. Вы знаете, меня вот потрясает наша... даже, может, не потрясает, я, наверное, убеждаюсь в сотый раз, что вот это поколение стариков, да, они настолько верят нашему государству... Мне кажется,

даже в ущерб себе иногда. <...>. Когда звучит слово “коммерческое”, для них это что-то чужое, инородное, меня обманут. И клиент <...> говорит: “Нет, я верю только государству, я буду только с вами”. <...> Ожидания вот эти, патерналистские, что государство их защитит, не обманет, они велики настолько, что пока еще это поколение <...>. То есть степень доверия государству высока настолько, что пока они с нами. *(Интервью с заведующей отделения социально-медицинского обслуживания на дому, Санкт-Петербург, 2017).*

Это недоверие подкрепляется публикациями в СМИ о мошеннических схемах по отъему квартир у пожилых. При этом сами представители государственных сервисов воспринимают НКО/бизнес-организации как потенциально очень сильных конкурентов, которые имеют более гибкие условия работы и государственные субсидии.

Заключение и дискуссия

На практике организация заботы о пожилым человеком часто носит «слоеный» характер. Агенты вполне могут дополнять друг друга — часть заботы берут на себя члены семьи, часть — социальные сервисы или НКО/бизнес-организации. Ограниченные возможности выбора форматов заботы в малых населенных пунктах порождают вопрос — приводят ли такие ограничения к развитию неформальных контрактов с соседями/знакомыми для организации заботы о пожилым человеком? Проблемным вопросом, на наш взгляд, является и то, насколько сам пожилой человек может проявлять свою агентность (agency) (Giddens 1979) в вопросах организации заботы о себе? Находясь под «покровительством» семьи, социальных сервисов или НКО, насколько гибко и полноценно можно участвовать в процессе организации заботы и влиять на него? Очевидно, это зависит от многих факторов и на практике можно обнаружить различные варианты. Со своей стороны мы можем отметить, что самостоятельное проживание (вне семьи и вне стационарного учреждения) и относительно мобильное состояние здоровья повышают уровень «агентности» пожилого человека.

Помимо рассмотренных агентов заботы — семьи, государственных сервисов и НКО/бизнес-организаций появляются новые альтернативы для организации нестационарной заботы. К таким альтернативам относятся «социальные дома» вместо «домов престарелых» — специально оборудованные для проживания маломобильных пожилых людей дома, часто имеющие круглосуточную диспетчерскую службу и медицинского работника. Проект получил развитие в крупных городах,

в том числе в Санкт-Петербурге. Другой альтернативой в организации заботы о пожилых являются так называемые «приемные семьи» для пожилых. Еще одним новым направлением в организации заботы о пожилых выступает Система долговременного ухода (СДУ), которая реализуется пока что в нескольких пилотных регионах. Данная система подразумевает работу социальных служб в тесном взаимодействии с медиками. Если сравнить современное состояние социальной заботы в России с ближайшими к нам европейскими странами, то стоит отметить, что все эти новые альтернативы согласуются с тенденциями «де-институционализации» заботы в скандинавских странах — замена домов престарелых на home-care service и создание домов со специально оборудованными квартирами (Anttonen, Karsio 2016). Введение/повышение платы за обслуживание и развитие рыночных форм заботы (частные дома престарелых, сиделки и др.) в свою очередь согласуется с «маркетизацией» заботы, которая также наблюдается в скандинавских странах (Moberg 2017). Отечественные исследователи отмечают изменения в современном российском межпоколенном контракте с позиции молодого поколения (например, ослабление стереотипа «женщина должна заботиться о старших родственниках»). Однако они также фиксируют высокую роль традиционных установок (чувство долга, отрицание домов престарелых), резюмируя, что контракт меняется, но не «переписывается» (Бурмыкина 2017: 157). Развитие государственных сервисов и включение в поле заботы НКО и бизнеса, появление и развитие новых альтернатив способны стимулировать изменения в «традиционном» межпоколенном контракте, в котором ключевым агентом заботы выступает семья. На современном этапе у пожилого человека и его родственников появляется возможность выбирать формат заботы, «миксовать» разных агентов и практики.

Источники

Бурмыкина О. Н. Межпоколенный семейный контракт: представления молодого поколения // Петербургская социология сегодня. 2017. № 8. С. 150–159.

Бутуева З. А. Развитие семейных форм социального обслуживания людей старшего возраста // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество 2015. № 5. С. 96–100.

Голубева Е. Ю., Хабарова Л. Г., Соловьев А. Г. Приемная семья как новая технология ухода в политике активного старения в отдаленных северных территориях // Экология человека. 2017. № 11. С. 42–46.

Григорьева И. А. Приоритеты социальной политики: пожилые люди // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 8(3). С. 131–135.

Долгова Т. М. Особенности развития приемной семьи для граждан пожилого возраста в Республике Бурятия // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 5. С. 110–114.

Елисеева И. и др. Изучение взаимодействия домашних хозяйств прямых родственников разных поколений: методологические аспекты // Петербургская социология сегодня. 2017. №. 8. С. 179–186.

Здравомыслова Е. «Сэндвич-синдром». Внутрисемейная забота о пожилых [Электронный ресурс] // Деловой Петербург. 2016. URL: <http://blog.dp.ru/post/8574/> (дата обращения: 05.05.2019).

Парфенова О. А. Трансформация социального обслуживания пожилых в региональном контексте современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, №. 2. С. 165–186.

Росстат. Женщины и мужчины России: Статистический сборник. М.: Росстат, 2016.

Росстат. Старшее поколение [Электронный ресурс]. 2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения: 05.05.2019).

Ткач О. «Заботливый дом»: уход за пожилыми родственниками и проблемы совместного проживания // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 94–102.

Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Теоретическая социология: антология. 1993. № 2. С. 353–372.

Anttonen A., Karsio O. Eldercare service redesign in Finland: deinstitutionalization of long-term care // Journal of Social Service Research. 2016. Т. 42, №. 2. P. 151–166.

Bettio F., Plantenga J. Comparing Care Regimes in Europe // Feminist Economics. 2004. Vol. 10, № 1. P. 85–113.

Giddens A. Central Problems in Social Theory. Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London: Basingstoke, 1979.

Global AgeWatch Index [Electronic resource]. 2015. URL: <https://www.helpage.org/global-agewatch/population-ageing-data/country-ageing-data/?country=Russian+Federation> (access date: 05.05.2019).

Hochschild A. R. The commercialization of intimate life: Notes from home and work. Berkeley: Univ. of California Press, 2003.

Knijff T., Kremer M. Gender and the caring dimension of welfare states: toward inclusive citizenship // Social Politics: International Studies in Gender, State & Society. 1997. Vol. 4, No. 3. P. 328–361.

Moberg L. Marketisation of Nordic Eldercare — Is the Model Still Universal? // Journal of Social Policy. 2017. No. 46(3). P. 603–621. DOI: 10.1017/S0047279416000830.

Szebehely M., Meagher G. Nordic eldercare-weak universalism becoming weaker? // Journal of European Social Policy. 2018. No. 28(3). P. 294–308.

References

- Anttonen A., Karsio O. Eldercare service redesign in Finland: deinstitutionalization of long-term care. *Journal of Social Service Research*, 2016, vol. 42, no. 2, pp. 151–166.
- Bettio F., Plantenga J. Comparing Care Regimes in Europe. *Feminist Economics*, 2004, vol. 10, no 1, pp. 85–113.
- Burmykina O. N. Mezhpokolenennyi semeynyy kontrakt: predstavleniya molodogo pokoleniya [Intergenerational family contract: the views of young generation]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [St. Petersburg Sociology Today], 2017, no. 8, pp. 150–159. (In Russian)
- Butueva Z. A. Razvitie semeynyh form sotsial'nogo obsluzhivaniya lyudey starshego vozrasta [Development of family forms of social services for older people]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie. Lichnost'. Obshchestvo* [Bulletin of Buryat State University. Education. Personality. Society], 2015, no. 5, pp. 96–100. (In Russian)
- Dolgova T. M. Osobennosti razvitiya priemnoy sem'i dlya grazhdan pozhilogo vozrasta v respublike Buryatiya [Features of the development of a foster family for senior citizens in the Republic of Buryatia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2013, no. 5, pp. 110–114. (In Russian)
- Eliseeva I. et al. Izucheniye vzaimodeystviya domashnih hozyaystv pryamyh rodstvennikov raznykh pokoleniy: metodologicheskie aspekty [Interaction of Households of Direct Relatives of Defferent Generations: Methodological Aspect]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [St. Petersburg Sociology Today], 2017, no. 8, pp. 179–186. (In Russian)
- Giddens A. *Central Problems in Social Theory. Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*. London, Basingstoke, 1979.
- Global AgeWatch Index*. 2015, URL: <https://www.helpage.org/global-agewatch/population-ageing-data/country-ageing-data/?country=Russian+Federation> (access date: 05.05.2019).
- Golubeva E. Yu., Habarova L. G., Solov'ev A. G. Priemnaya sem'ya kak novaya tehnologiya uroda v politike aktivnogo stareniya v otdalennykh severnykh territoriyah [The adoptive family as a new technology of care in the policy of active aging in the remote northern territories]. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology], 2017, no. 11, pp. 42–46. (In Russian)
- Grigor'eva I. A. Prioritety sotsial'noy politiki: pozhilye lyudi [Priorities of social policy: the elderly]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2005, no. 8(3), pp. 131–135. (In Russian)
- Habermas Yu. Otnosheniya mezhdru sistemoy i zhiznennym mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma [The relationship between the system and the life world in the conditions of late capitalism]. *Teoreticheskaya sotsiologiya: antologiya* [Theoretical Sociology: An Anthology], 1993, no. 2, pp. 353–372. (In Russian)
- Hochschild A. R. *The commercialization of intimate life: Notes from home and work*. Berkeley, Univ. of California Press, 2003.
- Knijn T., Kremer M. Gender and the caring dimension of welfare states: toward inclusive citizenship. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 1997, vol. 4, no. 3. P. 328–361.
- Moberg L. Marketisation of Nordic Eldercare — Is the Model Still Universal? *Journal of Social Policy*, 2017, no. 46 (3), pp. 603–621. DOI: 10.1017/S0047279416000830.
- Parfenova O. A. Transformatsiya sotsial'nogo obsluzhivaniya pozhilykh v regional'nom kontekste sovremennoy Rossii [Transformation of social services for the elderly in the regional context of modern Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2018, vol. 21, no. 2, pp. 165–186. (In Russian)

Rosstat. Starshee pokolenie [The older generation]. 2018, URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Rosstat. Zhenshchiny i muzhchiny Rossii: Statisticheskiy sbornik [Women and Men of Russia 2016, Statistical compilation]. Moscow, Rosstat, 2016. (In Russian)

Szebehely M., Meagher G. Nordic eldercare-weak universalism becoming weaker? *Journal of European Social Policy*, 2018, no. 28 (3), pp. 294–308.

Tkach O. “Zabotlivyy dom”: uhod za pozhilymi rodstvennikami i problemy sovmestnogo prozhivaniya [“A Careful Home”: Care for Elderly Relatives and Problems of Living Together]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2015, no. 10, pp. 94–102 (In Russian).

Zdravomyslova E. “Sendvich-sindrom”. Vnutrisemeynaya zabota o pozhiilyh [“Sandwich syndrome”. Family care for the elderly]. *Delovoy Peterburg* [Business Petersburg], 2016, URL: <http://blog.dp.ru/post/8574/> (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Парфенова Оксана Анатольевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Parfenova Oksana A., Ph.D. in Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS.

Oksana.parfenova@gmail.com

Н. В. Колесник

РОССИЙСКИЕ ЭЛИТНЫЕ СЕМЬИ: МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРАКТИКИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

В статье анализируется феномен «элитная семья». В первую очередь ставится вопрос о том, каковы особенности изучения элиты как социальной общности и каковы возможности применения качественных методов исследования. Обращается внимание на то, что биографический метод обладает серьезным потенциалом в изучении элиты и властных практик, рассматриваются эмпирические возможности применения метода структурированной биографии и традиционного биографического интервью. На основе первичных и вторичных эмпирических данных (анализе материалов интервью) разрешается проблема того, какую роль играют семейные ресурсы в воспроизводстве элитных позиций (на примере элитных семей). Рассмотренные кейсы позволяют выявить корпус представлений политической и экономической элиты о роли и функциях семьи, образовательном и культурном капитале: кто главный носитель капиталов, способы и формы его передачи и наследования. Отдельный сюжет в работе посвящен рассмотрению взаимодействия между спортом и семьей как социальными институтами.

Ключевые слова: элита, власть, семья, биографический метод, бизнес, спорт, политика, образование, культурный капитал, преемственность, род.

KOLESIK NATALYA V.

RUSSIAN ELITE FAMILIES: METHODS OF STUDY AND PRACTICES OF FUNCTIONING

The paper analyzes the phenomenon of “elite family”. The first postulate is the question of what are the features of studying the elite as a social community and what are the possibilities for applying qualitative research methods. The key attention is being drawn to the fact that the biographical method has a serious potential in studying the elite and powerful practices, empirical possibilities of applying the method of structured biography and traditional biographical interview are considered. On the basis of primary and secondary empirical data (analysis of interview materials), the problem of the role that family resources play in the reproduction of elite positions (using the example of elite families) is resolved. These cases allow us to reveal the corpus of ideas of the political and economic elite about the role and functions of the family, educational and cultural capital: who is the main carrier of capital, the ways and forms of its transfer and inheritance. A separate focus in the work is devoted to consideration of the interaction between sport and family as social institutions.

Keywords: elite, power, family, biographical method, business, sport, politics, education, cultural capital, continuity, kin.

Проблема социального воспроизводства российской элиты является одной из ключевых, как в западной, так и российской элитологии. Однако крайне неравномерно исследованы социальные каналы рекрутирования, институции, практики, которые позволяют понять природу феномена социального воспроизводства. В этой череде семья как один из значимых каналов по воспроизводству элитных позиций оказывается слабо изученной научной проблемой. Это происходит не только в российской, но и, например, во французской элитологии, когда «заниматься этой темой (неформальные отношения) сложно, многие персональные данные отсутствуют...». По мнению известного российского элитолога Н. Ю. Лапиной, «участники исследования крайне сдержанно высказывались относительно неформальных отношений в политике» (Лапина 2015: 124). Политическая семейственность вызывает у респондентов противоречивые чувства: «одни считают, что назначение родственников — отнюдь не порочная практика, которую следует осуждать... Другим участникам исследования сложившаяся практика претит, они видят в ней проявление nepotизма, противоречащего республиканской традиции... Третьи не склонны преувеличивать значимость неформальных отношений, полагая, что семейственность представляет собой маргинальное явление в жизни современной Франции» (Лапина 2015: 126).

Данные эмпирических исследований показывают, что процесс формирования российской элиты характеризуется высокой степенью закрытости региональных и федеральных элит, существованием серьезных ограничений в восходящей социальной мобильности, что способствует профессионализации политической и административной элиты. Внутри элитного сообщества регионов происходят активные взаимные переходы индивидов из одного сегмента элиты в другой, при том что в них преобладает смешанный тип карьеры.

В связи с этим возникают исследовательские вопросы. Почему так происходит; за счет чего или кого российская элита сохраняет способность воспроизводить себя как некая социальная общность? Для решения этого вопроса были привлечены новые источники информации (биографические интервью с представителями элиты), которые позволили определить роль семейных ресурсов в формировании и функционировании элитной общности.

О ключевых концептах

Итак, прежде всего, определимся с ключевыми понятиями эмпирического исследования: что такое элитная семья. Мы исходим из того, что это семья — социальная группа, основанная на кровнородственных отношениях. В высокостатусной (элитной) семье один или несколько членов а) занимают элитную (высшую) позицию в той или иной институции, б) являются активными участниками процесса принятия решений на определенном уровне (федеральный, региональный, крупная компания), в) обладают достаточной репутацией для включения их в различные сегменты элитной общности.

Отметим, что элитные семьи являются относительно новым сюжетом в российской элитологии. Это связано не только с процессом институционализации научного направления, но в главной мере со степенью закрытости данного объекта для исследователя. Мы гораздо больше знаем об исторической элите периода средневековья или нового времени, нежели о современной элите. Серьезным подспорьем в исследовании послужили работы, выполненные в рамках других наук, в частности истории, психологии, культурологии, которые позволили нам сформулировать некоторые гипотезы относительно феномена «элитная семья».

Одним из значимых с точки зрения получения эмпирического материала об элитных семьях оказался исследовательский проект Сколковского центра «Исследование владельцев капиталов России 2015 года». Согласно полученным данным, в среде владельцев крупного капитала сформировано представление о том, что такое семья, кем она представлена, какова ее структура. Респонденты выделили две модели семьи: узкий семейный круг и расширенный вариант семьи, когда в социальную группу включены и дальние родственники. Узкий круг семьи представлен супругом (супругой), детьми, родителями, родными братьями и сестрами (Исследование... 2015: 56).

Что касается исследования европейских элитных семей с точки зрения их социального воспроизводства, то в зарубежной науке данный предмет исследования относительно изучен. Однако серьезный крен в исследованиях по этому вопросу смещен в «образовательную» сторону, и чаще всего ученые выявляют связь между социальным происхождением и образованием представителей различных сегментов элитного сообщества, степени открытости элитных учебных заведений для выходцев из «простых семей», выявляют потенциал института образования с точки зрения процесса социализации элиты. Особняком стоят работы французской школы исследования элит, направленной на общее изучение групп доминирования и практик их воспроизводства.

В частности, следует отметить культурологический подход при анализе французских элит. Интерес представляет с методической точки зрения то, как вычленялись элитные семьи Франции: элитная семья та, которая совмещает капитал в разных формах и сочетающая богатство с давностью принадлежности к высшим классам. Таким образом, давность социальной принадлежности и высокая степень богатства были двумя главными критериями выбора элитных семей (светский ежегодника Боттэна).

Биографика власти

В социальных науках в последнее десятилетие наблюдается «биографический бум», который во многом объясняется теми историческими изменениями, которые происходят в социальной, культурной и политической сфере общественной жизни. Исследователи активно обращаются к биографиям, воспроизводят истории жизни индивидов, групп, социальных общностей. Об усилении интереса к биографиям и биографическому методу свидетельствуют и попытки ученых создать отдельную дисциплину, которая именуется как биографика. Так, Г. Г. Сильницкий отмечает, что биографика должна исследовать большое количество биографий исторически значимых людей, выявлять закономерности в различных аспектах деятельности человека, разрабатывать типологические классификации личности (Сильницкий 2001: 275).

Основным исследовательским методом в биографике является биографический метод, который зародился еще в начале XIX века и оказал влияние на формирование современной биографической традиции. В социальных науках биографический метод, обладая всеми признаками качественного метода, активно используется в научных проектах, выполненных в «качественной парадигме» (Г. Розенталь, М. Коли, Д. Берто, К. Кажмирска, И. Панкува, Е. Рождественская и др.). В качестве основных источников информации об изучаемой социальной группе или индивиде исследователь, как правило, использует воспоминания, дневники. В этом случае реконструкции подвергается не только биография изучаемого индивида, но и социальной общности, к которой он принадлежит или идентифицирует с собой.

Активно вовлекают в научный оборот биографический нарратив те исследователи, которые применяют «качественную технику». Так, по мнению Е. А. Островской, которая изучает религиозные практики, именно биографический нарратив позволяет посмотреть на коллективные и индивидуальные воплощения религиозности «сквозь призму субъективной биографии» (Островская 2016: 110). Исследователь обращает внимание на то, что биографический нарратив позволяет

исследователю взглянуть не только на субъективные причины религиозности, но и выявить социальный контекст происходящего, пространственно-темпоральные характеристики, которые упоминает респондент (Островская 2016: 111).

Исследователи, которые работают с биографическим методом, часто обращают внимание на некоторые ограничения этого метода и предлагают новый методический инструментарий. Так, О. И. Зевелева пишет, что для того, чтобы учесть институциональный контекст происходящего, который часто ускользает при использовании только биографического нарратива, уместно использовать дискурс-анализ. Ссылаясь на исследования Р. Вундрак (проект по исследованию китайских мигрантов в Румынии), М. Пол-Вайдингер (о работе женщин, занятых на расчистке города от развалин после Второй мировой войны), Е. Ю. Рождественской (проект по деконструкции политической биографии И. Хакамады), О. И. Зевелева актуализирует идею о необходимости и плодотворности сочетания биографического метода и дискурс-аналитических приемов (Зевелева 2014: 8).

Биографический метод занимает особое место в исследовании властных и элитных структур. В процессе воспроизводства биографии элитной группы исследователь сталкивается, по меньшей мере, с несколькими разновидностями биографий субъекта исследования. В одном случае автором биографии выступает представитель элитного сообщества и в эту биографию могут проникать «случайные» факты из его жизни, которые могут искажаться либо осознанно умалчиваться. Второй тип биографий воссоздается непосредственно исследователем элитного сообщества из различных источников и может иметь прямое и/или косвенное отношение к предмету исследования.

В случае реконструкции биографии элиты (структурированной биографии) исследователем последовательно описываются жизненные ситуации, в которых респондент выступает в роли ребенка, ученика, студента, солдата армии, чиновника, политического деятеля, экономически активного агента и др. Первичная информация представлена теми сведениями, которые касаются основных, формальных социально-демографических характеристик респондента, по своей сути представляющих достаточно подробное описание тех или иных фрагментов из жизни элиты. Наиболее проблемной зоной в блоке «первичная социализация» оказывается та часть биографической матрицы, в которой содержатся сведения о детстве, юношеских годах, службе в армии, семейном положении (в том числе и данные о родителях) респондента. Эти данные не отличаются информационным насыщением и полнотой, но позволяют анализировать элиту и элитные

практики (Колесник и др. 2008; Колесник 2009; Колесник 2012; Колесник 2015). Структурированные биографии, которые обладают научным потенциалом, не лишены недостатков, как любой метод исследования. В частности, метод структурированных биографий накладывает ограничения на возможности получения той или иной информации об объекте исследования.

Результаты исследования

Основным источником информации об элитных семьях стали публичные биографические интервью, опубликованные в журнале «Элита общества», который издается в России с конца 90-х гг. (статьи, которые там публикуются об элите и предназначены для элиты). Материалом для исследования послужили тридцать шесть интервью, опубликованные до 2005 г. в журнальных рубриках «Наследники», «Династии» и «специальное интервью». Анализируемые интервью представляют собой разные по глубине, дизайну, компоновки сюжетов, выстраивания аргументов тексты. Более того, мы не всегда могли по ним определить позицию автора по конкретной проблеме, но эти материалы позволили нам выявить те представления элиты, которые влияют на процесс того, как усваивает элита то, что ее окружает, как она воспроизводит социальное знание о предмете исследования. Кроме того, серьезная трудность состояла в том, что часто представители элиты выступали как эксперты в своей профессиональной деятельности, а не в вопросе выяснения того, что такое семья с точки зрения элитного воспроизводства.

При проведении исследования был использован биографический метод, способом же получения информации явились биографические интервью (по материалам СМИ). В первую очередь нас интересовали истории элитных семей, которые рассматривались как относительно устойчивые малые группы, взятые в относительной перспективе. При этом допускается, что в одном из поколений семья может претерпевать изменения, но в целом это, как отмечает В. Семенова, не исключает ее непрерывность как социального феномена. В качестве источника информации использовались биографические интервью или истории жизни, что, по нашему мнению, укладывается в общую тенденцию роста интереса практически всех социальных наук к биографиям. Биографические материалы содержат много специфичного и индивидуального опыта респондента, и это, в свою очередь, потребовало некого обобщения.

Сюжет о связи семьи и образования оказался в интервью наиболее обсуждаем как представителями поколения отцов, так и поколением

детей. Нами выявлено, и это подтверждается другими исследованиями (например, Мулеманна), что на образовательные успехи детей в школе, а далее и в профессиональной деятельности серьезное влияние оказывают ожидания родителей, их денежный капитал и временные возможности. Большими преимуществами в жизни обладают дети тех родителей, кто придавал большое значение образованию в процессе социализации. Наши респонденты единодушно отмечают, что их родители повлияли на выбор и формирование образовательной стратегии. При этом из их представлений об образовании как ресурсе мы зафиксировали предпочитаемый тип образования, место получения образования, характер социальных контактов и окружения, которое складывается в процессе образования, образование как брачное место.

Чаще всего в интервью респонденты отмечают, что образование важно не само по себе, а как важный социальный ресурс для выстраивания профессиональной карьеры. Нами выделено, на основе интервью, несколько образовательных линий поведения в элитных семьях: 1) так называемый «самостоятельный путь», когда дети выбирают элитное образование, при этом их выбор не определен профессиональным статусом их родителей, дедушек и бабушек, сестер и братьев; 2) образование выступает способом воспроизводства элитных позиций семьи в рамках нескольких поколений, имеет место так называемое «династическое образование»; 3) образовательная линия детей связана с профессией родителей, но основана не на династических принципах. Этот тип образования формируется под влиянием родительского авторитета опыта в юношеском возрасте; 4) образование выступает способом наследования высокого профессионального статуса одного из родителей, когда с рождения ребенок знает о том, кем он будет по профессии (форма такого рода распространена, прежде всего, среди представителей крупного капитала и деятелей искусства (мы зафиксировали случаи профессионального наследования по линии отца дочерью крупной ювелирной империи, мехового бизнеса и пример воспроизводства образования дочерью по линии мать-отец в балетной семье); 5) маргинальный случай — образование рассматривается как элемент культурного капитала, а именно процесса воспитания — у ребенка на протяжении периода детства родители (отец) формировали кодекс чести, который активно проповедуется в родительской семье.

Биографические нарративы показывают, что в обосновании своих образовательных стратегий существуют различия у детей политиков и крупных бизнесменов. Дискурс об образовании у детей крупных бизнесменов практически лишен патриотической составляющей, тогда как у детей крупных политиков рассуждения о месте получения

образования (чаще двух) ограничиваются тем, что необходимо получить диплом престижных вузов и непременно отечественного производства, тогда как дети экономической элиты чаще дискутируют о необходимости получения образования в престижных вузах за границей и рассуждают в категории того, что не время, а образование — деньги.

Таким образом, четко подтверждается выдвинутая гипотеза о том, что родители из высших слоев оказывают влияние на процесс образования своих детей. В целом как зарубежные исследования, так и (частично) отечественные (в частности, работы группы исследователей проекта под руководством О. И. Шкаратана, Н. Е. Тихоновой) показывают, что как в России, так и на Западе существует связь между социальным происхождением и образовательными достижениями» (Aberbach 1981: 56). Однако, по нашему мнению, роль образования в процессе воспроизводства элитных позиций посредством образования не стоит преувеличивать.

Следующей составляющей идеально-типической модели элитной семьи является культурный капитал. Основная гипотеза состояла в том, что главным агентом в передаче культурного капитала выступает семья, но эта гипотеза подтвердилась частично, потому что интервью показали: школа и социальное окружение также берут на себя эти функции. В материалах интервью фиксируются представления респондентов о культурном капитале родительской семьи: что под этим понимается, кто главный носитель культурного капитала (это может быть как мать, так и отец, как брат, так и сестра, особенности передачи капитала в случае воспитания девочек и мальчиков). Далее артикулируется, в каких формах передается культурный капитал (мы определили, что это могут быть богатые домашние коллекции книг, антиквариата, участие в культурной жизни на уровне региона, страны, реализация частных проектов в области искусства, благотворительные акции, обустройство и функционирование домашних театров, участие в зарубежных культурных программах).

Важный и существенный аспект — роль расширенной семьи в передаче культурного капитала через поколения. Сложная система родства играет решающую роль не только в наследовании экономического капитала, имущества членов клана и воспроизводстве высшего слоя. В дискурсе детей о передаче культурного капитала определяются его составляющие, и культурный капитал выступает чаще всего как часть семейного наследия (знания, связи, доступ к образованию), который передается как от отца к сыну так и от отца к дочери, от ближайшего круга родственников к детям. В дискурсе же родительском фиксируются

мотивы и принципы передачи культурного капитала. Общим местом в рассуждениях элиты является то, что для родителей из элитных семей воспроизводство культурного капитала — это крайне важный процесс, цель которого — сохранение высокого социального статуса.

Брачные связи внутри элитной общности

С давних времен государственные институты не являются единственным механизмом для передачи властных полномочий. Брак, родственные отношения, личная преданность как неформальные основания властных структур имели не меньшее значение для осуществления правителем своих властных полномочий (Althoff 2004: 160). Если рассматривать властные отношения детально, то граница между формальными (государственными институтами) и неформальными структурами власти часто оказывается едва различимой. Тем не менее при изучении эмпирического случая элитных практик подобное разграничение видится важным с методической точки зрения.

В российской социологии проблематика неформальных отношений внутри властной общности относится к относительно разработанным сюжетам. В научной литературе определено, что родительская семья оказывает влияние и на выбор брачного партнера, ибо доказано, что процесс первичной социализации значим в выстраивании индивидуальных семейных стратегий, определении жизненных траекторий индивида. Семью родителей следует рассматривать как некий ресурс, который при определенных условиях, с одной стороны, выступает в роли фактора воспроизводства высокого статуса родительской семьи индивида, с другой стороны, выполняет роль «катализатора» в процессе циркуляции элитной группы. Как в первом, так и во втором случае родительская семья воспроизводит некоторую «совокупность генеалогических связей» (термин П. Бурдьё), которые мобилизуются индивидом для удовлетворения повседневных потребностей (Бурдьё 2001: 325).

Российское общество как на федеральном, так и на региональном уровнях изобилует примерами «семейных кланов» во властных и экономических структурах, активном использовании родственных связей для обретения высокого социального статуса. Зачастую последовательные браки, как и активно распространившиеся в последнее время разводы внутри элитных семей, используются в качестве важного элемента политики и способа сохранения финансовых и социальных капиталов. Браки внутри элитного сообщества являются и индикатором интересов различных сегментов внутри федеральной, региональной элиты. Как и в прошлом, так и сейчас те, кто оказывается в близком окружении высшей власти, обеспечивают себе полномочия,

привилегии, власть. В этой связи крепкие (плотные) брачные и родственные сети в элитных стратегиях оказываются значимым ресурсом на всех уровнях власти, от муниципального до федерального.

Если в научном поле практически отсутствуют эмпирические исследования, раскрывающие роль семейного ресурса в элитном воспроизводстве, то в СМИ присутствует изобилие фактологического материала о «семейных кланах» в современной России. Авторитетное издание «Форбс» с 2015 г. запустило проект «Богатейшие семейные кланы России», в котором на основе оценки принадлежащего бизнеса составляется рейтинг богатых российских семей. За последние несколько лет высшие позиции в этом рейтинге занимают семьи Гуцириевых, Ротенбергов, Ананьевых, Шамаловых, Шаймиевых, Саркисовых, Бажаевых, Рахимкуловых, Магомедовых, Муцоевых.

Не только экономика, но спортивная институция играет важную роль в воспроизводстве российской элиты как на федеральном, так и на региональном уровнях. Ярким тому примером является случай самого спортивного региона Северного Кавказа — Республики Дагестан (РД). По мнению экспертов, в неформальной властной структуре региона в позднесоветский период (в 90-е гг.) отчетливо различаются левашинский (распад клана начался с 2006 г.), джангамахинский, мекегинский, цудахарский, аварский, кубановский кланы и некоторые группы: умахановская и муртазалиевская. Основой функционирования властных кланов являлась система этнических, земляческих, семейно-дружеских отношений, и спорт в этой институции Дагестана занимал не самое последнее место. Спортивные залы становились для многих политических персон Дагестана местом их первичной социализации. В стенах спортивных залов не только оттачивалось спортивное мастерство и бойцовский характер, но и происходило формирование родственных и дружественных связей. Так, «в одном спортзале в советские годы тренировались братья Гамид и Абдусамад Гамидовы и сын председателя Федерации профсоюзов Дагестана Мурад Гаджиев. Отец Мурада Гаджиева Станислав Гаджиев до того, как стать профсоюзным боссом, был борцом-вольником, чемпионом СССР. Поменяв «борцовку» на строгий костюм, Станислав Магомедсаламович со спортом не порвал. К примеру, он негласно включил спортивную отрасль республики со всеми ее богатыми недвижимыми активами в ведение профсоюзов республики, а на важные профсоюзные должности посадил своих бывлых товарищей по борцовскому залу» (Вердиханов 2016).

Высокие политические позиции занимали не только те спортсмены, которые руководили кланами или состояли в дружеских отношениях с главами кланов, но и те, кто входили в их «ближний круг». Известно, что если представитель того или иного клана попадал на высокие

властные посты в региональных структурах, то выгоду от этого «предприятия» получали, в первую очередь, ближайшие родственники и далее, обслуживающая группа, например, охранники или водители лидеров этого клана. С приходом к власти того или иного клана, когда одна семейная группа сменяет другую, происходит перераспределение властных ресурсов. Ярким примером тому являются мекегинский и аварский кланы, когда замещение одной властной позиции осуществляется внутри одной семьи либо в рамках клана.

Одним из представителей «аварского клана» (лидеры — Г. Махачев, Р. Абдулатипов) являлся до недавнего времени Ш. Шахов. Административная карьера министра образования Дагестана Шахабаса Шахова (в декабре 2017 г. отправленного в отставку) является примером вхождения спортсмена в политику с «борцовского ковра». В советском прошлом Ш. Шахов профессионально занимался борьбой, закончил физкультурный факультет ДГПУ и далее совершал восхождение по административной лестнице в РД. С 1995 по 2017 г. занимал пост министра по делам молодежной политики, физкультуре и спорту и одновременно с 2009 по 2012 г. был заместителем совета при Президенте Дагестана по вопросам физической культуры и спорта. Из группы «политиков-борцов» вышел не только Ш. Шахов, но и А. Гамидов, М. Гаджиев и др. Карьера премьера-министра РД А. Гамидова начиналась с должности инструктора по спортооружению при Дагестанском совете общества «Динамо». В региональные политические структуры впервые А. Гамидов попадает в 1995 г. через депутатский мандат и руководство подкомитетом Народного собрания РД. Уже через год А. Гамидов был назначен министром финансов РД¹.

Анализ индивидуальных перемещений агентов из спорта в политические, административные структуры власти показывает, что спорт как канал социальной мобильности важен для попадания знаменитого/успешного спортсмена во власть. Однако биографические данные именитых спортсменов и анализ интервью в СМИ показывают, что заслуги в спорте важны лишь на первоначальном этапе политической, административной, экономической карьеры индивида. Далее же на карьерные траектории начинают оказывать влияние неформальные факторы: родственные связи, джамаатские идентичности, объем экономического капитала и др.

---

¹ До 1996 г. должность министра финансов РД занимал родной брат А. Гамидова, Гамид Гамидов (в прошлом тоже спортсмен, мастер спорта по вольной борьбе, погиб в ходе террористического акта в РД). В РД ежегодно организуется первенство по вольной борьбе памяти Г. Гамидова. В честь Г. Гамидова названы проспект и две улицы в РД.

Заключение

Таким образом, представленные результаты показывают, что биографический метод обладает серьезным потенциалом в изучении элиты и властных практик. В ходе реализации проектов применялся метод структурированной биографии, традиционного биографического интервью. Эмпирический опыт показывает, что использование биографического метода часто оказывается единственно возможным в изучении закрытых социальных общностей, к которым относятся и элитные сообщества на федеральном/региональном уровнях. Данный метод позволяет выстроить не только индивидуальную биографию индивида, но и реконструировать социальный контекст и среду, которые неизбежно оказывают влияние на происходящее.

В ходе проведенного исследования было выделено несколько образовательных линий поведения в элитных семьях. Рассмотренные кейсы позволили нам выявить корпус представлений элиты по вопросу о роли и функциях семьи, из которой они происходят, а главное, операционализировать понятие «элитная семья». В целом же в большинстве случаев представители как экономической, так и политической элиты в России имеют высокий образовательный статус. Истории семейных компаний показывают, что часто без специального образования и навыков владельцы как малых, так и крупных структур демонстрируют успешные бизнес-стратегии. В материалах интервью удалось зафиксировать представления респондентов о культурном капитале родительской семьи: что под этим понимается, кто главный носитель культурного капитала, способы и формы его передачи и наследования. Проведенный анализ показывает значимость спортивной институции для воспроизводства элитной общности в современной России. Эмпирические данные показывают, что социальные связи как на региональном, так и федеральном уровнях, выстроенные на семейной/родственной и дружеской основе, оказываются прочными и устойчивыми.

Источники

Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетей, 2001.

Вердиханов Г. Мы — бывшие спортсмены. Нерушимый блок спорта и власти в Дагестане [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://onkavkaz.com/articles/1961-my-byvshie-sportsmeny-nerushimyi-blok-sporta-i-vlasti-v-dagestane.html> (дата обращения: 23.01.2016).

Зевелева О. И. Биографический метод и критический дискурс-анализ: перспективы сочетания // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2014. № 39. С. 8.

Исследование владельцев капиталов России 2015 года [Электронный ресурс] / Центр управления благосостоянием и филантропии Сколково. 2015. URL: [http://wtc.skolkovo.ru/media/documents/SKOLKOVO_WTC-WPS_2015_Report\(RUS\).pdf](http://wtc.skolkovo.ru/media/documents/SKOLKOVO_WTC-WPS_2015_Report(RUS).pdf) (дата обращения: 10.04.2017).

Колесник Н. В. Гендерные распределения в региональной элите (Северо-Запад и Юг России) // Политэкс. Политическая экспертиза. 2009. Т. 5, № 2. С. 72–87.

Колесник Н. В. Исследование региональной элиты в России: история вопроса и эмпирические опыты // Управленческое консультирование. 2012. № 3. С. 56–73.

Колесник Н. В. Советское прошлое в биографиях региональной элиты. Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему // Материалы Восьмых чтений памяти В. Б. Голофаства. СПб.: СИ РАН, 2015. С. 166–175.

Колесник Н. В. и др. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: Сб. научных трудов / Отв. ред. И. И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242.

Липина Н. Ю. К вопросу об особенностях французской политической элиты // Власть и элиты / Гл. ред. А. В. Дука. Т. 2. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 93–135.

Островская Е. А. Религиозное «еврейство»: опыт биографического нарратива в закрытой группе // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 110.

Сильницкий Г. Г. Россия в поисках смысла / Россия между прошлым и «будущим». Ч. 1. Смоленск, 2001.

Aberbach J. D., Putnam R. D., Rockman B. A. *Bureaucrats and Politicians in Western Democracies*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1981.

Althoff G. *Family, Friends and Followers: Political and Social Bonds in Early Medieval Europe* / Transl. C. Carroll. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.

References

Aberbach J. D., Putnam R. D., Rockman B. A. *Bureaucrats and Politicians in Western Democracies*. Cambridge, Mass., London, Harvard University Press, 1981.

Althoff G. *Family, Friends and Followers: Political and Social Bonds in Early Medieval Europe*. Transl. by C. Carroll. Cambridge Univ. Press, 2004.

Burd'e P. *Prakticheskiy smysl* [Practical meaning]. Transl. by A. T. Bikbov, K. D. Voznesenskaya, S. N. Zenkin, N. A. Shmatko, Ed. by N. A. Shmatko. Saint Petersburg, Aleteyya, 2001. (In Russian)

Issledovanie vladel'tsev kapitalov Rossii 2015 goda [Investigation of Russian Capital Owners 2015]. Tsentr upravleniya blagosostoyaniem i filantropii Skolkovo [Skolkovo Welfare and Philanthropy Management Center], 2015, URL: [http://wtc.skolkovo.ru/media/documents/SKOLKOVO_WTC-WPS_2015_Report\(RUS\).pdf](http://wtc.skolkovo.ru/media/documents/SKOLKOVO_WTC-WPS_2015_Report(RUS).pdf) (access date: 10.04.2017). (In Russian)

Kolesnik N. V. et al. Rossiyskie regional'nye elity: innovatsionnyy potentsial v kontekste globalizatsii [Russian regional elites: innovative potential in the context of globalization]. *Globalizatsiya v rossiyskom obshchestve: Sb. nauchnykh trudov* [Globalization in Russian society: Scientific papers]. Ed. by I. I. Eliseeva. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2008, pp. 99–242. (In Russian)

Kolesnik N. V. Gendernye raspredeleniya v regional'noy elite (Severo-Zapad i Yug Rossii) [Gender distributions in the regional elite (North-West and South of Russia)]. *Politetskaya ekspertiza* [Political expertise], 2009, vol. 5, no. 2, pp. 72–87. (In Russian)

Kolesnik N. V. Issledovanie regional'noy elity v Rossii: istoriya voprosa i empiricheskie opyty [Study of the regional elite in Russia: background and empirical experiences]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management consulting], 2012, no. 3, pp. 56–73. (In Russian)

Kolesnik N. V. Sovetskoe proshloe v biografiiakh regional'noy elity. Nashe proshloe: nostalgicheskie vospominaniya ili ugroza budushchemu [The Soviet past in the biographies of the regional elite. Our past: nostalgic memories or a threat to the future]. *Materialy Vos'myh chteniy pamyati V. B. Golofasta* [Materials of the Eighth Readings in Memory of V. B. Golofast]. Saint Petersburg, SI RAN, 2015, pp. 166–175. (In Russian)

Lapina N. Yu. K voprosu ob osobennostyakh frantsuzskoy politicheskoy elity [To the question of the peculiarities of the French political elite]. *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Ed. by A. V. Duka. Vol. 2. Saint Petersburg, Intersotsis, 2015, pp. 93–135. (In Russian)

Ostrovskaya E. A. Religioznoe "evreystvo": opyt biograficheskogo narrativa v zakrytoy grupe [Religious "Jewry": the experience of a biographical narrative in a closed group]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2016, no. 2, p. 110. (In Russian)

Sil'nitskiy G. G. Rossiya v poiskah smysla [Russia in search of meaning]. *Rossiya mezhdu proshlym i "budushchim"* [Russia between the past and the "future"]. Part. 1. Smolensk, 2001. (In Russian)

Verdihanov G. My — byvshie sportsmeny. Nerushimyy blok sporta i vlasti v Dagestane [We are former athletes. Unbreakable block of sports and power in Dagestan]. 2016, URL: <http://onkavkaz.com/articles/1961-my-byvshie-sportsmeny-nerushimyi-blok-sporta-i-vlasti-v-dagestane.html> (access date: 23.01.2016). (In Russian)

Zeveleva O. I. Biograficheskii metod i kriticheskii diskurs-analiz: perspektivy sochetaniya [Biographical method and critical discourse analysis: combination perspectives]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (4M)* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (4M)], 2014, no. 39, p. 8. (In Russian)

Колесник Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Kolesnik Natalya V., Ph.D. in Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS.

n.kolesnik@socinst.ru

С. Ю. Демиденко

МОЛОДЕЖЬ БЕЗ РАБОТЫ: ПОДДЕРЖКА СЕМЬИ КАК (ДЕ)СТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР*

Исследования последних лет констатируют: увеличивается средний возраст достижения индивидом профессиональных и семейных статусов, традиционно относящихся к этапу взрослой жизни (стабильная работа, карьера, семья, брак и дети). Все чаще исследователи проблематизируют этот процесс взросления, выделяя особую группу молодежи, которая не учится и не работает (NEET-молодежь, ни-ни, хикикамории), говорят об инфантильности, несамостоятельности современного молодого поколения (навешивая порой ярлык «потерянного поколения»), нежелании взрослеть и брать на себя ответственность. Такая модель поведения характерна не только для России, но и для развитых стран. В статье освещается проблема взаимодействия молодежи от 20 до 30 лет, находящейся вне сферы занятости и учебы, с родительской семьей. На основе глубинных интервью с молодежью, проведенных в 2018 г., анализируется взаимосвязь безработной или нестабильно занятой молодежи с социальным статусом семьи. Интервью с молодыми безработными служат базой для выявления форм поддержки семьи в ситуации отсутствия работы, факторов влияния семьи на формирование стратегии поведения детей в трудовой сфере.

Ключевые слова: молодежная безработица, NEET-молодежь, безработная молодежь, переход «учеба — работа», семья, культурный и социальный капитал.

DEMIDENKO SVETLANA YU.

YOUTH WITHOUT WORK: FAMILY SUPPORT AS A (DE)STABILIZING FACTOR

Modern studies have found that the average age of achievement of professional and family status, traditionally related to the stage of adult life (stable work, career, family, marriage and children), is increasing. Increasingly, researchers problematizing this process of growing up, highlighting a special group of young people who do not study and do not work (NEET-young people, no-no, hikikomori), they talk about the immaturity, lack of independence of the modern young generation

---

* Расширенная версия тезисов доклада на Всероссийской научной конференции XI Социологические чтения памяти В. Б. Голофафа «Семья в современном мире», проведенной в Санкт-Петербурге 28–31 марта 2019 г.

(sometimes hanging the label of “lost generation”), not the desire to grow up and take responsibility. This model of behavior is typical not only for Russia, but also for developed countries. The article highlights the problem of interaction of young people from 20 to 30 years, who are outside the sphere of employment and study, with the parent family. Based on in-depth interviews with young people conducted in 2018, the author analyzes the relationship of unemployed or unstable young people with the social status of the family. Interviews with young unemployed people serve as a basis for identifying the factors of family influence on the formation of the strategy of children’s behavior in the labor sphere.

Keywords: youth unemployment, NEET-youth, unemployed youth, transition “study — work”, family, cultural and social capital.

К постановке проблемы

В названии статьи намеренно не использован термин NEET-молодежь (от англ. Not in Employment, Education or Training), появившийся сравнительно недавно (см.: Варшавская 2016), так как хотелось обозначить проблему иначе. И хотя данный термин был введен как раз для учета индивидуализации и разнообразия траекторий при переходе «от учебы к работе», так как традиционные показатели не давали полную картину для анализа положения молодежи на рынке труда, границы так называемой NEET-молодежи довольно размыты, выделяется множество подгрупп, что также усложняет интерпретацию полученных данных. Так, речь может идти о: условно безработных, тех, кто не имел работу более трех месяцев; ограниченных в своих возможностях (молодые родители, те, кто имеет проблемы со здоровьем); свободных от обязательств (намеренно не ищут работу и не желают учиться, а также ведущие опасный и асоциальный образ жизни); формально социально исключенных, но ищущих возможность включиться в полноценную общественную жизнь, добровольно выбравших NEET-траекторию («вечные путешественники», дауншифтеры и те, кто настроен на конструктивную творческую деятельность и саморазвитие, вольные художники, музыканты и пр.) (Б. Хольте, Осло) (Ядова 2017: 124).

Исследователи практически едины в том, что в современном мире увеличивается время достижения индивидом профессиональных и семейных статусов, традиционно относящихся к этапу взрослой жизни: стабильная работа, карьера, семья, брак и дети. Так, увеличился средний возраст вступления в первый брак — для мужчин 27,8 лет, для женщин 24,6 года (данные Росстата за 2016 г.), для сравнения

в 1990 г. — 23,8 и 21,3 года соответственно¹. Тренд «взросления» супружества, пришедший на смену более чем тридцатилетнему периоду «омоложения» брачности, весьма заметен. Хотя нужно иметь в виду и появление новых структурных форм семей (Гурко 2017), в том числе распространение сожительств среди молодежи, так называемый пробный брак, который в дальнейшем при появлении детей может быть официально оформлен.

Существуют определенные предпосылки для продления детства (феномен «длинное детство»), точнее, отсрочки самостоятельной жизни (см., например, Ярская-Смирнова и др. 2008). Американский психолог Джеффри Йенсен Арне (Jeffery Jensen Arnett), профессор университета Кларка, выделяет особый период в жизни человека — «раннюю взрослость», который характеризуется также своими особенностями (Arnett 2014; 2010), как, например, подростковый возраст, о котором более ста лет назад писал Стенли Холл. Профессор Арне пишет, что в современном обществе до 25–30 лет молодой человек или девушка могут оставаться на иждивении родителей, что связано и с получением высшего образования, и с изменением системы ценностей у молодого поколения (в частности, ценности семьи, карьерного роста). Происходит не только откладывание взросления, но и изменение «графика взрослой жизни». Сама так называемая концепция жизненного цикла подвергается критике, так как в современном мире некий единый жизненный путь является скорее анахронизмом, настолько разные сценарии избираются молодежью.

Не стоит забывать и об общемировых трендах в сфере труда — изменение форм трудовой занятости, индивидуализация труда, размытие границ между работой и досугом, свободным временем (см., например: Бауман 2005; Стэндинг 2014 и др.). Современный этап развития экономики характеризуется распространением неустойчивых форм занятости — временная занятость, самозанятость, заемный труд, фриланс и т. д., которые в большей степени распространились после кризиса 2014–2015 гг., способствуя прекаризации занятости, в том числе и молодежи. Работодатели не заинтересованы в предоставлении трудовых контрактов на постоянной основе, привлекая сотрудников по краткосрочным контрактам, либо вообще к работе без всяких оговоренных гарантий. Хотя значительная часть молодежи все же мечтает о стабильной работе и зарплате, в реальности молодое поколение в большей степени обречено на прекарную занятость. Исследователи отмечают

---

¹ Браки и разводы в Российской Федерации. Росстат, [2017]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez_love0707.pdf (дата обращения: 12.05.2019).

парадокс — при провозглашении потребности в опоре на новое поколение работников, именно молодежь является наиболее ущемленной и дискриминируемой группой (Тощенко 2018: 189). В связи с новой пенсионной реформой конкуренция между выходящими на рынок труда молодыми людьми и более старшими возрастными когортами профессионалов увеличивается. Предпенсионная когорта ограничивает жизненные перспективы молодых, не стремясь уступать место на рынке труда. Пенсионеры, вынужденные подрабатывать из-за небольшого дохода, и мигранты, соглашаясь на нестабильную работу, понижают тем самым уровень зарплат и усложняют положение на рынке молодежи.

Английский социолог Саймон Фрис считал, что взросление происходит в движении по двум векторам: от зависимости к независимости, от безответственности — к ответственности (Frith 1984). Однако все большая часть молодежи не стремится взрослеть и брать на себя ответственность. Социологи и психологи все чаще говорят об инфантильности, несамостоятельности современного молодого поколения. Появились даже особые термины — кидалты, дети-бумеранги, NEET-молодежь, поколение ни-ни в западноевропейских странах, хикикомори в восточноазиатских странах. По сути с разной степенью вариативности они означают молодых взрослых людей, которые часто живут с родителями, пользуются их поддержкой и не имеют постоянной занятости. Родительское гнездо представляет собой эмоционально теплую нишу, убежище, откладывающее начало самостоятельной жизни.

При этом в российском обществе, по данным Левада-центра, в 2018 г. несколько увеличилось число тех, кто считает, что дети в возрасте 18–25 лет, не состоящие в браке, должны жить отдельно от родителей (с 52% в 2003 г. до 62% в 2018 г.). На уточняющий вопрос: почему они должны жить отдельно, 65% россиян считают, что дети становятся самостоятельными, приучаются отвечать за свои поступки и принимать решения; а 35% полагают, что они поэтому раньше становятся независимыми, включаясь в трудовую жизнь, еще 14% связывают это с освобождением от жесткого контроля со стороны родителей и уменьшению конфликтов между ними. А из тех 30% россиян, кто определенно или скорее за совместное проживание, 49% считают, что дети не готовы к самостоятельной жизни, не имеют жилья и навыков организации собственного быта, еще 31% беспокоятся, что отдельное проживание ослабляет родительский контроль, включая финансовый, и дети могут пойти по «неправильному пути», а треть из них думают, что это приводит к отчуждению в отношениях, а 9% опасаются ослаблению материальной помощи от детей (Должны ли взрослые... 2019).

Конечно, «маменькины сынки и дочки», взрослые дети на шее у родителей, «недоросли» — явление далеко не новое. Подтверждение этому — многочисленные примеры из произведений художественной классической литературы. Однако за последние годы количество молодых взрослых, материально зависящих от родителей, значительно увеличилось. При этом речь порой ведется о новых формах эскапизма уже в цифровом обществе. Вспомним, что Роберт Мертон считал эскапизм типичным проявлением в обществе аномии. К самоизоляции могут приводить и дисфункциональные отношения в семье или со сверстниками, либо завышенные ожидания родителей в отношении профессиональной карьеры их детей в будущем. Исследования показывают, что большинство хикки выросли в чрезмерно опекаемых и обеспеченных семьях (см., например, обзор: Ядова 2017). В низкоресурсной семье содержать иждивенца слишком накладно.

По данным Госстата, в 2016 г. безработные 15–29 лет составляли 40% от всех безработных, и основная часть из них приходится на возраст 20–24 лет (Труд и занятость... 2017). То есть мы говорим прежде всего о безработице молодежи, связанной с переходом «учеба — работа», поэтому эту проблему следует рассматривать и через связь с родительской семьей. В период первичной социализации молодые люди остаются зависимы от нее и ее возможностей. В России возможности родительских семей существенным образом различаются: дети из одних могут учиться в лучших заведениях страны и мира, не беспокоясь о хлебе насущном, другие, получая образование, вынуждены ограничивать себя и искать постоянные подработки. Поэтому успешный «жизненный старт» молодежи во «взрослом мире» во многом обусловлен не только активностью, способностями, потребностями актора, выбранной трудовой стратегией, но и социальным положением его родительской семьи. Неравенство стартовых позиций молодежи — это прежде всего неравенство семейных капиталов. При этом речь идет не только об экономическом, но и социальном и культурном капиталах. Цель статьи — проанализировать взаимосвязь безработной или нестабильно занятой молодежи с социальным статусом семьи, а также рассмотреть факторы влияния семьи на формирование стратегии поведения детей в трудовой сфере.

Данные и методы

В фокусе нашего рассмотрения молодежь от 20 до 30 лет, находящаяся вне сферы занятости и учебы. Именно в это время обычно завершается период получения образования, и молодежь в силу

своей уязвимости на рынке труда (отсутствие опыта работы, профессиональных компетенций, рабочих мест) чаще всего сталкивается с проблемами трудоустройства. В основу легли глубинные интервью с молодежью, проведенные в 2018 г. в рамках проекта «Молодежь на рынке труда: стратегии профессионализации и занятости молодежной когорты в современном российском обществе»². Проект также предполагал проведение онлайн-опроса. Всего было собрано 52 интервью. География охватывает Центральный федеральный округ, Южный, Приволжский. Интервью с молодыми людьми проходили в более широких возрастных рамках — 18–35 лет. Критериями отбора служили — место проживания (столицы/провинциальные города/сельская местность), возраст, пол, образование. В результате 42 человека являются городскими жителями (12 чел. проживают в Москве, 30 — в других российских городах), 10 — жители сел (подробнее см.: ИНАБ. 2018. № 1). Помимо этого использовалась стратегия насыщенности случаев.

Для первичной категоризации использовался весь массив интервью. В дальнейшем из 52 интервью были отобраны 10, в выборку попали все те, кто в настоящее время не работает и не учится либо имел продолжительный (более трех месяцев) период безработицы, кто подходит под заданные характеристики возраста (20–30 лет). Заметим, что гендерный аспект в вопросах изучения (не)занятости играет существенный вес (Здравомыслова, Темкина 2015: 466–551). Однако в настоящей статье этот вопрос отдельно не исследовался.

Проследить взаимосвязь социального положения семьи и существующего статуса информанта только на данных интервью с молодежью довольно сложно, так как в данном исследовании не предполагался опрос родителей. Поэтому при анализе важно учитывать эти ограничения. Сконцентрируемся на тех моментах родительской поддержки, о которых рассказывали молодые люди, не упуская из виду и форм молчания (Шульц, Любимова 2018) — то, о чем не повествовали информанты, т. е. невысказанное также может служить конструктором дискурса.

Триангуляцией в ряде аспектов служили данные онлайн-опроса, а также анализ дополнительных источников — литературы и исследований.

Коротко охарактеризуем социальный состав подвыборки³. Из 10 человек — 6 мужчин. В основном информанты из небольших городов и сельской местности. Все, кто на момент опроса проживал в Москве

---

² В рамках государственного задания № 28.1328.2017/ПЧ Министерства образования и науки РФ.

³ Короткое описание см. в Приложении.

или Санкт-Петербурге, мигрировали туда в поисках работы. Восемь человек не имеют работы, из них только три находятся в активном поиске. Два человека работали на момент интервью, но имели периоды без работы больше трех месяцев. Подчеркнем, что в качественном исследовании важны для анализа отдельные разнообразные случаи, феномены, имеющие свою собственную структуру и логику (Квале 2003: 229–233), поэтому данная подвыборка не может репрезентативно отражать ситуацию на рынке и лишь является набором разных жизненных ситуаций для более подробного изучения случаев безработицы, мотивации незанятости и пр. Однако то, что в нашу подвыборку попало большее число мужчин, жителей села и провинциальных городов, отражает общую картину молодежной безработицы⁴.

О влиянии статуса семьи на трудовую занятость молодежи

Говоря о классовых и социальных позициях родительской семьи и их наследниках, отметим, что в половине случаев происходит наследование статуса родителей, т. е. дети родителей с высшим образованием также имеют высшее образование. Только в двух случаях дети из слабoresурсных семей смогли получить высшее образование, при этом полученная специальность не приводит к трудоустройству по профессии — например, экономист после окончания вуза устраивается на работу кондитером, так как мама рабочая на этом же хлебозаводе (№ 4).

Получается, что в семье, где культурный капитал не наследуется, т. е. информант — первый в семье, получивший высшее образование, при трудоустройстве использует социальный капитал семьи, но эти связи остаются в рамках класса родителей. То есть с получением высшего образования переход в другой класс не происходит. Это подтверждается и данными нашего онлайн-опроса. Так, установлено, что выходцы из семей с меньшим капиталом, искали работу дольше, чем те, кто наследовал культурный капитал. В группе «наследников» трудоустройство проходило на специальности, ближе к полученному образованию, чем в группе из среднеобразованных семей, где речь чаще идет о так называемом контингентном трудоустройстве: искатель соглашается на любую работу, лишь бы получить доступ к средствам существования (Черныш 2018). В этом случае работа часто находится

---

⁴ См.: Труд и занятость в России — 2017 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_36/Main.htm (дата обращения: 19.05.2019).

быстро, в основном через знакомых и родственников, но на ней молодежь не закрепляется, превращая свою трудовую биографию в череду коротких трудовых проектов.

«Через знакомых, в основном. Предлагали что-то. Обещали одно, а потом чуть поработали, а оно выходит по-другому совсем. Все, и обратно, ищешь другую» (№ 8).

А неформальная занятость порою считается благом:

«...хотелось быстрых денег постоянно. Подработал — и сразу рассчитались, а не то, что месяц там работать...» (№ 8).

По данным опроса Росстата выпускников вузов 2010–2015 гг., студенты-заочники, а также студенты платных отделений чаще используют канал родственных связей (Варшавская 2019). Это может свидетельствовать и о изначально менее низком образовательном уровне — не смогли поступить на бюджет, учились платно или заочно, но не следует исключать, что в ряде вузов конкурс на бюджетные места довольно высокий, а на заочное отделение вынуждены идти те, кто должен в силу семейных обстоятельств совмещать работу и учебу, что также чаще всего соотносится с недостаточным культурным и социальным капиталом семьи.

Только один раз из нашей небольшой подвыборки встречается вариант низходящей мобильности, когда высокие позиции семьи потеряны в следующем поколении. В этом случае семья старалась сделать все возможное для наследования капитала — нанимали репетиторов для подготовки к поступлению, используя социальные связи, оформили целевое направление в вуз, но сын бросил его, практически не начав. Поступил учиться на программиста в техникум, в дальнейшем постоянно менял работу одну за другой, оставаясь на довольно низких социальных позициях. При дополнительном разговоре с его тетей оказалось, что он был рад работе рабочего, она его привлекала и манила, к тому же финансово приносила бы гораздо больший доход, нежели тот, что он получал, работая то кладовщиком, то охранником в детском саду, то продавцом-консультантом в магазине техники, то пожарным и т. п. Однако семьей не рассматривался этот вариант и всячески отвергался, прежде всего вследствие представлений о более низких социальных позициях рабочих.

Установлено, что большинство молодежи, находящейся в состоянии безработицы, из семей с довольно высоким уровнем культурного и социального капитала, их периоды без работы гораздо продолжительнее,

чем у информантов из слаборесурсных семей. При сравнении с другими интервью проекта выясняется, что молодежь из семей с низким капиталом чаще находит работу, однако она не всегда соответствует полученному образованию, часто является неформальной.

Многочисленные исследования молодежи обычно свидетельствуют о таких проблемах с поиском работы, как отсутствие опыта работы (69,8%), низкий уровень предлагаемой заработной платы (40,7%), отсутствие необходимых подходящих рабочих мест (32,8%) и невозможность найти работу по полученной специальности (22,5%). И только четверть выпускников вузов (24,6%) не сталкиваются с трудностями при поиске (Варшавская 2019). Чаще всего это выпускники государственных вузов, бюджетных отделений, что может являться косвенным показателем не только их более высокого качества образования, но и высокого уровня социального и культурного капитала семей.

Говоря о влиянии родительской семьи на трудовую занятость молодежи, надо иметь в виду тот аспект, который характерен в целом для современной молодежной когорты. Частая смена работ, короткие трудовые проекты, несколько мест работы, неоднократная смена профессии — все эти практики становятся нормой для молодого поколения. Поэтому периоды без работы не всегда воспринимаются молодежью трагично. Например, в нашей выборке есть случай (№ 1), когда молодой человек, окончив творческий вуз, долгое время находился без работы. Приняв решение переехать к родителям в родной город, чтобы оформить документы для военного билета, так как болен астмой, он вынужденно задержался не только из-за бюрократических проволочек с оформлением и комиссиями, но и из-за готовности помочь родителям, так как отец в это время повредил руку и был нетрудоспособен. В момент первого интервью он и сам желал попробовать себя в разных амплуа:

«У меня была мысль поработать на разных работах ради интереса. Поработать бариста, чтобы научиться варить кофе, или попробовать поработать барменом, чтобы уметь коктейли делать. И.: Для чего тебе это надо, просто научиться делать? Р.: Скорее как опыт, потому что я эмпирически познаю жизнь, то есть через все это».

Периоды без работы он воспринимал как норму на современном рынке труда:

«...я скорее не буду страшиться, если останусь без работы, но не в том смысле, что я не боюсь, а в том, что это естественно, потому что сейчас очень большая текучка кадров. То есть сейчас смена работы является чем-то нормальным» (№ 1).

Свою временную работу на стройке после окончания вуза уже в своем родном городе он описывал исключительно в восторженных тонах, рассматривая ее место эстетически, так как, работая на лесах, он любовался видом на озеро, наблюдал красивые закаты. Через 7 месяцев без работы он устраивается в Петербурге (проживая в собственной квартире-студии на окраине города, купленной семьей) помощником столяра, совмещая функции фотографа (снимает изделия для сайта). Но тот доход, что он получает, не может обеспечить его, поэтому он продолжает получать материальную поддержку семьи — отца и деда.

Иной случай у молодого человека из слаборесурсной семьи (№ 8), когда было желание остаться служить в армии, но он долго ждал результаты комиссии и в это время не искал работу.

«После армии я пришел. Я сидел месяца три дома. (...) Долго устраивался, долго устраивался... Документы пока там отсылали. Отношение, потом не получилось. И.: А “отношение” — что имеется в виду? Р.: Отношение, ну, с этого... С части. Надо брать отношение. И.: Угу. Это что такое? Р.: Ну, это, что меня берут туда. А потом, по комиссии — годен я, не годен, они уже смотрят. Ну, комиссия смотрит. Если я по категории не прохожу, то меня не допускают. Вот, меня и не допустили» (По причине плоскостопия. — *Примеч С. Д.*)

В целом он сменил множество мест работ к моменту опроса, часто трудоустраиваясь неформально, получая деньги в конвертах (укладка полов, грузчик и т. п.), в основном на низких позициях.

«И.: А было ли у тебя такое время, когда ты потерял работу и на какое-то время остался без работы? Р.: Было, да. В основном, постоянно так. С одной уходишь, потом посидишь. И.: А сколько примерно вот этот промежуток от одной до другой работы времени составляет? Р.: ...От недели до месяца».

Частая смена работы происходит в основном из-за того, что заработная плата существенно меньше обещанной. Находиться долго совсем без работы сейчас он не может, в настоящее время он не работает, так как учится на водителя, чтобы в дальнейшем работать на фуре. Однако в какой-то мере ресурс семьи он планирует использовать в будущем. У него есть наследство — дом в сельской местности (но не родительский, из интервью не вполне ясно, как он получен), за который он хочет выручить сумму в 400–500 тыс. руб. И это станет основным вложением в покупку грузовика.

«Р.: Своего чего-то [хочется]. И.: Имеется в виду — свой бизнес, или?.. Р.: Ну, да. И.: А какой бы ты бизнес хотел? Р.: Вам все так и расскажи,

ха-ха! И.: Ну, можно просто... В общем, что-то обозначить, примерно, чего хочется достичь. Например, кем ты хочешь быть? Р.: Водителем. И.: Тоже водителем, но... Р.: Да, что-нибудь поводить... Может, свое, тоже, ИП. И.: А чтобы открыть свое ИП, что нужно? Р.: ...Камаз купить или фуру» (№ 8).

В целом для выпускников СПО (коим является респондент № 8) характерны более высокий уровень участия в рабочей силе (88 и 87,5%), уровень занятости (80,9–78,7%) и одновременно более высокие показатели безработицы (8,1–10,1%)⁵, чем в среднем, в возрасте 15–72 лет (69,5, 65,7 и 5,5% соответственно) (Чередниченко 2019).

Таким образом, вывод напрашивается довольно банальный — влияние семьи на трудовую занятость безусловно имеется: чем выше социальный статус и доход семьи, тем более длительные периоды без работы могут присутствовать в трудовой биографии молодежи, так как высокоресурсная молодежь готова либо «подождать работу мечты», не хватаясь за любую предложенную, либо предоставить себе некие каникулы после обучения, не делая из этого трагедию, либо осваивать новые виды занятости, включая неформальную, для дальнейшего самоопределения. Конечно, рассматривать молодежь в целом, не выделяя какие-либо типы, — значит упрощать ситуацию, так как помимо статуса семьи влияние оказывают и определенные трудовые стратегии (см. например, Омельченко 2002), однако это не было предметом рассмотрения в настоящей статье.

Поддержка или конфликты?

Когда существует определенная зависимость молодежи, в том числе финансовая, нередко возникают конфликтные ситуации. Однако ни один из информантов не рассказывал о конфликтах с родителями на почве отсутствия работы. В основном подчеркивалась их поддержка, при этом не только финансовая, но и эмоциональная. Возвращение домой, если работа была в другом городе, воспринимается часто как неоплачиваемый отпуск. Отдохнуть, набраться сил, а уже потом вновь начинать поиски работы.

«Да, вот я сейчас хочу отдохнуть, побыть со своими, потом встретить первое сентября и потом уже спокойно уехать во взрослую жизнь и начать искать самостоятельность» (№ 1).

Эти периоды могут продолжаться несколько месяцев. В большинстве случаев родительская семья помогала в трудоустройстве, по своим

⁵ Даны показатели для выпускников ППССЗ и ППКРС.

сетям искала варианты, что подтверждается и другими исследованиями. По данным опроса Росстата выпускников вузов 2010–2015 гг., одним из самых эффективных способов поиска первой работы оказались неформальные каналы — через родственников и знакомых 63,3% выпускников. Но нужно отметить, что выпускниками были использованы также другие каналы — 68,8% пытались найти работу через интернет, а 63,5% также просматривали объявления о вакансиях (Варшавская 2019). Это подтверждается и данными нашего исследования.

Отметим, что в ситуации интервью порой совсем не упоминалась финансовая помощь родительской семьи. Эту информацию удавалось найти из других источников — разговоров с родителями или близкими родственниками (не во всех случаях этот элемент использовался). По какой причине аспект финансовой помощи не упоминается в интервью? Возможно это является чем-то естественным для молодых взрослых, которые, выйдя из периода детства, все еще воспринимают поддержку родителей обязательной. В основном это, конечно, касается обеспеченных и среднеобеспеченных семей. Также причиной может служить и нежелание признавать финансовую зависимость от родственников.

Упоминание о конфликтах из-за денег присутствует в интервью с А., но относительно ситуации с его отцом, который остался вдовцом в молодом возрасте, переехал в родительскую квартиру и долгое время не мог трудоустроиться, приносить стабильный доход.

«Да, блин, у бабушки Гали все пережили. То есть и мы, когда переехали сюда, жили какое-то время [у нее]. У папы же с бабушкой постоянно ругань из-за этого какая-то была. То, что она требовала денег, а он считал, что ничего не должен. Как я понял» (№ 3).

Интересна эта ситуация тем, что в дальнейшем сам А. часто находится на иждивении у отца, бабушек, но он совсем не упоминает об этом в интервью. Хотя установлено из других источников, что конфликты по вопросу работы и самообеспечения с отцом очень серьезны. Попытки семьи дать ему успешный старт неоднократно проваливаются, в итоге сыну покупается однокомнатная квартира (оформленная на отца) с надеждой, что он станет более самостоятельным и ответственным. Через знакомых его устраивают системным администратором в государственную организацию, однако через короткое время он опять теряет работу, так как регулярно опаздывает, не выполняет служебные обязанности в полной мере. И если о конфликтах на почве отсутствия работы или частой ее сменой респонденты не упоминали ни разу, то

конфликтные ситуации, связанные с выбором образования и специальности, встречались чаще.

«...нужно получить образование, нам всем так говорят в детстве. <...> Я вообще хотела поступать в университет искусств, мне сказали: “Нет, сначала нужно получить хлебную профессию, а потом уже вот это вот все”. Поэтому пришлось поступить на менеджмент, потому что кроме как в универ искусств, я не знала, куда я хочу поступить <...> это хорошо если родители как-то подталкивают, либо поддерживают, потому что многие мои друзья поступили на экономистов, на экологов, на моряков только потому, что у них были какие-то увлечения, но их не поддерживали родители <...> вот как моя мама сейчас говорит, что надо было тебя поддержать тогда, и вот у нее <...> друзья, их сыновья и дочки, те родители точно так же сейчас говорят, что потому что ходят вот это на работу, которую они терпеть не могут, ну то есть как-то так» (№ 5).

Опасения родителей, что ребенок не поступит туда, куда хочет, или выбранная профессия не гарантирует стабильный доход, трудоустройство, приводят к тому, что многие информанты уже после окончания учебы думают о получении дополнительного образования, при этом желая кардинально поменять профессию. Данные интервью еще раз подтверждают серьезный дисбаланс между системой образования и рынком труда в России.

«...мне кажется, что после школы обязательно должен быть перерыв между школой и институтом. Потому что после школы совершенно непонятно, чем ты хочешь заниматься, что тебе интереснее, вообще какие у тебя взгляды на все, совершенно непонятно, и вот это давление постоянно, что вот ты после школы должен срочно куда-то поступать, не думай, давай иди, отдавай документы, а то не поступишь, вот это совершенно ни к чему, и большинство моих знакомых получили не то образование, которое хотели. Да, есть некоторые, кто работает по специальности, но это просто единицы... Мне образование никак не помогло, и я просто теперь, как и многие мои друзья, жалею о потраченных годах, о потраченной возможности бесплатно получить образование, потому что сейчас я бы уже может быть что-то другое выбрала» (№ 2).

При анализе интервью приходит понимание, что родительская семья оказывает существенную поддержку для безработной молодежи, отчасти либо компенсируя отсутствие достаточной заботы в прошлом, либо стараясь нивелировать последствия излишнего давления при выборе специальности, либо стараясь предложить хороший старт во взрослую жизнь (например, покупая квартиры).

Рассуждая о своем нестабильном положении, молодежь редко ищет причины в семье. Только одна девушка отметила, что излишняя опека и контроль помешали процессу взросления.

«А меня родители очень долго держали в этом состоянии ребенка, ничего нельзя, хотя мне уже 18 лет исполнилось. Нет, ты одна никуда поехать не можешь и все прочее. Из-за этого и работать я поздно стала» (№ 2).

Иной случай у А. (№ 10). Она, напротив, начала рано зарабатывать деньги, так как был сложный период в семье (развод, проблемы с бизнесом у отца), потом совмещала работу и учебу сразу на двух факультетах университета, а теперь, поняв, чем хочет заниматься в жизни, она инвестирует в будущее, занимаясь по сути волонтерством и находясь на обеспечении родителей.

«[это] тот период, когда я за весь период своей “долгой” взрослой жизни села на шею родителям. Я тогда просто поняла, что это так глупо стремиться быть взрослым. Нужно дольше оставаться ребенком в каком плане: у каждого периода есть свои особенности, эти жизненные этапы нельзя пропускать. Мы перескакиваем, стремимся быть взрослыми. Я села на шею родителям, но занялась учебой, саморазвитием» (№ 10).

Вместо заключения

Подводя итоги, следует отметить, что практически во всех интервью (не только из нашей подвыборки) молодежь отмечает проблемы с трудоустройством, поиском работы для себя и своего окружения, тем самым демонстрируя актуальность темы молодежной безработицы. Однако нужно иметь в виду, что для молодежи периоды без работы не настолько проблематизируются, как для более взрослых когорт. Часто бывают непродолжительными и не всегда переходят в хроническую безработицу. Во-первых, это связано с тем, что в это время происходит поиск своей первой работы, для которой используются в основном смешанные стратегии — формальные и неформальные каналы. Так, по данным опроса Росстата, выпускники вузов 2010–2015 гг. использовали разную комбинацию способов поиска (Варшавская 2019). Конечно, в более выигрышном положении оказываются выпускники, уже имеющие опыт работы. Во-вторых, переход «учеба — работа» в основном обеспечивается поддержкой семьи. При поиске работы часто используются связи — семейные и дружественные сети, которые, как правило, остаются в пределах собственного класса. В-третьих, для молодежи, находящейся без работы и без учебы, семьи как с высоким уровнем

социального и культурного капитала, так и низким, стараются оказывать поддержку, включая финансовую, которая часто воспринимается молодежью как обязательная. Однако в семьях с низким уровнем материального достатка, молодое поколение чаще имеет более короткие периоды без работы, так как семья не может обеспечить его потребности и долго содержать, поэтому эта группа использует различные неформальные подработки. В-четвертых, для молодежи в силу своих возрастных особенностей свойственен оптимизм. Уровень субъективного благополучия у поколения миллениалов довольно высок (Радаев 2018: 27–30), как и надежда на собственные силы (Темницкий 2017).

В названии статьи скрыт вопрос: поддержка родительской семьи в период без работы все же стабилизирующий фактор или нет? Безусловно, семья и финансово, и морально поддерживает детей на этом этапе, однако в ряде случаев гиперопека может сыграть злую шутку, формируя иждивенческие настроения, не позволяет детям самостоятельно справиться с трудностями, тем самым проходя путь от зависимости — к независимости, от безответственности — к ответственности.

Приложение

Социально-демографические характеристики информантов

1. Муж., 21 год, СПб. (из Челяб. обл.), высшее (фотограф), на момент опроса без опыта работы, помощь родителям по хозяйству, ожидает оформление военного билета (7 месяцев без работы), из высокоресурсной семьи.

2. Жен., 24 года, пос. Коммунарка (Подмосковье), высшее (инженер), безработная, нерегулярная самозанятость (вяжет на продажу), проживает с мамой, замужем (гостевой брак), из высокоресурсной семьи.

3. Муж., 28 лет, Туапсе, среднее техническое (компьютерные технологии), частая смена работы, длительные периоды без работы, на момент интервью — пожарный, из высокоресурсной семьи.

4. Муж., 24 года, Москва (переезд из Ижевска), высшее (экономист), безработный, в активном поиске, работал кондитером, без опыта работы по профессии, из слаборесурсной семьи.

5. Жен., 27 лет, Москва (переезд из Керчи), высшее (менеджмент), работает в турфирме по специальности, в периоды между работами — поездки к маме в Керчь, из слаборесурсной семьи.

6. Муж., 30 лет, пос. Лынга, среднее техническое (менеджмент), безработный, частая смена мест работы, из высокоресурсной семьи.

7. Жен., 27 лет, Ярославль, среднее техническое (эколог), не работает 7 лет, домохозяйка, из слаборесурсной семьи.

8. Муж., 24 года, Белгородская область, среднее специальное (техник-механик), безработный в настоящее время, частая смена работы, планирует сдать на права и быть водителем фуры, работать у частного, из слаборесурсной семьи.

9. Муж., 26 лет, Белгородская область, среднее неполное (9 классов), безработный, частая смена работы, в основном разнорабочим или трактористом, из слаборесурсной семьи.

10. Жен., 26 лет, Краснодар, высшее, безработная в настоящее время, на содержании родителей, так как активно зарабатывает капитал для работы в гос. управлении, из высокоресурсной семьи.

Источники

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.

Бобков В. Н. и др. Занятость и социальная прекаризация в России: введение в анализ / В. Н. Бобков, О. В. Вередюк, Р. П. Колосова, Т. О. Разумова. М.: ТЕИС, 2014. С. 5–91.

Варшавская Е. Я. Российская НЕЕТ-молодежь: характеристика и типология // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 31–39.

Варшавская Е. Я. Стратегии поиска работы выпускниками вузов: распространенность и эффективность // Социологические исследования. 2019. № 7. (В печати)

Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110. DOI: 10.7868/S0132162517110113.

Должны ли взрослые дети жить с родителями? [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2019. № 799–800 (28 января — 10 февраля). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0799/opros04.php> (дата обращения: 11.05.2019).

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии: Учебное пособие. СПб.: Изд-во ЕУ в Санкт-Петербурге, 2015.

Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.

Омельченко Е. Л. Стилевые стратегии занятости // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 36–47.

Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

Темницкий А. Л. Слагаемые оптимизма российской молодежи // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15–16 марта 2017 г. / Отв. ред. А. В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2017. С. 94–97.

Тощенко Ж. Т. Прекариат. От протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.

Труд и занятость в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017.

Чередниченко Г. А. Трудоустройство и положение на рынке труда выпускников среднего профессионального образования // Социологические исследования. 2019. № 7 (В печати)

Черныш М. Ф. Молодежь на рынке труда: проблема неравенства // ИНАБ 2018. № 1. Молодежь: конструирование трудовой биографии [Электронное

издание] / [М. К. Горшков и др.]; Отв. редактор М. К. Горшков. М.: Ин-т социологии ФНИСЦ РАН, 2018. С. 10–22.

Шульц В. Л., Любимова Т. М. Молчание как конструкт дискурса в социолингвистике // Социологические исследования. 2018. № 12. С. 84–93. DOI: 10.31857/S013216250003172-2

Ядова М. А. Хикикомори и НЕЕТ: особенности социальной самоизоляции в молодежной среде // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. Реферативный журнал. 2017. № 4. С. 118–124.

Ярская-Смирнова Е., Карнова Г., Ворона М. «Веселые, непонимающие и бессердечные»? О феномене Питера Пэна // Неприкосновенный запас. 2008. № 6 (62). С. 161.

Arnett J. J. *Adolescence and emerging adulthood: A cultural approach*. 4th ed. Boston: Prentice Hall, 2010.

Arnett J. J. *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties*. 2nd ed. Oxford University Press, 2014.

Frith S. *The Sociology of Youth*. London: Open University Press, 1984.

References

Arnett J. J. *Adolescence and emerging adulthood: A cultural approach*. 4th ed. Boston, Prentice Hall, 2010.

Arnett J. J. *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties*. 2nd ed. Oxford Univ. Press, 2014.

Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo [The Individualized Society]*. Moscow, Logos, 2005. (In Russian)

Bobkov V. N. et al. *Zanyatost' i sotsial'naya prekarizatsiya v Rossii: vvedenie v analiz [Employment and social precarization in Russia: introduction to the analysis]*. V. N. Bobkov, O. V. Veredyuk, R. P. Kolosova, T. O. Razumova. Moscow, TEIS, 2014, pp. 5–91. (In Russian)

Cherednichenko G. A. Trudoustroystvo i polozhenie na rynke truda vypusknikov srednego professional'nogo obrazovaniya [Employment and the Situation of SVO' Graduates on the Labour Market]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2019. no. 7 (Is being published) (In Russian)

Chernysh M. F. Molodezh' na rynke truda: problema neravenstva [Youth in the labour market: the problem of inequality]. *INAB [Information Analytical Bulletin]*, 2018, no. 1. *Molodezh': konstruirovaniye trudovoy biografii [Youth': Labor Design biographies]*. M. K. Gorshkov et al., Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Institute of Sociology of the RAS, 2018, pp. 10–22. (In Russian)

Dolzheny li vzroslye deti zhit' s roditelyami? [Should adult children live with their parents?] *Demoscope Weekly*, 2019, № 799–800 (Jan. 28 — Feb. 10), URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0799/opros04.php> (access date: 11.05.2019). (In Russian)

Frith S. *The Sociology of Youth*. London, Open University Press, 1984.

Gurko T. A. Novye semeynye formy: tendentsii rasprostraneniya i ponyatiya [New family forms: tendencies of spreading and concepts]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2017, no. 11, pp. 99–110. DOI: 10.7868/S0132162517110113. (In Russian)

Kvale S. *Issledovatel'skoe interv'yū [InterViews: an Introduction to Qualitative Research]*. Moscow, Smysl, 2003 (In Russian)

Omel'chenko E. L. Stilevye strategii zanyatosti [Employment style strategies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2002, no. 11, pp. 36–47. (In Russian)

Radaev V. V. Millenialy na fone predshestvuyushchih pokoleniy: empiricheskiy analiz [Millenials compared to previous generations: an empirical analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2018, no. 3, pp. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029. (In Russian)

Shul'ts V. L., Lyubimova T. M. Molchanie kak konstrukt diskursa v sotsiolingvistike [Silence as a Discourse Construction in Sociolinguistics]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2018, no. 12, pp. 84–93. DOI: 10.31857/S013216250003172-2 (In Russian)

Standing G. *Prekariat: novyy opasnyy klass* [The Precariat. The New Dangerous Class]. Moscow, Ad Marginem Press, 2014. (In Russian)

Temnitskiy A. L. Slagaemye optimizma rossiyskoy molodezhi [Components of optimism of Russian youth]. *Materialy VII mezhdunarodnoy sotsiologicheskoy Grushinskoy konferentsii «Navstrechu budushchemu. Prognozirovanie v sotsiologicheskikh issledovaniyakh», 15–16 marta 2017 g.* [Materials VII international sociological Grushinsky conference “Towards the future. Forecasting in sociological research”, March 15–16 2017]. Ed. by A. V. Kuleshova. Moscow, VTSIOM, 2017, pp. 94–97. (In Russian)

Toshchenko Zh. T. *Prekariat. Ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat. From Protoclass to New Class]. Moscow, Nauka, 2018. (In Russian)

Trud i zanyatost' v Rossii. 2017 [Labour and employment in Russia]. Stat. coll. Rosstat. Moscow, 2017. (In Russian)

Varshavskaya E. Ya. Rossiyskaya NEET-molodezh': harakteristika i tipologiya [NEET-youth in Russia: characteristics and typology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2016, no. 9, pp. 31–39. (In Russian)

Varshavskaya E. Ya. Strategii poiska raboty vypuschnikami vuzov: rasprostranennost' i effektivnost' [Job search strategies of university graduates: prevalence and effectiveness]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2019, no. 7 (Is being published) (In Russian)

Yadova M. A. Hikikomori i NEET: osobennosti sotsial'noy samoizolyatsii v molodezhnoy srede [Hikikomori and NEET: features of social self-isolation among young people]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya. Referativnyy zhurnal* [Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology. Review Journal], 2017, no. 4, pp. 118–124. (In Russian)

Yarskaya-Smirnova E., Karpova G., Vorona M. “Veselye, neponimayushchie i bessrdechnye”? O fenomene Pitera Pena [“Cheerful, uncomprehending and heartless?” The Peter Pan phenomenon]. *Neprikosnovennyi zapas* [Emergency store], 2008, no. 6 (62), p. 161. (In Russian)

Zdravomyslova E. A., Tyomkina A. A. *12 lektsiy po gendernoy sotsiologii: Uchebnoe posobie* [12 lectures on gender sociology: Textbook]. Saint Petersburg, Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2015. (In Russian)

Демиденко Светлана Юрьевна, ответственный секретарь журнала «Социологические исследования», научный сотрудник, Государственный академический университет гуманитарных наук.

Svetlana Yu. Demidenko, executive secretary (editor) of the journal “Sociological studies”, Research Fellow, the State Academic University for the Humanities. demidsu@yandex.ru

С. В. ЛУРЬЕ

ОТНОШЕНИЕ К МЕЖЭТНИЧЕСКИМ БРАКАМ КАК СИМПТОМ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

При высокой доле поддержки межэтнических браков (70–77%), они эксплицитно воспринимаются как явление, лежащее вне поля собственно межэтнических процессов в России и относящееся лишь к межличностной сфере. Однако цифра 70–77% является ключевой в описании российской молодежью разных аспектов поведения в межэтнической сфере. Именно столько русских студентов уверяют, что испытывают национальные чувства, но ровно столько же готовы и желают жить в полиэтническом окружении, легко чувствуют себя в среде представителей других народов России и уверены, что дружба народов России возрождается. А значит цифры, касающиеся казалось бы частных семейных отношений, не произвольны, а коррелируют с другими, относящимися к межэтническим отношениям в целом, и отношение молодежи к межэтнической брачности отражает имплицитно более широкий комплекс представлений и чувств современной российской молодежи и может рассматриваться как один из симптомов формирования новой российской идентичности.

Ключевые слова: межэтнические браки, межэтнические отношения, национально-смешанная семья, ассимиляция, полиэтничность, теория поколений, картина мира.

LOURIÉ SVETLANA V.

ATTITUDE TO INTER-ETHNIC MARRIAGES AS A SYMPTOM OF THE FORMATION OF RUSSIAN IDENTITY

With a high proportion of inter-ethnic marriages support (70–77%), they are explicitly perceived as a phenomenon that lies outside the field of inter-ethnic processes in Russia and relates only to the interpersonal sphere. However, the figure of 70–77% is key in the description of the various interethnic behavior aspects for the Russian youth. Exactly this number of Russian students who say that they have national feelings, but exactly same number are ready and want to live in a multinational environment. They easily feel themselves among the representatives of other peoples of Russia and are confident that the peoples friendship in Russia is reviving. Thus, the figures referring to seemingly private family relations are not arbitrary, but they somehow relate to other inter-ethnic relations, as a whole. The young people attitude towards inter-ethnic nuptiality reflects an implicitly wider complex of ideas and feelings of contemporary Russian youth. This can be considered as one of the new Russian identity symptoms formation.

Keywords: inter-ethnic marriages, inter-ethnic relations, nationally mixed family, assimilation, polyethnicity, theory of generations, the world picture.

Нет явлений социальной жизни, которые были бы линейным следствием объективных факторов. За ними всегда стоят ментальные конструкты, которые опосредуют связь объективных социальных процессов и институтов друг с другом. Так и межэтнические браки не могут рассматриваться только как функция череды внешних событий и процессов, оказывающих непосредственное влияние на межэтнические и семейные отношения в России. Тут очень важно то, как люди, вступающие в брачный возраст, то есть молодежь, их видит, в какой цепочке социокультурных связей их воспринимает, в ряд каких ассоциаций встраивает. Безусловно, межэтническая брачность существует в контексте национальной идентичности россиян в целом и русских в частности, и эта идентичность соответствующим образом преломлялась в сознании молодых людей.

Выявление культурного и ментального контекста, в котором живет индивид, участвующий в социальном процессе и производящий тот или иной феномен, дает возможность увидеть то, что незаметно даже при углубленном изучении того или иного феномена самого по себе. Так, показатели отношения к межэтнической брачности, взятые сами по себе, мало о чем говорят, исследователю трудно объяснить немалую долю межэтнических браков в России, где они, кажется, не имеют никакой значимой ценности. Но попытка понять, в контекст каких ментальных установок отношение к межэтнической брачности у современных молодых людей встроены, в ряду каких ассоциаций находятся, дает возможность предложить объяснение казалось бы «странного» феномена.

Итак, в 1990-е гг. исчезла советская идентичность, и для многих единственной устойчивой самоидентификацией осталась этническая. Между тем стали много говорить о понятии «российский народ». Но появилась ли в России надэтническая идентичность, начался ли процесс формирования «российского народа», могут ли межэтнические браки рассматриваться в качестве индикатора формирования «российского народа»? Попытаемся нащупать некоторые низовые сценарии межэтнических отношений, которые формируются в современной России. С этой целью проанализируем отношение к проблеме межнациональных браков российской молодежи в контексте результатов интервью, проведенного по авторской методике в ряде городов РФ

и посвященного восприятию национальных проблем студенческой молодежи. Интервью проводились среди русских студентов в Красноярске, Мичуринске (Тамбовская обл.), Лысьве (Пермский край) (выборка — 97 человек).

Русские студенты смотрят на межэтнические браки как на проявление межличностных отношений, а не в контексте межэтнических отношений в стране, и не как на производную от «дружбы народов». Студенты редко выбирали ответы, связывающие распространение межнациональных браков с показателем добрых отношений между народами, — только 23%. А вот 77% положительно относятся к межнациональным бракам, поскольку те являются следствием любви между конкретными людьми. 63% опрошенных полагают, что надо приветствовать брак представителей любых национальностей, если между ними есть любовь. 70% опрошенных русских допустили для себя лично возможность вступления в межэтнический брак, если полюбит человека иной национальности. Все говорит вроде бы за то, что межэтнический брак перестал восприниматься инструментом сближения нации и ассимилирования народов — он продолжает существовать как явление частной жизни. Но вспомним цифры положительного отношения к межэтническим бракам: 70% и чуть более. Потом мы покажем, что эти цифры не случайны!

Если брать отношение к этническим процессам на государственном уровне, то они вроде бы подтверждают потерю межэтническими браками своего общественного значения. Например, эксплицитно их не связывают с ассимиляцией. Ассимиляцию народов России к русскому считают возможной 36% опрошенных русских студентов, а 50% — невозможной (остальные затруднились ответить). Ни один из опрошенных русских студентов не согласился с желательностью того, чтобы «все народы стали как русские». С тем, что «желательно, чтобы представление о морали и нравственности, принципы воспитания детей, образование, воспитание у всех народов России было как у русских», согласились всего 4,5% опрошенных русских. Правда, считают положительным явлением взаимную ассимиляцию народов России уже 36%. Но все-таки больше всего тех, кто уверен, что каждый народ должен сохранить свои особенности, свою культуру, свою идентичность, таких 50%. Есть еще те, кто считает желательной ассимиляцию к глобальным наднациональным ценностям, но таких совсем немного — 4,5%. И 4% затруднились ответить на этот вопрос.

Среди тех, кто полагает, что этические системы народов России должны ориентироваться на русскую, только 38%, а тех, кто полагает,

что у каждого народа должна быть своя, особенная — аж 49% (правда, предполагаются некие общие представления о справедливости). Об общечеловеческой этике говорят только 13% опрошенных. Лишь 4% русских студентов считают, что система воспитания у всех народов в России должна быть единой. 52% полагают, что системы воспитания у народов России должны быть как-то согласованы с системой воспитания у русских, но допускают в них большие вариации. 44% опрошенных русских допускают самое широкое разнообразие в воспитательных принципах. Эти данные подтверждают эксплицитные ответы о нежелательности ассимиляции. Ассимиляционная парадигма в национальном сценарии современных русских не выражена.

В целом, если прислушиваться к словам молодежи, то межэтнические отношения в России выглядят номиналистскими, лишенными общей идеи. Только 52% считают, что русские имеют в системе межнациональных отношений идеальные функции, а 37% полагают, что их функции только организационные. В этом отношении интересен «индивидуалистский» подход русской молодежи к понятию «российский народ». Нарождающейся или уже существующей общностью назвали российский народ 75% опрошенных (обратим внимание на цифру в 70 с чем-то процентов, она дальше будет повторяться в разных вопросах!). Из них общностью народов России российский народ считает чуть больше трети, около 34%, а общностью всех людей, населяющих Россию — уже 66%: превалирует подход с точки зрения не народов, а индивидов.

Верят в дружбу народов (полагают, что дружба народов в СССР была реальной) 84% опрошенных. 77% (опять 77%!) опрошенных хотят, чтобы дружба народов возродилась. 41% уверен, что народы России дружат и сейчас, еще 26% полагают, что вектор развития национальных отношений в России направлен в сторону возрождения дружбы народов.

Теперь посмотрим на проблему с другой стороны. Вот вопрос о том, легко или тяжело респонденту общаться с представителями других народов. Национальная принадлежность человека затрудняет общение у 25% ответивших. 40% утверждают, что легкость общения зависит более от характера человека, нежели от национальности. Еще 35% опрошенных вообще не обращают внимания на национальность собеседника. Итого 70% в межчеловеческих отношениях ориентируются на человеческие качества, а не на национальность. Эти цифры коррелируют с долей допускающих для себя возможность межэтнического брака. Тут становится понятным положительное

отношение к бракам по любви с представителями других национальностей.

Интересно сопоставить эти цифры и с числом желающих жить в полиэтническом окружении. Из тех русских, кто хотел бы жить в России, а таких 88% опрошенных, 73% хотели бы жить именно в полиэтнической среде, причем только около половины из них оговаривает желательность того, чтобы русских было большинство (а значит около 40% не против жизни практически в инонациональном окружении среди народов России), 15% опрошенным студентам все равно в какой среде — полиэтнической или моноэтнической — жить, 8% предпочитает жить среди русских, а 5% настаивает, чтобы жить только среди русских. Мы встречаем те же 70% желающих жить в инонациональном окружении.

К 70 близок и процент тех, кто считает, что нерусскому человеку легко жить среди русских, а если возникают трудности, то только по вине самого нерусского, — таких 75%. Тех, кто считает русских специфическими людьми со своими собственными недостатками, что затрудняет нерусскому жизнь среди них, всего 15%.

За этими цифрами специфика самовосприятия русскими, которые не мыслят себя как народ изолированно, а только в контексте других дружественных народов. Приведенные цифры, демонстрирующие высокую комплементарность русской молодежи в межнациональных отношениях, не объясняются отсутствием у них собственных национальных чувств, а показывают определенную особенность этих чувств. В наличии национальных чувств признались 75% опрошенных. 14% такое чувство у себя отрицали, 5% указали на превалирование у себя локального патриотизма, а еще 14% затруднились ответить. Проведем еще одну корреляцию. 75% признали, что они ожидают российского патриотизма как от нерусских, так же как и от русских.

Итак, доля тех, кто допускает для себя межэтнический брак, коррелирует с долей тех, кто так или иначе нацелен на формирование осмысленных межэтнических отношений в России. Может быть, это не заметно на поверхностный взгляд, да и сама молодежь, настроенная на формирование нового российского межнационального сценария, это слабо осознает, поскольку в настоящее время слабо выражены соответствующие идеологические доминанты, и части молодежи трудно найти слова и выразить свои ощущения определенно, но подобные ощущения есть.

Тут интересно, что при положительном отношении к возрождению дружбы народов, межэтнические браки с ней не связываются, а скорее

связываются с неким природным интернационализмом русских: так отвечают 71% опрошенных. Интернационализм тут — несколько туманная категория, говорящая скорее о том, что какого-либо специфического сценария межэтнических отношений опрошенные русские студенты вербализировать не могут. Основываясь же на наших сопоставлениях, мы хотим отметить, что цифры, касающиеся, казалось бы, совершенно частных семейных отношений (опрошенные русские студенты уверены, что речь идет только о частных семейных отношениях!), цифры эти не произвольны, а коррелируют с другими, относящимися собственно к сфере межэтнических отношений. С уверенностью можно сказать тут одно: отношение к межэтнической брачности не является отдельно взятым феноменом, а выражает более широкий комплекс представлений и чувств современной российской молодежи.

Тот национальный проект, который, можно предположить, исключает передачу друг другу многих этических норм и принципов (к чему стремились в СССР, а до того и в меру возможностей — в Российской империи), исключает единство идеологическое, культурное, религиозное, хотя и предполагает определенное ценностное единство. Таким образом, надо было бы ожидать, что разнообразие культур будет усиливаться и межэтнический брак будет столкновением культур, для одного из супругов, очень вероятно, выходом из своей культуры. Если и возможно некое идеологическое единство, то это скорее будет некая аморфная модель толерантности, некоторое комплементарное чувство, которое выражается в разных проявлениях межэтнических отношений, но не имеет четкой структуры. Но сумеет ли она удовлетворить русских и других россиян? Толерантность, если ее переносить на российскую почву, слишком бесструктурная и малосодержательная модель, поскольку суть специфики межэтнических отношений, характерных для России, не отражает. Для них свойственны более интенсивные и имеющие сценарные, диалоговые черты отношения: взаимодействие, а не одна только терпимость. Но предпосылок для нового этапа активного взаимодействия пока не прослеживается. Да, возможно даже определенное переосмысление модели «дружбы народов», но она, вероятно, уже не будет иметь выраженного наднационального идеала и вряд ли будет выражаться в значительном росте межнациональной брачности.

Но, с другой стороны, характерно сохранение поведенческого внеидеологического межэтнического сценария взаимодействия, создающего комфортную среду, в которой современные молодые люди чувствуют себя уверенно и вне которого себя не мыслят. Полиэтническое окружение продолжает оставаться для русских не просто

приемлемым, более того, оно необходимо! Все поведенческие навыки построения межэтнических отношений сохранились и спонтанно реализуются вне зависимости от наличия какого-то разработанного ценностного обоснования. Не их ли имеют в виду молодые люди, когда говорят, что дружба народов возрождается? Эти поведенческие модели, основанные на уже традиционных для россиян межэтнических сценариях, служат легкости заключения межэтнических браков.

Межэтнический брак в современной России, таким образом, не ценность, он не обладает идеальным значением, но он вполне допустим и приемлем. Так, Е. С. Токарева на основании анализа результатов проведенных ею опросов приходит к выводу, что в целом место межэтнического брака по отношению к моноэтническому в системе ценностей молодежи занимает периферийные позиции. Существенная часть студенческой молодежи ориентирована на мононациональный брак, но межэтнический брак для большинства молодых людей является приемлемым (Токарева 2013).

Это подтверждает наше утверждение о соотношении этнокультурных и этнопсихологических факторов в межэтнических браках. С точки зрения этнокультурных факторов, почвы для межэтнических браков нет (и не удивительно, что порой он вызывает тревожность!), но с точки зрения этнопсихологических факторов, основанных на привычных моделях поведения, он приемлем и органично вписан в привычные сценарии взаимоотношений как межэтнических, так и внутриэтнических. Неслучайно доля их остается такой же высокой, какой была в последние годы в РСФСР. В 1989 г. их было 14,7%. С начала 2000-х гг. число национально-смешанных домохозяйств в Российской Федерации держится около 14,5% (Население России... 2006: 235).

Зададимся вопросом: остаются ли сейчас межэтнические браки локomotивом ассимиляции? Они не являются механизмом ассимиляции к русским, поскольку именно русские чаще выходят, вступая в межэтнический брак, из своей привычной культурной среды. Кроме того, русские, мы показали ранее, активных ассимиляционных установок сейчас не имеют. Нет также надэтнического идеала, подобного «советскому народу», к которому была бы возможна ассимиляция. Однако, когда речь не идет о кардинальном разрыве со своей культурной средой (например, когда русская девушка становится женой в горном ауле, такие случаи встречаются!), следует говорить о том, что формируется более однородная среда российских городов, прежде всего. Продолжает существовать и поддерживать себя относительно гомогенное, но при этом полиэтническое общество в российских крупных населенных

пунктах. Оно не воспринимается как отношение между народами, а как отношение между индивидами. Вспомним, что и российский народ в представлении многих русских молодых людей — это единство индивидов разных национальностей, а не народов!

Вот два примера о русско-татарских браках. Л. А. Хачатрян и А. А. Чадова приводят в качестве примера следующие рассуждения одного из своих русских респондентов, состоящего в браке с татаркой: *«Вот у меня Р. говорит, я татарка, мне неважно, чтобы у меня татарин муж был. Главное, чтобы человек хороший был...»* (Хачатрян, Чадова 2016: 131). И. М. Городецкая и А. Б. Блохина указывают, что в Татарстане, где русско-татарских браков по данным этих исследователей треть, «многие супруги в русско-татарских семьях в бытовом общении не делают различий, кто татарин, а кто русский» (Городецкая, Блохина 2008). Не удивительно, что браки в рамках единой городской культурной среды некоторые исследователи, как, например, З. Л. Сизоненко, не считают межэтническими, «...фиксируя рост межэтнической брачности на национальную принадлежность супругов, указанную в документах. Но совпадает ли она с национальной самоидентификацией личности супругов, с тем, к какой этнической культуре они себя относят?» (Сизоненко 2007).

Можно утверждать, что российский национальный сценарий формируется как бы на двух уровнях — этнокультурном, где намечается все большее расхождение культур различных народов, и этнопсихологическом, где поддерживает себя общий поведенческий сценарий, одним из выражений которого и является достаточно широкое распространение межэтнической брачности. Эти две тенденции противоречат друг другу даже в больших городах, где при общей городской культуре наблюдается различие религий и традиций. Пока не видно, чтобы эти две тенденции начали бы как-то меняться или сходиться. Они существуют параллельно друг другу. Поэтому, что касается межэтнической брачности, она существует в российском обществе на некотором стабильном, достаточно высоком уровне — около 14%, но вызывает заметную тревожность, как бы не встраиваясь в российский культурный сценарий. Последнее не так, и мы видели, что она неплохо вписывается в поведенческий сценарий российского общества (если не брать его традиционалистских сегментов), но при этом противоречив сам этот сценарий. И отношение к межэтническим бракам это иллюстрирует!

Изменение в восприятии межэтнических браков, потеря ими знакомости, идеального смысла может быть объяснено и посредством смены

поколенческих парадигм, на основании теории поколений. Теория эта широко популярна ныне, но более в маркетингологии, чем в академической науке, поскольку построена исключительно на качественных основаниях, которые могут восприниматься как не вполне научные. Тем не менее, несмотря на свою интуитивность и некоторую художественную произвольность, в своих основных положениях эта теория, которую в России в основном разрабатывает Е. Шамис, вызывает доверие. Попытаемся приложить ее к объяснению культурологического смысла межэтнических браков в современной России.

Характерной чертой брачного поведения поколения 1943–1962 годов рождения — так называемых «прогрессоров» или «бейби-бумеров» — тех, кто вступал в брак в поздний период СССР, когда еще поощрялись и прославлялись межнациональные браки между представителями советских народов, был романтический настрой. Это определялось не только, и даже может быть не столько советской идеологией, сколько реальностью жизни в мире, который казался устойчивым, с осознанием своей силы, «чувства локтя», как тогда говорили, культа молодости, здоровья, счастья. «Они жили в супердержаве и были совершенно в этом уверены! Актуальны были оптимизм и идеализм... нет, даже не так — Вера и Идеалы (тогда эти слова воспринимались исключительно в позитивном смысле, без сарказма, как нынче). Они так соскучились по любви и романтике! Им ее так катастрофически не додано задавленными родителями и боевыми дедушками и бабушками, что они начали искать проявления любви сами — с каждым дыханием окружающего мира. Свои семьи они создавали исключительно по любви» (Шамис, Никонов 2016: 35). На мир смотрели немного по-книжному. Межнациональный брак был в некоторых слоях молодежи романтическим символом, относился к сфере идеалов. Не обязательно, что это служило стимулом к заключению именно таких браков (хотя, возможно, где-то было и такое!), но любой межнациональный брак становился заметным явлением, его отмечали именно как межнациональный, и о нем говорили, и говорили в положительной коннотации.

У следующего поколения — поколения X, рожденного в 1963–1985 гг., — преобладает индивидуализм и более прозаический подход к реальности, прагматизм и даже скептицизм, ориентация скорее не на идеалы, а на выживание, поскольку именно это поколение реализовывало себя в кризисные постсоветские годы. «Не было родительской приверженности идеалам коммунизма, равенства, коллективизма — более старшие начали сомневаться в правильности “правильных” слов, контрастирующих с реальностью, еще на пике

“застоя” и затем наблюдали, как на их глазах рухнула вся построенная на этих принципах система. Будущее для этого поколения всегда было либо туманно, либо мрачно: перестройка оказалась “цветочками”... Семейные ценности поколения X — это равноправие ролей мужчины и женщины, равная ответственность, в том числе и финансовая, склонность экономить время и средства на еде, поскольку предпочтения отдается интересному досугу и реализации творческих увлечений: путешествиям, новым книгам, совместным хобби... Выросшие сами во времена бума разводов семидесятых, представители поколения X легко относятся к бракам. Они уже на собственной шкуре знают, что развод не катастрофа, все останутся живы, пусть даже немного помятые. В их представлении гораздо худшим является брак чужих людей» (Шамис, Никонов 2017: 47). Семья как таковая отчасти теряет свой романтический ореол, и является ли она моноэтнической или межэтнической, имеет значение только в контексте череды межэтнических конфликтов 1990-х.

Для самого молодого поколения — поколения миллениалов, рожденного в 1990-е и теперь вступившего в брачный возраст, семья вновь становится ценностью. «Звучит странно, но для людей, выросших в эпоху цинизма, актуальны такие ценности, как гражданский долг, мораль и семья: это те островки безопасности, за которые их сознание цеплялось в детстве, стремясь сохранить для себя столь необходимую человеку иллюзию стабильности жизни» (Царенко 2014: 46). Миллениалы, по утверждению своих исследователей, «придерживаются традиционного взгляда на взаимодействие полов: девушки должны быть скромными, заниматься домом и воспитывать детей, молодые люди должны обеспечивать семью. Продвинутые девушки считаются эгоистичными и требующими постоянной демонстрации того, чего ты стоишь... Они не думают о том, чтобы менять мир или человечество, в первую очередь они хотят сделать комфортной свою жизнь и жизнь близких... Среди молодежи принято заявлять, что они любят свою семью, обожают родителей. Удачная семейная жизнь — признак состоятельности, и в конечном итоге, счастья. Создание хорошей семьи — более важная цель, чем профессиональная реализация» (30 фактов о молодежи... 2017). Если представитель нынешней молодежи вступает в межэтнический брак, то он делает это тогда и потому, когда это этот брак ему представляется более стабильным, прочными, устойчивыми. Отсюда, возможно, заключение брака с представителями народов, придерживающихся более традиционных ценностей, чем широко распространенные в современном мире.

Тут можно было бы определить межэтнические браки как некоторую ценность, но она как таковая не осознается, поскольку акцент делается не на межэтничности, а на традиционности. В этом смысле даже нередкие браки русских девушек с представителями кавказских народов, придерживающихся патриархальных установок в семье, являются некоторым трендом, отражающим ментальные установки некоторой части современной молодежи. Это объясняет частоту межэтнических браков в современном российском обществе, практическое сохранение уровня межэтнической брачности позднего РСФСР, когда такие браки были романтизированы, но, повторим: они популярны не потому, что межэтнические, а потому, что традиционные. Если есть возможность создания устойчивой моноэтнической семьи, она предпочтительна, но при ее отсутствии допустима межэтническая традиционная семья. Если в советские годы межэтнический брак расценивался как отход от традиционных устоев, то сегодня это часто некий неотрадиционализм.

Восприятие общественных ценностей, таких как семья или национальная идентичность, преломляются сквозь призму поколенческой картины мира, значение которой не надо недооценивать. Если мы говорим о таких категориях, как межэтнические отношения, дружба народов, ассимиляционные процессы в понимании современной молодежи, мы должны понимать, что они увязаны с другими ценностями и стереотипами, которые сформировались именно у этого поколения под воздействием событий, которые произошли в период, когда складывалась сама их ценностная система, и которые были совсем иными, нежели во времена их дедов и отцов. Да, этническая идентичность, этническая картина мира имеет во все времена некоторые общие черты, но они проявляются во все времена, у разных поколений по-разному. И такая частная форма ее проявления как отношение к межэтническим бракам может варьироваться, причем не всегда легко объяснимым образом, только посредством социально-демографических причин. Она встроена в тот срез мировоззрения народа, который характерен только для того или иного его поколения, увязана с ценностями именно данного поколения, актуально в их контексте. На что и следует обращать особое внимание.

Итак, межэтническая брачность в современной России, будучи во многом функцией межэтнических отношений и объективно существуя в их контексте, субъективно существует как бы в сетке значений, связанных с личной жизнью индивидов, их установок, относящихся к внутрисемейным отношениям, в частности, например, исходя из их

современности или, наоборот, патриархальности. Тут можно увидеть определенное противоречие, но, как мы говорили, социальные явления и процессы во многом определяются ментальными конструктами, а те могут быть сколь угодно сложными, а часто — взаимодополнительными. Выявляя путем сопоставления данных проведенного нами опроса корреляцию между положительным отношением к межэтническим бракам и рядом явлений, относящихся к сфере межэтнических отношений, мы упираемся в тот факт, что эксплицитно межэтнические браки российской молодежи в сферу межэтнических отношений не встраиваются. Это же подтверждает ценности в глазах части современной молодежи патриархальных семейных отношений, мотивация на создание традиционалистской семьи, что побуждает их к бракам с представителями народов, где традиционные установки сохранились в большей мере.

Источники

Городецкая И. М., Блохина А. Б. Взаимоотношения супругов в моно- и полиэтнических браках русских и татар [Электронный ресурс] // Проблемы социальной психологии личности. Саратов: СГУ, 2008. URL: http://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30318_full.shtml (дата обращения: 05.05.2019).

Население России 2003–2004. Одиннадцатый — двенадцатый ежегодный демографический доклад / Под ред. А. Г. Вишневский; Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Центр демографии и экологии человека. М., 2006. 360 с.

Сизоненко З. Л. Межэтническая семья в крупном городе // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 140–142.

Токарева Е. С. Межэтнический брак в системе ценностных ориентаций студенческой молодежи [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 5. URL: <http://human.snauka.ru/2013/05/3173> (дата обращения: 05.05.2019).

Хачатрян Л. А., Чадова А. А. Межнациональная семья в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1 (25). С. 127–135.

Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс. М.: Ун-т «Синергия», 2016. 140 с.

Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений: стратегия Беби-бумеров. М.: Ун-т «Синергия», 2017. 256 с.

Царенко Н. В. Как понять своего ребенка? Поколение Z и другие. Ростов-н/Д.: «Феникс», 2014. 187 с.

30 фактов о молодежи двадцать первого века [Электронный ресурс]. 2017. URL: <http://pics.ru/30-faktov-o-sovremennoj-molodezhi> (дата обращения: 05.05.2019).

References

- 30 faktov o molodyozhi dvadtsat' pervogo veka [30 Facts about the Youth of the Twenty-First Century]. 2017, URL: <http://pics.ru/30-faktov-o-sovremennoj-molodezhi>. (In Russian)
- Gorodetskaya I. M., Blohina A. B. Vzaimootnosheniya suprugov v mono- i polietnicheskikh brakakh russkikh i tatar [Spouses Relationship in Mono- and Poly-ethnic Marriages of Russians and Tatars]. *Problemy sotsial'noy psikhologii lichnosti* [Social Psychology Personality Problems], Saratov State University, 2008, URL: http://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30318_full.shtml (access date: 05.05.2019). (In Russian)
- Hachatryan L. A., Chadova A. A. Mezhnatsional'naya sem'ya v sovremennom rossiyskom obshchestve [Interethnic Family in Contemporary Russian Society]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology], 2016, iss. 1 (25), pp. 127–135. (In Russian)
- Naselenie Rossii 2003–2004. Odinnadtsatyy — dvenadtsatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2003–2004. Eleventh-twelfth annual demographic report]. Ed. by. A. G. Vishnevskiy, The Institute of Economic Forecasting of the RAS. Center of Demography and Human Ecology. Moscow, 2006, 360 p. (In Russian)
- Shamis E., Nikonov E. *Teoriya pokoleniy. Neobyknovennyy Iks* [Generation Theory. Unusual X]. Moscow, Sinergiya University, 2016, 140 p. (In Russian)
- Shamis E., Nikonov E. *Teoriya pokoleniy: strategiya Bebi-bumerov* [Generation Theory: Baby Boomer Strategy]. Moscow, Sinergiya University, 2017, 256 p. (In Russian)
- Sizonenko Z. L. Mezhetnicheskaya sem'ya v krupnom gorode. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2007, no. 2, pp. 140–142. (In Russian)
- Tokareva E. S. Mezhetnicheskii brak v sisteme tsennostnykh orientatsiy studentcheskoy molodezhi [Inter-ethnic Marriage in the System of Value Orientations of Student Youth]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanities Science Research], 2013, no. 5, URL: <http://human.snauka.ru/2013/05/3173> (access date: 05.05.2019). (In Russian)
- Tsarenko N. V. *Kak ponyat' svoego rebenka? Pokolenie Z i drugie* [How to Understand your own Child? Generation Z and Others]. Rostov-na-Donu, Feniks, 2014, 187 p. (In Russian)

Лурье Светлана Владимировна, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Lourie Svetlana V., Doctor of Cultural Studies, Lead Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS.

svlourie@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ СЕМЬИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-11.dzqg-qt56

Н. Ю. ЕГОРОВА

ФОРМЫ СУПРУЖЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СРАВНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК

В рамках эволюционного подхода рассматриваются изменения в сфере семейно-брачных отношений, в том числе в России. Многообразие форм супружества в данном контексте становится элементом современной семейной системы и является результатом трансформационных процессов институтов семьи и брака. Возможные варианты супружества раскрываются через призму такого явления, как партнерство, дифференцированного с использованием критериев очередности отношений, наличия регистрации, локализации партнеров, их пола. На основании данных демографической статистики и *Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)* выделяются наиболее распространенные типы супружеств: сожительство (добрачное/повторное), брак (первый/повторный), сопоставляются социально-демографические показатели представителей указанных семейных групп. Для сравнения, помимо основных параметров (возраст, образование, экономическое положение, занятость, профессиональный статус), используются дополнительные (количество детей, продолжительность отношений). С помощью дискриминантного анализа выявляются факторы, определяющие принадлежность индивида к той или иной семейной группе.

Ключевые слова: эволюция семьи, супружество, партнерство, брак, сожительство, социально-демографические характеристики супругов/партнеров.

EGOROVA NADEZHDA YU.

FORMS OF MARRIAGE IN CONTEMPORARY RUSSIA: COMPARISON OF SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS

Within the framework of the evolutionary approach, changes in family relations, including in Russia, are being considered. The diversity of forms of marriage in this

context becomes an element of the modern family system and is the result of the transformational processes of the institutions of family and marriage.. Possible variants of marriage are described using the term “partnership”, differentiated by the criteria of availability of previous relationships, registration, localization of partners, their gender. Based on the data of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population of the Higher School of Economics (RLMS-HSE), the most common types of marriages are distinguished: cohabitation (first/repeated), marriage (first/remarriage), socio-demographic indicators of representatives of these family groups are compared. For comparison, besides the basic indicators (age, education level, income, employment, professional status), additional (number of children, duration of residence) are used. Discriminant analysis reveals the factors that determine the individual's belonging to a particular family group.

Keywords: family evolution, marriage, partnership, cohabitation, socio-demographic characteristics of spouses/partners.

Данные демографической статистики и результаты социологических исследований делают все более заметными изменения в сфере семьи и брака. Они фиксируют наличие серьезных трансформационных процессов, затрагивающих все семейные подсистемы (супружескую, родительско-детскую, родственную), о которых отечественные социологи и демографы начали говорить уже во второй половине прошлого столетия (Харчев 1979; Голофаст 2006; Голод 1995; Антонов 1999; Волков 1999; Гурко 1995). Несмотря на восприятие некоторыми исследователями (Антонов 2014) кризисных явлений в рамках институтов семьи и брака как временных, обусловленных в том числе недостаточным вниманием общества и государства к проблемам семьи, тенденции и сегодня остаются неизменными. Снижение на протяжении ряда десятилетий показателей рождаемости, брачности, рост разводимости (Егорова, Курамшев 2008) скорее говорят об устойчивости направлений изменений, обуславливая необходимость глубокого анализа траекторий разнообразных процессов, происходящих в субинститутах брака, родительства, родства.

Динамика демографических показателей, с точки зрения сторонников трансформации семьи, — следствие необратимых эволюционных сдвигов внутри самого института. Являясь показателем и результатом автономизации брачности, сексуальности, прокреации, проявляясь в многочисленных тенденциях: появление и распространение сознательной бездетности, сожительства, монородительских семей,

внебрачных рождений (Жизненные миры... 2015), — эти и другие изменения приводят к становлению нового постсовременного исторического типа моногамии (Голод 2003) — супружеского, сконцентрированного вокруг брачной пары, наименее унифицированного и, как следствие, вариативного. Похожие тенденции фиксируются исследователями во многих индустриально развитых странах (The value of children... 2005), формируя «семью-клуб», «семью добрых друзей» (Голод 2003) как модификации постсовременного этапа развития моногамной семьи, позволяющие выстраивать «чистые отношения» (Гидденс 2004: 80). Разделение брака и семьи, супружества и родительства (Гурко 1995) обосновывает значимость их отдельного описания. Множественные, постоянные изменения, связанные в том числе с организацией личности своего приватного пространства, заставляют выделять и анализировать суть, особенности, модели супружества в современном обществе.

Несмотря на общий тренд, главными чертами постсовременного общества и его институтов становятся плюральность, изменчивость, текучесть, отсутствие власти структур, четких «паттернов, кодексов и правил, которым можно подчиняться, которые можно выбрать в качестве устойчивых ориентиров и которыми впоследствии можно руководствоваться... В результате мы имеем индивидуализированную... версию современности...» (Бауман 2008: 13). В данном контексте многообразие, в том числе форм семьи и супружества, становится элементом современной семейной системы, являясь результатом трансформационных процессов институтов семьи и брака.

Сосуществование различных типов семьи, вариативность семейных структур и субинститутов, нелинейность развития становятся нормальной, естественной чертой современности. Т. А. Гурко, подчеркивая, что «сегодня... более уместно говорить не о “семье”, в определение которой уже трудно даже в рамках конкретной культуры вложить всевозможные вариации, а о семьях...» (Гурко 1995: 96), настаивает на необходимости учета различных ее вариантов и выработке единой и четкой терминологии (Гурко 2017). С. И. Голод, описывая суть и черты трансформации института российской семьи, обращает внимание именно на плюрализм семейных и брачных моделей как особенность ее современного состояния. «Многообразие организации семейной жизни современного человека — один из элементов сегодняшней семейной системы... 20-й век обнаружил уникальный ландшафт: зафиксированы “следы” патриархального типа... пик детоцентристского

(по крайней мере, в России) и становление супружеского... Вместе с тем вскрыто многообразие действующих моделей в границах того или иного типа семьи... Высветились основания для утверждения, что альтернативные модели... не случайны и, вероятно, еще не до конца себя раскрыли» (Голод 1998: 240–241).

Вариативность института супружества в современной России можно рассмотреть сквозь призму демографических показателей, анализ которых заставляет обратить внимание на ряд моментов:

- во-первых, снижение числа регистрируемых браков в течение второй половины XX столетия и стабилизация показателя в начале XXI века на относительно низком уровне (количество ежегодно заключаемых браков колеблется вокруг 1 млн, не достигая уровня 80-х гг., когда число вступающих в брак составляло 1,4–1,5 млн);

- во-вторых, увеличение возраста вступления в брак, «старение» брачности (во второй половине XX столетия модальной была возрастная группа 18–24 года, в XXI — 25 лет и старше);

- в-третьих, большое число разводов, которое увеличивает на брачном рынке количество разведенных, способствуя распространению повторных отношений;

- в-четвертых, рост числа незарегистрированных союзов (Жизненные миры... 2015: 56–57).

Эти изменения дают возможность выделить, в первую очередь на уровне внешних структур, возможные границы разнообразия современного супружества. Откладывание создания семьи/ранние браки, официальное признание/неинституциональность семьи и супружества, наличие/отсутствие сожительства до регистрации, длительность/неустойчивость, нестабильность брака и, как следствие, «осколочная» семья/возможность повторных отношений — характеристики, которые не всегда возможно описать привычными терминами «брак», «семья». Они затрудняют определение временного «начала»/«конца» отношений/семьи, создают методологические и методические трудности определения/идентификации «семейности».

В этом контексте понятие супружества расширяется, от категории «зарегистрированного брака» до значимых устойчивых отношений. Последние все чаще определяются как «партнерства» (Захаров 2006; Саралиева, Балабанов 2012), которые могут быть дифференцированы с использованием различных критериев: очередности отношений, наличия регистрации, локализации партнеров, их пола.

Партнерства, соответственно, могут существовать в нескольких формах: неформальное партнерство без совместного проживания (основной критерий здесь — самоопределение отношений как значимых); сожительство (совместное проживание партнеров без регистрации отношений); брак (первый или повторный) с совместным проживанием; брак при раздельном проживании (Годвин-брак, гостевой брак, регулярно-раздельный брак) (Егорова 2013: 21).

Данные переписей населения и мониторинговые исследования дают сегодня возможность выделить и статистически описать различные типы партнерств, в первую очередь, гетеросексуальные. Включение в опросные листы вопросов о регистрации брака/отношений, их очередности, времени начала совместного проживания позволили увидеть мозаичную картину современного супружества в России, вариативность его форм. Так, согласно результатам последней микропереписи населения 2015 г., доля проживающих совместно без регистрации составила 12,5% (Федеральная служба государственной статистики). Анализ данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (Российский мониторинг...) говорит о наличии как минимум первых/повторных браков, добрачных/постбрачных сожительств, раздельных браков (Годвин-браков, гостевых браков) в семейных практиках россиян. Сравнение представленности выделенных типов супружеств на протяжении наблюдаемого периода (1998–2017 гг.), свидетельствует о нарастающей вариативности, увеличении числа альтернативных форм (см. табл. 1). Брак как в 1998 году, так и спустя почти 20 лет сохраняет лидирующие позиции. Тем не менее доля зарегистрированных союзов уменьшилась в среднем на 7%, а живущих без регистрации возросла более чем в 1,5 раза (с 10% до 16%), причем как браки, так и сожительства могут быть первыми и повторными. Также очевидно, что есть пары, которые живут раздельно даже при наличии официального оформления отношений, хотя их число статистически не значимо. Стоит отметить, что первый брак остается наиболее распространенной формой супружества, но, судя по данным, почти треть россиян состоят в других типах партнерств. На протяжении последних лет доля последних относительно постоянна, что подчеркивает устойчивость указанной тенденции и требует более подробного описания различных вариантов партнерств, их оценки.

Таблица 1

Формы супружеских союзов, %

Год опроса	Брак		Сожительство		Раздельный брак
	первый	повторный	добрачное	постбрачное	
1998 (<i>n</i> = 4867)	90		10		0
2002 (<i>n</i> = 4532)	85,5		14		0,5
2005 (<i>n</i> = 4063)	86		14		0
2009 (<i>n</i> = 4739)	73	10,5	7	9	0,5
2010 (<i>n</i> = 8487)	72,5	10,5	7	9	1
2015 (<i>n</i> = 6263)	71	12	8	8	1
2017 (<i>n</i> = 6138)	71,5	12	7	9	0,5

Новые формы супружества все чаще становятся объектом отечественных исследований, хотя пока они немногочисленны. Анализ ситуаций сожительствующих подчеркивает неоднородность феномена («сожители поневоле», «пробное супружество», альтернатива семье, сожительство на последнем этапе) и, как следствие, разнообразие причин, ведущих к сожительству (Михеева 2001; 2012). Авторами ставится задача понять, как консенсуальные союзы воспринимаются населением (Вовк 2005; Богданова, Щукина 2003), в том числе представителями различных социальных групп (Исупова 2015), делается попытка оценить место таких союзов в семейной системе, их функциональность в сравнении с браком (Синельников 2018), рассматривается значение сожительства в семейных стратегиях и практиках молодых (Шпаковская 2012; Егорова 2016). Повторные союзы исследуются реже и, скорее, в контексте вариативности родительства, чем супружества (Гурко, Орлова 2011). Социально-демографические и другие характеристики представителей различных семейных групп, их сравнение пока, в основном, — предмет зарубежных исследований, которыми фиксируется разница в социальных статусах имеющих детей сожителей и состоящих в браке, в распределении семейных функций бездетных представителей указанных групп (Kiernan, E Staugh 1993), выявляется также влияние типа семьи на благополучие ребенка (Manning 2015).

В рамках данной статьи попытаемся частично заполнить существующий пробел и сравнить демографические и социальные характеристики представителей двух основных семейных групп: состоящих в браке и живущих без регистрации семейных отношений.

Эмпирическая база исследования и методика анализа

В качестве эмпирической основы исследования используются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимого с 1994 г. по настоящее время. В рамках данной статьи анализировались, во-первых, репрезентативные базы (индивидуальные опросы) для описания основных характеристик сожительства и брака как форм семьи и супружества (распространенности, количества детей, продолжительности отношений), начиная с 1998 г., когда в вопрос о семейном положении был включен вариант ответа о регистрации брака. Во-вторых, нерепрезентативные базы (индивидуальные опросы) для целевого сравнения социально-демографических характеристик представителей указанных семейных групп и проведения дискриминантного анализа. Последние используемые данные собраны в 2017 г. В ряде случаев учитывались только данные более поздних опросов, что связано с отсутствием интересующих нас вопросов в ранних версиях индивидуальных опросников. Вопросы о наличии детей, их количестве были включены в опросные листы с 2004 г., об очередности союза и времени начала совместного проживания пары — с 2009 г. Данные обработаны с помощью пакета IBM SPSS Statistics (V21). Для возможности анализа и описания объекта исследования по интересующим нас параметрам были созданы новые переменные: наличие регистрации супружества (сожительство/брак), тип супружества (первый брак/повторный брак/добрачное сожительство/постбрачное сожительство), наличие сожительства до брака, продолжительность совместного проживания в сожительстве/до брака/ в браке, количество лет, потраченных на образование, наличие работы, количество рабочих часов в неделю) и др.

Результаты исследования: описание основных типов супружеств

Как уже отмечалось, сожительство становится сегодня достаточно распространенным явлением, а зарегистрированное и незарегистрированное партнерства (гетеросексуальные) — базовыми типами супружества.

Официальной регистрации все чаще предшествует период совместного проживания пары без оформления отношений, фактически сожительство становится для большинства россиян необходимым этапом формирования семьи, так называемым пробным браком (см. табл. 2). Так, по данным 26-й волны (2017 г.), доля сожительствовавших до

регистрации брака в 70–80-х гг. прошлого века была минимальна и в среднем составляла около 15%, во втором десятилетии XXI столетия ситуация сменилась на диаметрально противоположную: только 28% респондентов вступили в брак сразу, не проверяя отношения на прочность в рамках сожительства. Расчеты в рамках других волн опросов (Егорова, Воронин 2017) подтверждают наличие и укоренение указанной добрачной практики: сожительство встраивается в процесс ухаживания/выбора партнера, становясь этапом семейного жизненного цикла.

Таблица 2

**Наличие/отсутствие сожительства до брака
(с учетом года вступления в брак), %**

Год заключения брака	Не жили вместе до брака	Продолжительность сожительства, лет				
		меньше года	от 1 до 3 лет	от 3 до 5 лет	от 5 до 10 лет	от 10 лет и больше
1969 и ранее	86	9	4	1	—	—
1970–1979	84	12	4	—	—	—
1980–1989	77	14	5	2	1	1
1990–1999	62	18	14	4	1	1
2000–2009	38	24	22	7	4	5
2010–2017	28	27	23	10	5	7
Всего	59	18	13	5	2	3

Разница статистически значима с использованием критерия χ^2 -квадрат при $p < 0,001$.

О том, что сожительство в России, видимо, чаще пробный вариант, предшествующий как первому, так и повторному бракам, подтверждает сравнение базовых характеристик основных типов супружеств: возраста, продолжительности отношений, числа детей (см. табл. 3). Сожители моложе состоящих в браке в среднем на 7 лет, средний возраст состоящих в браке колеблется в пределах 46–49 лет, тогда как сожителей — находится в интервале 39–42 года. Разница в возрасте между представителями этих семейных групп остается значимой также с учетом пола респондентов, при этом мужчины, состоящие в отношениях, в среднем на 2–3 года старше женщин. С точки зрения количества детей, брак — более перспективный вариант супружества: средний показатель представителей этой группы 1,7 детей, тогда как сожителей — только 1,2 ребенка. Сравнение продолжительности, а значит, устойчивости отношений также не в пользу незарегистрированных союзов: браки всегда старше сожеств, в среднем, на 14 лет.

Таблица 3

Основные характеристики состоящих в браке и сожителей

	1998	2002	2006	2010	2014	2017
Средний возраст сожителей и состоящих в браке, лет						
Брак	46	47	48	47	49	50
Сожительство	40	41	41	40	42	44
Среднее количество детей						
Брак	–	–	1,7	1,7	1,7	1,7
Сожительство	–	–	1,2	1,1	1,2	1,2
Продолжительность отношений, лет						
Брак	–	–	–	22	24	24,5
Сожительство	–	–	–	8,5	9	10,5

Ситуация не меняется и при сопоставлении союзов различной очередности. Состоящие в первом/повторном браках старше своих коллег по очередности отношений в сожительствах, их союзы более продолжительны, они имеют большее количество детей (табл. 4).

Таблица 4

Общие характеристики состоящих в супружествах различных типов (RLMS, 2017)

Форма супружества		Средний возраст, лет	Количество детей, среднее	Продолжительность отношений, лет
Брак	первый	49	1,7	25
	повторный	52	1,85	16,5
Сожительство	добрачное	33	0,6	7
	постбрачное	51	1,65	13

Тем не менее относительно высокая средняя продолжительность совместного проживания в сожительствах, 9 лет с учетом опросов разных лет (2009–2017 гг.), а также наличие у сожителей (в том числе никогда не состоящих в браке) детей, говорит о том, что данный тип супружества стоит рассматривать не только как пробный вариант отношений, но и как альтернативу семье, в рамках которой возможно выполнение основных семейных функций — рождения и социализации детей.

Правда, здесь необходимо еще раз отметить, что детей в сожительствах меньше, чем в браках, а значит, последние — более удобны и приемлемы для реализации репродуктивных установок и потребностей.

Брак и сожительство: сравнение социальных характеристик

Разница между сожителями и состоящими в браке фиксируется и при сравнении других, социальных характеристик. Для сравнения основных парламентов, связанных с социальным статусом респондентов, использовались нерепрезентативные базы данных, из которых целенаправленно были отобраны мужчины/женщины, состоящие в браке или живущие вместе без регистрации, это значительно увеличило число наблюдений и позволило сравнивать различные семейные группы с учетом брачного статуса респондентов (никогда не состоящие в браке/разведенные, вдовы), наличия детей. В качестве показателей, определяющих социальное положение представителей семейных групп, учитывались доход, уровень образования, принадлежность к тем или иным профессиональным группам, место проживания, наличие работы за весь период наблюдений (1998–2017 гг.), при наличии возможности (наличии соответствующих переменных) сравнивались различные группы сожителей и состоящих в браке (добрачные/постбрачные, с детьми/без детей).

Сравнение основных показателей на протяжении всех лет мониторинга дает схожие результаты: сожители чаще, чем состоящие в браке принадлежат к низкостатусным социальным группам. Однако это не означает, что сожители не могут иметь высокого дохода, образования, профессионального статуса, а некоторые семейные группы, например бездетные, вполне сопоставимы по социальным характеристикам.

Средний доход сожителей в целом ниже, чем состоящих в браке, хотя не всегда эта разница предполагает большие разрывы. Так, согласно данным 2017 г., сравнение доходов в целом состоящих в браке и сожителей не фиксирует большой разницы, средний доход составляет 23 тыс. и 22 тыс. руб. соответственно, хотя она определяется как статистически значимая, в 95% случаев разница находится в пределах положительных значений, следовательно, доход состоящих в браке выше (см. табл. 5). За два десятилетия ситуация существенно не изменилась, состоящие в браке были и остаются чуть благополучнее/богаче

сожителей. Последние волны мониторинга позволяют проводить более детальные сравнения, и в отдельных случаях разница в доходах становится существенной. Так, например, согласно данным 2017 г., средние доходы бездетных групп статистически значимо не отличаются, тогда как разница в доходах воспитывающих детей сожителей и состоящих в браке заметна и значима. В 95% случаях расхождения в средних находятся в пределах от 700 руб. до 2,7 тыс. руб. при средних доходах 21 и 23 тыс. руб. соответственно.

Оценка уровня образования дает похожую картину. Сожители, как правило, — представители групп с невысоким уровнем образования, это касается всех сравниваемых подгрупп за весь период наблюдений. Так, анализ данных 2017 г. показывает, что большинство респондентов, состоящих в браке (58%), имеют профессиональное образование (среднее специальное или высшее), среди сожителей таких 47%, а каждый 3-й группы «в браке» против каждого 5-го «в сожительстве» имеют законченное высшее образование. Образование бездетных групп выше, чем всех остальных, но разница между состоящими в браке и сожителями сохраняется не в пользу последних. Группой с самым низким уровнем образования оказываются сожители, воспитывающие детей. Более чем у половины из них (57%) нет профессионального образования, а значит, меньше возможностей для получения более высокого дохода, значительно меньшее число респондентов (42%) в группе состоящих в браке находятся в таком же положении. Каждый 6-й, состоящий в сожительстве и имеющий детей, против каждого 9-го в браке имеет незаконченное среднее образование, а 40% против 32% имеют только школьное образование.

Вместе с более низким уровнем образованием сожители, воспитывающие детей, обладают и более низким профессиональным статусом. Разница остается статистически значимой для указанных групп за весь период наблюдений, где возможно сопоставление (2006–2017 гг.). Среди них почти на треть меньше (38% против 27%) специалистов высшего и среднего уровней и почти в два раза больше (5% против 9%) неквалифицированных рабочих. Если среди родителей, состоящих в браке, — в группе последних почти каждый 20-й (5%), то среди родителей без регистрации супружества — почти каждый 11-й (9%). В то же время почти половина (45%) родителей, состоящих в браке, относятся к статусным группам (крупные чиновники, руководители/специалисты высшего и среднего звена) и только треть (33%) сожителей. В бездетных группах статистически значимой разницы не фиксируется (см. табл. 5).

Таблица 5

**Социальные характеристики состоящих в браке и сожителей
(с учетом наличия детей), 2017 г.**

	Всего		Есть дети		Нет детей	
	брак	сожит-во	брак	сожит-во	брак	сожит-во
Доход, средний, тыс.	23*	22*	23*	21*	25	24
Уровень образования**						
Незаконченное среднее	10	17	11	17	10	18
Среднее общее	31	36	31	40	24	27
Среднее специальное	26	25	25	24	26	29
Высшее	33	22	33	19	40	26
Профессиональные статусы (группы,%)***						
Крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена	7	6	7	6	5	4
Специалисты высшего и среднего уровня	39	30	38	27	43	35
Служащие и работники торговли и услуг	20	27	21	27	20	26
Квалифицированные работники различных отраслей	28	29	28	31	25	27
Неквалифицированные работники различных отраслей	5	8	5	9	6	8

* разница статистически значима с использованием *t*-критерия для независимых выборок при $p < 0,001$;

** разница статистически значима с использованием критерия χ^2 -квадрат при $p < 0,000$;

*** разница статистически значима для групп «сожительство»/«брак», «сожительство»/«брак» с детьми с использованием критерия χ^2 -квадрат при $p < 0,000$.

Сожители логично чаще оказываются среди тех, кто остался без работы. Но статистически значимая разница фиксируется не всеми годами опросов. Так, в 2017 г. безработных оказывается больше уже среди состоящих в браке (35% в браке против 30% в сожительстве), в первую очередь, за счет бездетных групп, показатели работающих у сожителей там самые высокие (77%).

И сожительства, и браки пропорционально распределены по областным центрам, городам, пгт, селам. Статистически значимой разницы по этому показателю чаще всего нет. Стоит, правда, заметить,

что, согласно последним данным (2017 г.), в подгруппе бездетных в областных центрах сожителей несколько больше, чем состоящих в браке (59% против 50%).

Значимость социально-демографических характеристик при определении типа супружества подтвердилась и результатами дискриминантного анализа, проведенного на данных RLMS 2015 г. В число независимых переменных были включены: возраст респондента (*a*), наличие работы (*b*), место проживания (*c*), законченное образования (*d*), доход (*e*), количество детей (*f*), количество лет, потраченных на образование (*g*), продолжительность отношений (*h*). Все заявленные переменные вошли в итоговое уравнение:

$$F = -0,078a + 0,208b + 0,104c + 0,208d + 0,0000043199e + \\ + 0,408f + 0,039g + 0,010h - 1,411,$$

полученная функция объяснила классификацию 77% наблюдений (в анализ были включены 7976 наблюдений: из них 6488 относится к состоящим в браке, 1488 — к сожителям). С учетом показателя функции в центроидах групп, сожителями скорее окажутся те, у кого значение после подсчетов согласно уравнению будет меньше $-0,45402$, состоящими в браке — наоборот. Положительные коэффициенты, связанные с большинством параметров, означают, что наличие работы, более высокий уровень образования, большее количество детей, высокий уровень дохода, большая продолжительность отношений и т. д. являются показателями человека, состоящего в браке. Низкие же показатели, в том числе социального статуса, будут связаны с сожительством.

Выводы

Статистические данные и результаты выборочных исследований убедительно показывают, что супружество в современной России вариативно, а стремление к разнообразию — устойчивая тенденция последних десятилетий. Уже сегодня его формы возможно дифференцировать как минимум по критериям регистрации отношений, их очередности, предшествующего брачного статуса, рассматривая в качестве полноценных типы браки (первые и повторные) и сожительства (добрачные и постбрачные). Каждый из указанных вариантов может быть ориентирован на выполнение базовых семейных функций — рождение и воспитание детей.

Тем не менее вариативность супружества проявляется не только в выделении указанных типов, новые формы также весьма

неоднородны, и сожительства, например, могут отличаться друг от друга гораздо сильнее, чем от брака. Так, при сопоставлении социально-демографических характеристик, разница между браками и сожительствами гораздо ярче проявляется в семейных группах, где есть дети, и мало заметна в бездетных подгруппах. Это может означать, что помимо селективной функции, с выполнением которой, как правило, связывают пробный брак, для определенных социальных групп (низкостатусных) сожительство может выполнять функцию адаптации к сложным социально-экономическим условиям.

Источники

Антонов А. И. Семья — какая она и куда движется? // Семья в России. 1999. № 1–2. С. 31–40.

Антонов А. И. Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства // Семья и социально-демографические исследования [Электронный журнал]. 2014. Апрель. URL <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/> 5273 (дата обращения: 05.05.2019).

Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Богданова Л. П., Шукина А. С. Гражданский брак в современной демографической ситуации // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 100–104.

Вовк Е. Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? [Электронный ресурс] // Социальная реальность. 2005. № 1. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number_1_05/gur050103 (дата обращения: 05.05.2019).

Волков А. Г. Почему изменилась российская семья // Семья в России. 1999. № 1–2. С. 40–53.

Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004. 208 с.

Голод, С. И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 9. С. 74–87.

Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 272 с.

Голод С. И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журн. социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 2. С. 106–119.

Голофаст В. Б. Социология семьи: статьи разных лет / под ред. О. Б. Божкова. СПб.: «Алетейя», 2006. 432 с.

Гурко Т. А. Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 95–99.

Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110.

Гурко Т. А., Орлова Н. А. Развитие личности подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 99–108.

Егорова Н. Ю. Современная российская семья: основные тенденции / Н. Ю. Егорова, А. В. Курамшев // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4. С. 106–118.

Егорова Н. Ю. Современное супружество: модели отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2013. Вып. № 4(32). С. 20–26.

Егорова Н. Ю. Сожительство в брачных стратегиях молодых: восприятие и практики // Женщина в российском обществе. 2016. № 2(79). С. 12–21.

Егорова Н. Ю., Воронин Г. Л. Модель определения формы супружества: социально-демографические факторы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2017. Вып. 3 (47). С. 71–78.

Елисеева И. И., Клецин А. А. Городская семья в России: современные тенденции // Петербургская социология сегодня. 2010. С. 127–146.

Жизненные миры современной российской семьи: Монография / З. Х. Саралиева, В. А. Блонин, Н. Ю. Егорова [и др.]. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.

Захаров С. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Расширяющиеся границы брака [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2006. № 237–238, март. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php> (дата обращения: 05.05.2019).

Исупова О. Российские консенсуальные союзы XXI века // Мониторинг общественного мнения. 2015. 2(126), март-апрель. С. 153–164.

Михеева А. Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты: Учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. 74 с.

Михеева А. Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. 156 с.

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом — Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>; <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 05.05.2019).

Саралиева З. Х., Балабанов С. С. Партнерские отношения в большом городе // Вестник ННГУ. 2012. № 1. С. 84–89.

Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 1. С. 95–113.

Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 05.05.2019).

Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. 367 с.

Шпаковская Л. Л. Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 3–16.

Kiernan K. E., Estaugh V. Cohabitation: Extra-marital Childbearing and Social Policy. London: Family Policy Studies Centre, Occasional Paper 17, 1993. 72 p.

Manning W. D. Cohabitation and Child Wellbeing // Marriage and Child Wellbeing Revisited. 2015. Vol. 25, No. 2. P. 51–88.

The value of children in cross-cultural perspective. Case studies in eight societies / Ed. by G. Trommsdorf, B. Nauck. Konstanz; Chemnitz, 2005. 288 p.

References

Antonov A. I. Institutsional'nyy krizis sem'i i semeyno-demograficheskikh struktur v kontekste sotsial'nykh izmeneniy i sotsial'nogo neravenstva [The institutional crisis of the family and family and demographic structures in the context of social change and social inequality]. *Sem'ya i sotsial'no-demograficheskie issledovaniya* [Family and Social Demographic Studies], 2014, April, URL <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/5273> (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Antonov A. I. Sem'ya — kakaya ona i kuda dvizhetsya? [Family — what is it and where is it going?] *Sem'ya v Rossii* [Family in Russia], 1999, no. 1–2, pp. 31–40. (In Russian)

Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Flowing Modernity]. Transl. by ed. Yu. V. Asochakov. Saint Petersburg, Piter, 2008, 240 p. (In Russian)

Bogdanova L. P., Shchukina A. S. Grazhdanskiy brak v sovremennoy demograficheskoy situatsii [Civil marriage in the modern demographic situation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2003, no. 7, pp. 100–104. (In Russian)

Egorova N. Yu., Kuramshev A. V. Sovremennaya rossiyskaya sem'ya: osnovnye tendentsii [Modern Russian family: main trends]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Sociological Studies], 2008, no. 4, pp. 106–118. (In Russian)

Egorova N. Yu. Sovremennoe supruzhestvo: modeli otnosheniy [Modern marriage: models of relations]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nye nauki* [Bulletin of Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Series Social Sciences], 2013, iss. 4(32), pp. 20–26. (In Russian)

Egorova N. Yu. Sozhitel'stvo v brachnykh strategiyyah molodykh: vospriyatie i praktiki [Cohabitation in the marital strategies of the young: perception and practices]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society], 2016, no. 2(79), pp. 12–21. (In Russian)

Egorova N. Yu., Voronin G. L. Model' opredeleniya formy supruzhestva: sotsial'no-demograficheskie faktory [Model of marriage form selection: socio-demographic factors]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya Sotsial'nye nauki*, 2017 [Bulletin of Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Series Social Sciences], Iss. 3 (47), pp. 71–78. (In Russian)

Eliseeva I. I., Kleotsyn A. A. Gorodskaya sem'ya v Rossii: sovremennyye tendencii [Urban Family in Russia: Current Trends]. *Peterburgskaya sociologiya segodnya* [Petersburg Sociology Today], 2010, pp. 127–146. (In Russian)

Federal State Statistics Service. Official web site. URL: <http://www.gks.ru> (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Giddens E. *Transformatsiya intimnosti. Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* [The transformation of intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies]. Saint Petersburg, Piter, 2004, 208 p. (In Russian)

Golod S. I. Monogamnaya sem'ya: krizis ili evolyutsiya? [The monogamous family: crisis or evolution?] *Sotsial'no-politicheskiy zhurnal* [Social political journal], 1995, no. 9, pp. 74–87. (In Russian)

Golod S. I. Perspektivy monogamnoy sem'i: sravnitel'nyy mezhekul'turnyy analiz [Prospects for a monogamous family: a comparative intercultural analysis]. *Zhurn. sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2003, vol. VI, no. 2, pp. 106–119. (In Russian)

Golod S. I. *Sem'ya i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz* [Sociological and demographic analysis of the state and evolution of the family]. Saint Petersburg, Petropolis, 1998, 272 p. (In Russian)

Golofast V. B. *Sotsiologiya sem'i: stat'i raznykh let* [Sociology of the family: articles of different years]. Ed. by O. B. Bozhkov. Saint Petersburg, Aletyya, 2006, 432 p. (In Russian)

Gurko T. A. Novyye semeynyye formy: tendentsii rasprostraneniya i ponyatiya [New family forms: distribution trends and concepts]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2017, no. 11, p. 99–110. (In Russian)

Gurko T. A. Transformatsiya instituta sovremennoy sem'i [Transformation of the Institute of the Modern Family]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1995, no. 10, pp. 95–99. (In Russian)

Gurko T. A., Orlova N. A. Razvitiye lichnosti podrostkov v razlichnykh tipakh semey [The development of the personality of adolescents in various types of families]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2011, no. 10, pp. 99–108. (In Russian)

Harchev A. G. *Brak i sem'ya v SSSR* [Marriage and family in the USSR]. Moscow, Mysl, 1979, 367 p. (In Russian)

Isupova O. Rossiyskie konsensual'nye soyuzy XXI veka [Russian consensual unions of the XXI century]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Public opinion monitoring], 2015, 2(126), March–April, p. 153–164. (In Russian)

Kiernan K. E., Estaugh V. *Cohabitation: Extra-marital Childbearing and Social Policy*. London, Family Policy Studies Centre, Occasional Paper 17, 1993. 72 p.

Manning W. D. Cohabitation and Child Wellbeing. *Marriage and Child Wellbeing Revisited*, 2015, vol. 25, no. 2, pp. 51–88.

Miheeva A. R. *Brak, sem'ya, roditel'stvo: sotsiologicheskie i demograficheskie aspekty. Ucheb. posobie* [Marriage, family, parenthood: sociological and demographic aspects. A textbook]. Novosibirsk State University, 2001, 74 p. (In Russian)

Miheeva A. R. *Chelovek v sfere chastnoy zhizni: vektory transformatsii semeynykh otnosheniy* [Man in the private sphere: vectors of family relations transformation]. Novosibirsk, IEIE of RAS, Siberian Branch, 2012, 156 p. (In Russian)

Rossiyskiy monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU-VSHE (RLMS-HSE), provodimyy Natsional'nyim issledovatel'skim universitetom — Vysshey shkoly ekonomiki i ZAO «Demoskop» pri uchastii TSentra narodonaseleniya Universiteta Severnoy Karoliny v Chapel Hille i Instituta sotsiologii RAN [Russian monitoring of the economic situation and public health HSE (RLMS-HSE), conducted by the National Research University — Higher School of Economics and ZAO Demoscope with the participation of University of North Carolina Population Center at Chapel Hill and Institute of Sociology RAS]. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rllms> i <http://www.hse.ru/rllms> (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Saraliev Z. H., Balabanov S. S. Partnerskie otnosheniya v bol'nom gorode [Partnerships in a big city]. *Vestnik NNGU*, 2012, no. 1, pp. 84–89. (In Russian)

Shpakovskaya L. L. Nezaregistrovannye soyuzy: brachnye strategii molodykh predstaviteley gorodskogo srednego klassa [Unregistered unions: marital strategies of young of the urban middle class]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2012, no. 1, pp. 3–16. (In Russian)

Sinel'nikov A. B. Sem'ya i brak: krizis ili modernizatsiya? [Family and marriage: crisis or modernization?] *Sotsiologicheskyy zhurnal [Sociological Journal]*, 2018, vol. 24, no. 1, pp. 95–113. (In Russian)

The value of children in cross-cultural perspective. Case studies in eight societies. Ed. by G. Trommsdorf, B. Nauck. Konstanz, Chemnitz, 2005, 288 p.

Volkov A. G. Pochemu izmenilas' rossiyskaya sem'ya [Why has the Russian family changed]. *Sem'ya v Rossii [Family in Russia]*, 1999, no. 1–2, pp. 40–53. (In Russian)

Vovk E. Nezaregistrovannye intimnye soyuzy: “raznovidnosti” braka ili “al'ternativy” emu? [Unregistered intimate unions: “varieties” of marriage or “alternatives” to it?] *Sotsial'naya real'nost' [Social Real]*, 2005, no. 1, URL: http://bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number_1_05/gur050103 (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Zaharov S. Noveyshie tendentsii formirovaniya sem'i v Rossii. Rasshiryayushchiesya granitsy braka [The newest trends in the formation of family in Russia. Expanding boundaries of marriage]. *Demoscope Weekly*, 2006, no. 237–238, March, URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php> (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Zhiznennyye miry sovremennoy rossiyskoy sem'i: Monografiya [The life worlds of modern family]. Z. H. Saraliev, V. A. Blonin, N. Yu. Egorova et al. Nizhniy Novgorod, NNGU Publ. house, 2015, 264 p. (In Russian)

Егорова Надежда Юрьевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

Egorova Nadezhda Yu., Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Department of General sociology and social work, Faculty of social sciences, Nizhny Novgorod State University Named after N. I. Lobachevsky (National Research University). nadegorova@yandex.ru

Я. Д. ШИРЯЕВА, А. П. ЗАОСТРОВЦЕВ

«ЧАЙЛДФРИ»: РАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР ИЛИ ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ МИОПИЯ?

В статье рассматриваются экономические основы сознательного отказа от рождения и воспитания детей. Анализируются как классические, так и более современные воззрения. Авторы показывают, что мотивы к снижению рождаемости имеют тенденцию к усилению. Дети в большей степени начинают рассматриваться как своеобразный налог ради общественного блага, от которого стоит уклониться. Об этом свидетельствуют щедрое субсидирование детей в государствах благосостояния. В то же время самоудовлетворение от детей продолжает оставаться достаточно сильным мотивом, который парадоксальным образом тормозит рост числа чайлдфри. В России движение чайлдфри получило определенное развитие. Однако убежденных приверженцев этой модели поведения немного: у мужчин оно несколько превышает 2%, у женщин превосходит 4%. Маргинальность явления не означает его всеобщего общественного неодобрения: довольно большой процент относится к нему с пониманием. Чайлдфри преобладают в мегаполисах, что подтверждает вывод экономистов об отрицательной зависимости рождаемости от величины упущенных доходов и карьерных возможностей. Склонность к чайлдфри определяется также пропорционально количеству лет проживания в мегаполисе. Жители крупных городов чаще, чем в поселениях других типов полагают, что человек может быть счастлив и без детей.

Ключевые слова: чайлдфри, экономический подход к рождаемости, поведенческая экономика, рациональный выбор, дети как общественное благо, дети как налог, чайлдфри в России, чайлдфри и мегаполисы, отношение к чайлдфри.

SHIRIAEVA YAROSLAVA D., ZAOSTROVTSEV ANDREY P.

“CHILDFREE”: RATIONAL CHOICE OR BEHAVIORAL MYOPIA?

The article discusses the economic basis of the conscious refusal of the birth and upbringing of children. Both classical and more modern views are analyzed. The authors show that motives to reduce fertility tend to increase. Children are more likely to be considered as a kind of tax for the public good, which is worth avoiding. This is evidenced by a very generous subsidization of children in the welfare states. At the same time, self-satisfaction from children continues to be a sufficiently strong motive that inhibits the growth in the number of childfree.

In Russia, the childfree movement has received a certain development. However, there are few convinced adherents of this behavior: for men, it slightly exceeds 2%, for women it exceeds 4%. The marginality of the phenomenon does not mean its general public disapproval: a rather large percentage treat it with understanding. Childfree prevails in megacities, which confirms the economists' conclusion about the negative dependence of the birth rate on the amount of lost income and career opportunities. The propensity for childfree is also determined in proportion to the number of years of residence in the megacities. In them, the majority of the population believes that a person can be happy without children.

Keywords: childfree, economic approach to fertility, behavioral economics, rational choice, children as a public good, children as a tax, childfree in Russia, childfree and megacities, attitude towards childfree.

Обзаведение детьми: эволюция воззрений экономистов

Экономисты обратили пристальное внимание на такой объект исследования, как семья и деторождение, только во второй половине XX в. Что довольно странно, учитывая заложенную Т. Мальтусом (1776–1834) традицию. Однако в эпоху написания им знаменитой работы «Опыт закона о народонаселении» (1798) деторождение рассматривалось как функция лишь одной переменной — благосостояния. Воздержание от деторождения связывалось только с дефицитом средств на прокорм растущей семьи. В то же время предполагалось, что рост дохода неизбежно приведет к росту рождаемости. Говоря современным экономическим языком, потребность в детях рассматривалась как сама по себе не насыщаемая. И такое положение дел виделось как вечное. Последнее подтверждает полное название книги Мальтуса: к приведенному выше традиционно упоминаемому сокращенному заголовку на самом деле добавлены слова «в связи с будущим совершенствованием общества».

Современный экономический дискурс о деторождении начался с работ Т. Шульца (1902–1998) и Г. Беккера (1930–2014). Они ставили в центр своей аргументации экономические соображения. Ключевое для экономиста-неоклассика суждение, кратко формулирующее суть традиционного экономического взгляда на проблему, принадлежит первому из них: «Родители принимают во внимание экономические соображения, касающиеся воспитываемых ими детей, и, определяя ценность детей, сопоставляют уровень предельных жертв с тем уровнем удовлетворения и с теми производительными услугами, которые они желают получить от своих потомков» (Шульц 1994: 38). Здесь

видим столь типичный для экономистов подход, сравнивающий предельные издержки с предельными выгодами. И выгоды тут двоякого рода: с одной стороны, это удовлетворение от обладания детьми как от ценного для родителей предмета, а, с другой — ожидание отдачи от них.

Вторая сторона выгод невольно заставляет вспомнить знаменитый слоган автора: «Дети — капитал бедняков» (как видим, представлявший полную противоположность общепринятой точке зрения эпохи Мальтуса). По этому поводу он писал: «...В богатых странах родители приобретают взамен, главным образом, личное удовлетворение, в то время как в бедных странах дети вносят большой вклад в будущий доход своих родителей благодаря работе, которую они выполняют в домашнем хозяйстве и на ферме, а также благодаря тому, что они предоставляют своим родителям пропитание и кров, когда те уже не в состоянии обеспечивать себя сами» (Там же: 41). Таким образом, материальная выгода от детей в бедных странах также раздваивается: во-первых, они представляют собой потенциальный производительный ресурс, во-вторых, систему социального страхования.

Г. Беккер развивал эти идеи и использовал метафору, согласно которой дети есть аналог потребительских товаров длительного пользования. В развитых богатых странах дети обесценились как инвестиционные товары, и в то же время в качестве «потребительских товаров» они обходятся все дороже. «Экономическое развитие подняло относительную стоимость детей, поскольку повысилась ценность времени родителей <...> и труд ребенка стал менее полезным...» (Беккер 2004: 311). С ростом доходов родителей, с вовлеченностью женщин в общественный труд и карьерный рост увеличивается то, что экономисты называют альтернативной стоимостью детей: например, очевидно, что высококвалифицированная и хорошо зарабатывающая женщина теряет от отвлечения на занятость с детьми гораздо больше, чем полуграмотная крестьянка. Упущенные доходы и возможности продвижения у первой несравненно выше.

Однако, пожалуй, наибольшим вниманием экономистов пользовалась гипотеза Р. Истерлина (р. 1926), согласно которой циклы рождаемости объяснялись материальными притязаниями молодых пар. Они претендуют на уровень жизни как минимум не ниже того, что был у их родителей. И если молодежь сталкивается с тем, что их доходы заметно выше, чем доходы их родителей, то при наличии рабочих мест на рынке труда она вступает в брак раньше и заводит больше детей. Гипотеза Истерлина объясняла американский бейби-бум 1950-х гг.

На рынок труда выходила малочисленная когорта рожденных во времена Великой депрессии. Дефицит работников вел к росту оплаты труда. Когда же бейби-бумеры стали выходить на рынок труда, то образовался избыток рабочей силы, и, как результат, зарплаты и доходы стали снижаться. Предпочтения в отношении детей — тоже. Отсюда возникают циклы рождаемости. Впервые Истерлин высказал эту гипотезу в 1961 г. (Easterlin 1961). В ней дети фактически рассматривались как то, что экономисты обозначают как нормальные товары (товары с положительной эластичностью спроса по доходу).

Эта гипотеза впоследствии уточнялась и многократно тестировалась. В 1997 г. Д. Макунович проанализировала 76 посвященных ей исследований. Вывод был примерно таков: относительный доход действительно влияет на рождаемость, но что является источником материальных притязаний (доход ли родителей или что другое) пока не ясно (Macunovich 1997).

Такой нетривиальный экономист, как Х. Лейбенштайн (1922–1993), практиковал по сути социологический подход, подчеркивая особую значимость социальных образцов поведения. Он естественно признавал, что экономическая мотивация существует, но «она должна быть сильнее, чем противодействующие ей социальные образцы поведения, следовать которым психологически легче, поэтому индивиды предпочитают большую семью даже в условиях, когда экономически выгоднее иметь маленькую» (Leibenstein 1977: 47). В этом случае Лейбенштайн выступает как предшественник более современных подходов, распространяющихся среди экономистов и принимающих во внимание не только исключительно внутренние мотивы индивида, но и влияние на его поступки внешней социальной среды. Причем, как видим, допускается конфликт сугубо эгоистических интересов индивида и принятых в обществе ценностей, воплощающихся в социальных образцах поведения. Вслед за великим английским философом Ф. Бэконом (1561–1626) эти ценности можно назвать «призраками площади». Экономисты же называют следование общественным ценностям в индивидуальном поведении «эффектом присоединения к большинству» (bandwagon effect).

В 2011 г. была опубликована книга известного американского экономиста Б. Каплана «Эгоистические причины иметь больше детей» (Caplan 2011). Она имеет подзаголовок: «Почему быть великим родителем означает меньше заботы и больше удовольствия, чем вы думаете?». Со времен Беккера, Шульца и Истерлина прошло довольно много времени и за это время экономическая теория обогатилась

весьма модным на сегодняшний день направлением — поведенческой экономикой. Влияние ее постулатов на Каплана более чем очевидно. Автор задается вопросом: почему люди не хотят иметь детей? И дает четыре ответа на него. Переводя их на язык современной экономической теории, можно дать такую краткую формулировку причин отказа: ограниченность информации и поведенческая миопия.

Во-первых, Каплан пишет об иллюзии родителей о влиянии на детей пропорционально собственным усилиям или представлении о воспитании как некой производственной функции (больше вложил на входе ресурсов — больше получил продукции на выходе). Приводятся аргументы в пользу того, что это на самом деле не так. Родители могут значительно улучшить собственную жизнь без причинения вреда ребенку.

Во-вторых, в книге говорится и о другой родительской иллюзии — избыточном беспокойстве за безопасность собственных детей. По крайней мере, в развитых странах нет повода для такового.

В-третьих, имеет место недооценка будущих выгод по сравнению со стартовыми затратами (вариант так называемого гиперболического дисконтирования).

И, наконец, в-четвертых, непонимание того, что деторождение соединяет эгоизм с альтруизмом. Оно важно для прогресса: больше людей — больше идей (открытий, изобретений), а также для устойчивости социального обеспечения.

Первые три пункта аргументации насыщены характерным для поведенческой экономики самонимением: экономист знает «как на самом деле» и «как надо», а потому выполняет свое призвание — развеять своим просвещенным взглядом иллюзии обывателя. Это практика «подталкивания» (nudge) к верным решениям, получившая наименование «либертарианского патернализма» (Белянин 2018; Капелюшников 2013). Особо примечателен третий пункт. Концепция гиперболического дисконтирования исходит из того, что человек как бы раздваивается, у него два «Я». Причем они расходятся во времени. Первое «Я» (допустим, в молодости) будет сильно дисконтировать (обесценивать) будущее (накопленные денежные суммы или даже годы жизни), а потому будет вести себя безрассудно (не делать сбережений или, скажем, потреблять наркотики). Потом появляется второе «Я», с гораздо менее высокой нормой дисконтирования в отношении будущих благ, но уже поздно: достаточных сбережений не сделать и здоровья не вернуть. Отсюда «разумное» государство (все экономисты-бихевиористы — этакисты, хотя пытаются скрыть этот факт) должно позаботиться об

интересах второго «Я» и не дать первому «Я» сделать их реализацию невозможной. Все это очень напоминает пророчества Ф. М. Достоевского о «золотой клетке».

Обращение к нашему конкретному случаю гиперболического дисконтирования сразу порождает большие сомнения. Во-первых, автор судит о недооценке будущих выгод, опираясь на те самые разные «Я». В 30 лет четвертый ребенок кажется избыточным, зато в 60 выгоды от внуков превысят издержки. Такое «суперзнание» представляется очень неразумным допущением для экономиста: если бы человек обладал таковым, он бы был бездетным свехудачливым биржевым игроком. Ведь куда легче делать заранее известные выигрышные ставки в биржевой игре, чем тратить ресурсы на воспитание нового поколения. Во-вторых, выгод вообще может не быть, а потери могут быть и в настоящем, и в будущем периодах. Никто, например, не застрахован от рождения ребенка-инвалида. Или от того, что здоровый ребенок вырастет наркоманом и станет разорением для родителей. Почему-то Каплан видит только светлое будущее (будущие выгоды). Не замечает того очевидного обстоятельства, что ставка на детей — это ставка на неопределенность.

В этой связи мотивацию чайлдфри вполне можно понять. И она отнюдь не ошибочна, она просто отражает другое видение будущего и другие предпочтения.

Во-первых, для этого направления характерна несклонность к риску. Дети как инвестиционный товар — это почти заведомо убыточный и одновременно очень затратный проект. Выигрыши случаются (потомок становится богатым и щедрым по отношению к родителям человеком), но крайне редко. Возможно, вероятность выиграть крупный куш в казино выше.

Во-вторых, дети для чайлдфри являются антиблагам (отрицательной полезностью): моральный выигрыш отсутствует, зато появляется куча неудобств помимо прямых материальных затрат. Эти неудобства есть преимущественно не что иное как жертва свободного времени ради не приносящей дохода работы, не говоря уже о прочих неприятностях (от недосыпа до детского крика и шалостей).

В-третьих, в таком случае дети рассматриваются в виде налога (как денежного, так и натурального в форме повинностей). Оброк и барщина в одном лице. Для людей же характерно стремление уклоняться от налогов, несмотря на опасность наказания. Тут же это такой «налог», за уклонение от которого ничто не угрожает. И здесь к месту вспомнить о призыве Б. Каплана к альтруизму. Даже если чайлдфри полностью

разделяют его взгляды на общественную пользу детей, то они вполне могут оказаться теми, кого экономисты называют «безбилетниками» (free-riders). Так, многие люди считают общественные расходы на оборону бесполезными (в том числе и для себя лично), но в силу такого свойства общественного блага как неисключаемость из потребления могут всячески уходить от участия в его финансировании.

Рождение и воспитание детей — это то, что удивительным образом сближает современное общество с патриархальным, когда каждая семья была самообеспечивающейся единицей. Производство продовольствия, одежды, отопления, приготовление пищи (в значительной части) и строительство домов, как и многие другие функции семьи, превратились в отдельные звенья общественного разделения труда. А вот выделения воспроизводства населения в отдельную отрасль не произошло. Коммунистические проекты такого рода не были реализованы, хотя некоторым подобием их может быть суррогатное материнство, когда сам акт деторождения передается третьему лицу (его тело как бы на время арендуется).

Сохранение функции воспроизводства населения в домашнем хозяйстве стало возможным благодаря тому, что дети даже в обществе постмодерна рассматриваются как объект, приносящий пользу семье самим фактом своего существования независимо от их отдачи в будущем. С ссылкой на ряд зарубежных исследователей выделяются следующие мотивы (Данина и др. 2016):

- 1) *Счастье* (ожидаемое чувство привязанности и счастья в отношениях с детьми);
- 2) *Благополучие* (связывается с положительным влиянием детей на семейные отношения);
- 3) *Родительство* (означает, что быть матерью или отцом для человека является источником ощущения полноты жизни);
- 4) *Идентичность* (означает, что дети облегчают переход ко взрослой жизни и укрепляют аутентичность);
- 5) *Непрерывность* (включает желание продолжить жизнь после смерти посредством детей, а также иметь поддержку в старости);
- 6) *Социальный контроль* (относится к явному или неявному внешнему давлению на супругов/партнеров по поводу рождения ребенка, которое оказывают на пару).

Из этого перечня можно заключить, что у чайлдфри: а) отсутствуют мотивы 1–4 (это именно то, о чем было сказано выше, когда речь шла о том, что у них отсутствует моральный выигрыш или, точнее, морально-психологический выигрыш от детей); б) отсутствует иллюзия

собственной бессмертности через потомков; в) присутствует сильная устойчивость к внешнему давлению социальной среды.

Перечисленных мотивов в западном обществе оказывается явно недостаточно и оно платит за детей в различных формах (не обязательно в виде прямых выплат, но различных льгот). В исследовании М. Таннера и Ч. Хьюгса приводились следующие расчеты: социальный пакет (как различные выплаты, субсидии, так и налоговые льготы) в 9 странах Евросоюза превышал 15 тыс. евро в год, в 6 странах — 20 тыс. евро и был максимальным в Дании (более 31 тыс. евро). В 9 странах этот пакет превышал минимальную зарплату, а в Великобритании составлял 160% минимальной зарплаты. В 11 странах Евросоюза он составляет более половины чистого дохода одинокого человека, получающего среднюю зарплату; в 6 странах — более 60% и в Дании — более 70% (Tanner, Hughes 2015: 6–7). Из этих цифр вполне можно заключить, что воспроизводство населения фактически представляет в государствах благосостояния один из видов оплачиваемой работы. И нет никаких сомнений, что без таких социальных программ количество чайлдфри было бы там значительно больше.

Если попытаться дать ответ на поставленный в заголовке статьи вопрос, то придется обратиться к дискуссиям о рациональности. Недавно всесторонний обзор этой проблемы представлен Р. Капелюшниковым. Он отмечает 5 разных определений рациональности, выделенных немецким социологом К.-Д. Оппом (Капелюшников 2018: 4). Однако, если следовать пропагандируемому автором принципу экологической рациональности (рационально все то, что ведет к успеху в той или иной институциональной среде) (Там же: 24), то тут само понимание того, что есть успех, а что есть неудача зависит от окружающей социальной среды (отсюда и определение — экологическая). Бездетность реально правящего монарха — несчастье для нации, бездетность премьер-министра в парламентской республике — нет.

Если же воспользоваться критерием субъективной рациональности, то он оставляет все на определение самого индивида. Тут фактически отсутствует иррациональность. Устремленный к той или иной цели индивид всегда рационален по определению, каковой бы ни была это цель. Поэтому с точки зрения экономиста Б. Каплана (многодетного отца) чайлдфри — люди иррациональные, страдающие миопией; с точки зрения последних иррационален и близорук сам их оценщик.

Поэтому, рассматривая проблему чайлдфри, лучше держаться несколько в стороне от попыток интерпретировать поведение людей через

пресловутую рациональность. Как было отмечено выше, функция воспроизводства населения, с одной стороны, представляется индивидом как собственное удовольствие, с другой стороны, как общественное благо и, естественно, рождает эффект безбилетника. Последний точно отражает поговорка «дети — цветы жизни, но пусть они цветут на чужом окне». Все дело в том, какое восприятие будет преобладать. Чайлдфри видят только вторую сторону. Сдвигается ли массовое сознание в том же направлении? Судя по тому, что содержание детей, как было показано на примере стран Евросоюза, щедро оплачивается государством, то — да. Посмотрим, как обстоят дела в России.

Популярна ли бездетность в России?

Начнем с исторической справки. Впервые в мире организованное сообщество бездетных появилось в США в 1992 г., когда преподаватель одной из калифорнийских средних школ Л. Лафайет создала в интернете общественную сеть ChildFree Network, объединившую 5000 участников и имевшую 33 отделения по всей стране. Эти цифры свидетельствуют, что указанное движение наверняка уже имело свою предысторию. По данным Национального центра статистики здравоохранения США, в 1982 г. доля «добровольно бездетных» среди женщин составляла 2,4%, в 1990 г. — 4,3, в 1995 г. — 6,6% (Снегирева 2010: 100). Рост доли в 2,75 раза за 13 лет — довольно сильное свидетельство в пользу сдвига в общественном сознании.

В 2008 г. Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) провел опрос населения в 100 населенных пунктах 46 областей, краев и республик России (1600 респондентов). По его результатам был сделан следующий вывод: «В целом, судя по всему, сегодня в нашей стране на уровне ценностей бездетность признается легитимной репродуктивной стратегией. Впрочем, и на уровне индивидуальных установок эта стратегия по-прежнему маргинальна: доля тех, кто в принципе не хотел бы иметь детей, по результатам опросов составляет 3–4%» (Бездетность... 2008).

На рис. 1 приведено количество бездетных женщин на территории России в возрасте 40 лет и старше, 50 лет и старше, рассчитанное нами по данным Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. Кроме того, показано количество бездетных женщин в СССР и РСФСР по данным переписи 1989 г.

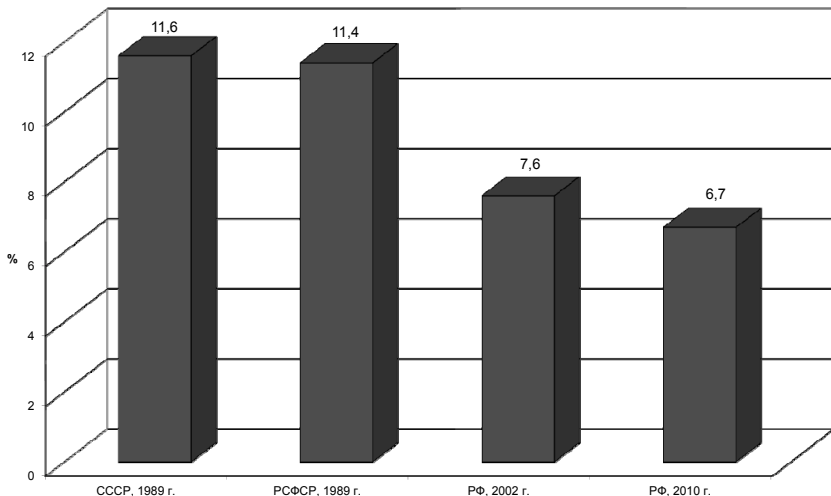

Рис. 1. Количество бездетных женщин в возрасте 50 лет и старше по данным переписей населения 1989, 2002, 2010 гг.

Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. 4. Число рожденных детей в СССР. М., 1989. С. 6–9; Всероссийская перепись населения-2002. <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=30>; Всероссийская перепись населения-2010. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.html

Фактическое положение дел в России представлено на рис. 2. Из него видно, что доля бездетных женщин к концу XX в. существенно выросла по сравнению с 1980-ми и немного понизилась в XXI в. В то же время это почти ничего не говорит о феномене чайлдфри (добровольной, сознательной бездетности). В англоязычных странах даже популярен такой лозунг: «I am childfree but not childless» (Я свободный от детей, но не бездетный). Этим чайлдфри хотят подчеркнуть тот факт, что они не выдают нужду за добродетель: в принципе, по состоянию здоровья они вполне могли бы иметь детей, но все дело в их свободном выборе.

Приведем данные выборочных наблюдений репродуктивных планов населения в 2012 и 2017 гг. (рис. 3). Опрашивался один из членов домохозяйства, женщина в возрасте 18–44 года или мужчина в возрасте 18–60 лет в 15 тыс. домохозяйствах.

Для выявления склонных к чайлдфри имел значение, пожалуй, единственный заданный респондентам вопрос: «Сколько всего детей

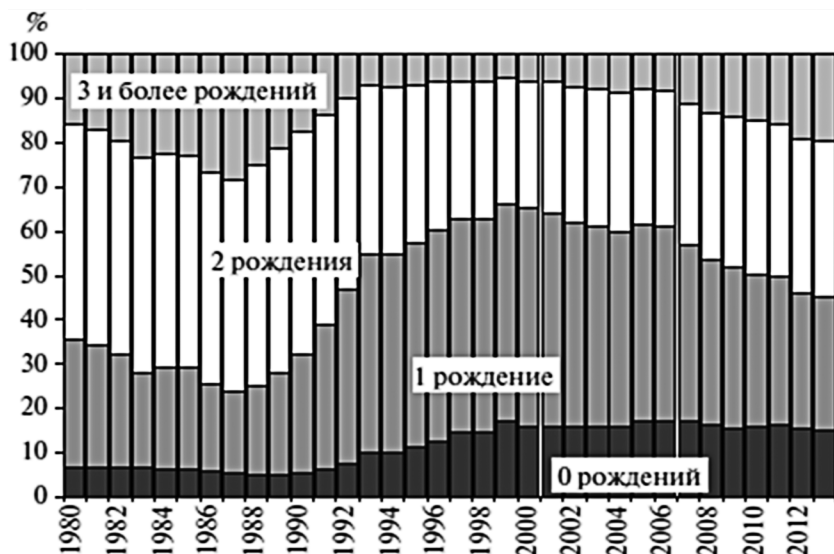

Рис. 2. Ожидаемое распределение женщин по числу рожденных детей к возрасту 50 лет при сохранении уровня рождаемости расчетного года, Россия, 1980–2012 гг.

Источник: Население России... 2015: 110

(включая имеющих) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?». В 2012 г. желали иметь 0 детей 1,9% мужчин и 4,3% женщин, в 2017 г. 2,3% мужчин и 4,4% женщин (Итоги выборочного наблюдения... 2012; Итоги выборочного наблюдения... 2017).

Косвенно о растущей склонности к чайлдфри можно судить по интенсивности упоминания темы в СМИ (рис. 4). Не важно, как пишущие (говорящие) относятся к этой проблеме. Негативная реакция вполне может быть отражением данной тенденции к росту.

Во «ВКонтакте» групп чайлдфри, насчитывающих больше 2 тыс. участников (по состоянию на 28.03.2019 г.), было 6 (табл. 1). Самая большая из них («Подслушано Чайлдфри») имела 58 196 участников (адрес: https://vk.com/overhear_childfree), вторая по численности («Чайлдфри») была значительно меньше (15 334 участника) и, судя по адресу, имела московское происхождение (https://vk.com/childfree_moscow).

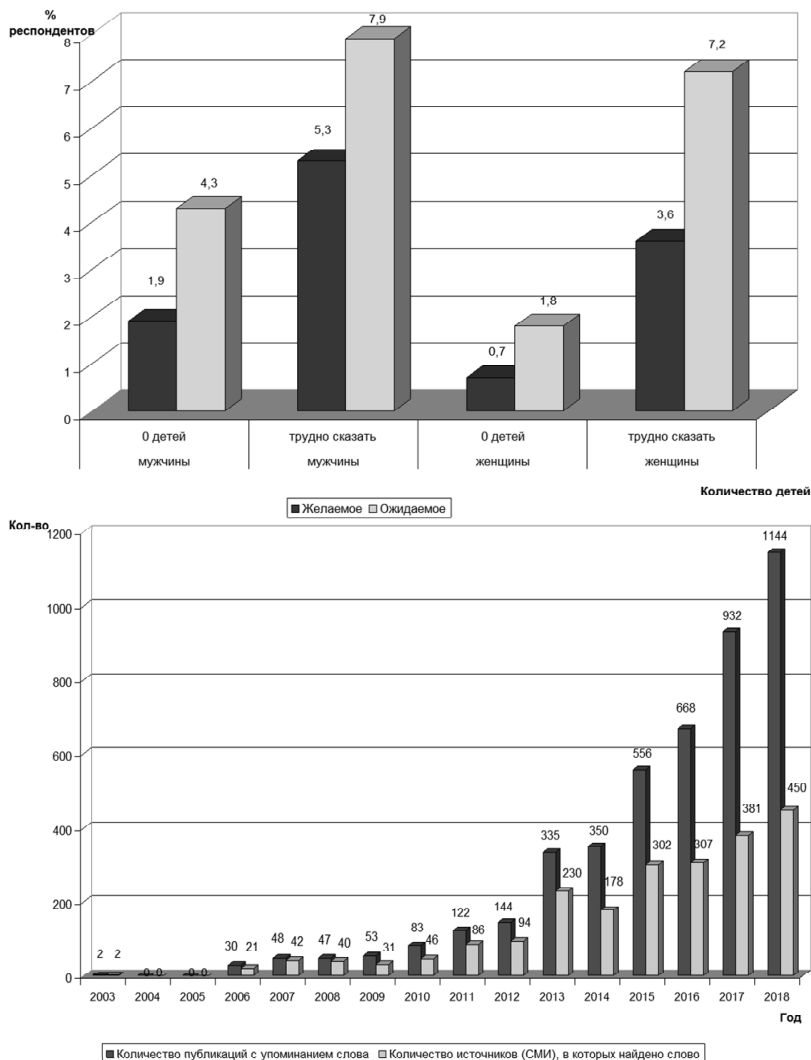

Рис. 3. Распределение респондентов по желаемому и ожидаемому числу детей в 2012 и в 2017 гг.

Источники: Итоги выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 г. (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html); Итоги выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2017 г. (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html)

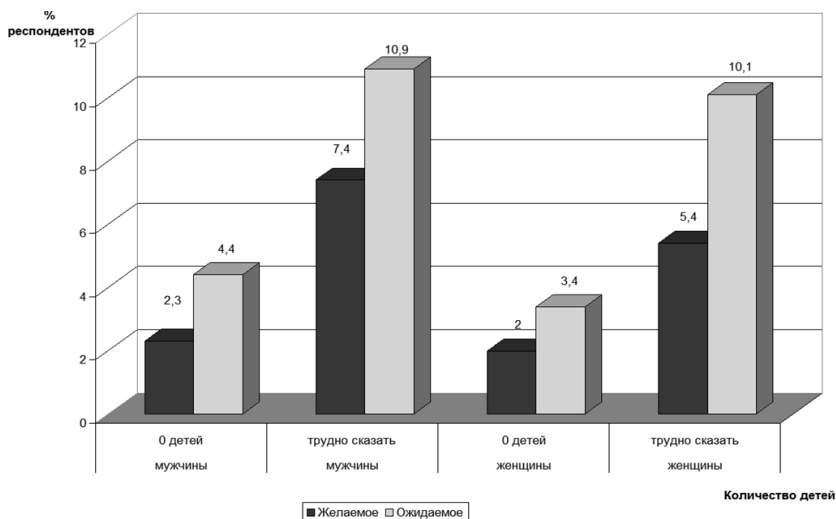

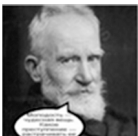
Рис. 4. Результаты поиска в базе интернет-библиотеки СМИ «Public.ru» с упоминанием слов «чайлдфри» или «чайлд-фри» или «childfree» с 2003 по 2018 гг.

Таблица 1

Сообщества чайлдфри во «ВКонтакте» (по состоянию на 28 марта 2019 г.)

Группы ВК	Описание	Эмблема
Подслушано Чайлдфри https://vk.com/overhear_childfree	58 196 участников, активная группа, дискуссионный клуб	
Чайлдфри https://vk.com/childfree_moscow	15 334 участников, активная группа, дискуссионный клуб	
* Чайлдфри по-русски * https://vk.com/childfreenorussku	14 137 участников, активная группа, записи обо всем (только некоторая часть касается чайлдфри)	

Таблица 1 (окончание)

Группы ВК	Описание	Эмблема
Мне не нужны дети https://vk.com/nonechild	12 036 участников, активная группа, половина участников чалдхейтеры	
Чайлдфри https://vk.com/wechildfree	10 157 участников, активная группа, пишут о свободе без детей	
Цитатник чайлдфри https://vk.com/childfreecitation	2824 участника, активная группа, высказывания и цитаты о чайлдфри	

Сообщества чайлдфри в «Телеграме» (по состоянию на 28 марта 2019 г.) были очень невелики (табл. 2). Лишь одно из них имело более 1000 подписчиков (1141) и в среднем 10 записей в день (t.me/wechildfree). Остальные не дотягивали и до 200 подписчиков.

Таблица 2

Сообщества чайлдфри в «Телеграме» (по состоянию на 28 марта 2019 г.)

Канал	Описание	Эмблема
Чайлдфри t.me/wechildfree	1141 подписчиков; в среднем 10 записей в день, обсуждение жизненных историй чайлдфри, женщин с детьми и пр.	
Чайлдфри чат t.me/childfree_chat	171 участник; Чат для общения, перенаправляются для обсуждения историй с канала Чайлдфри	

Таблица 2 (окончание)

Канал	Описание	Эмблема
Чайлдфри Феникс t.me/fem_phoenix	131 подписчик; в среднем 1–2 записи в день. обсуждение жизненных историй чайлдфри, женщин с детьми и пр.	
Чайлдфри t.me/nochild	129 участников Чат для общения (редко затрагивают- ся вопросы чайлдфри)	

Наиболее полные количественные оценки, по которым можно судить о склонности к чайлдфри в мегаполисе, содержатся в исследовании Т. Малевой и А. Тындик (Малева, Тындик 2014). Оно подтверждает положения экономической теории об обратной зависимости между рождаемостью и уровнем образования, а также о растущей альтернативной стоимости детей как фактора противодействующего обзаведению детьми. В табл. 3 приводятся данные опроса москвичей по желаемому числу детей в разрезе возраста и уровня образования респондентов. Как видим, склонность не иметь детей в целом выше в более молодых и более образованных когортах.

Таблица 3

Распределение респондентов по предпочтению не иметь детей, %

Уровень образования	Возраст	Доля предпочитающих бездетность
Начальное профессиональное и ниже	18–29	5,7
	30–39	8,1
	40–49	2,3
Среднее профессиональное	18–29	10,2
	30–39	4,6
	40–49	5,6
Высшее	18–29	12,6
	30–39	7,1
	40–49	4,3

Источник: Малева, Тындик 2014: 123.

Не менее ценным результатом является выявление склонности к чайлдфри в зависимости от длительности проживания в столице (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение респондентов, предпочитающих бездетность
по возрасту и длительности проживания в Москве, %**

Возраст	Длительность проживания в Москве		
	Всю жизнь в Москве	Более 10 лет	10 лет и менее
20–29 лет	13,0	6,6	3,7
30–39 лет	6,9	5,6	3,2
40–49 лет	4,5	2,2	1,4

Источник: Малева, Тынди́к 2014: 129.

В крупных российских мегаполисах выбор в пользу чайлдфри становится все более оправданным с позиции традиционного рационального экономического агента («человека экономического») даже в долгосрочной перспективе. Он значительно повышает шансы стать владельцем дополнительных жилых площадей (например, по наследству), сдача в аренду которых обычно приносит превышающий среднюю пенсию доход. Отсутствие собственных наследников исключает претендентов на занятие наследуемой жилплощади. При появлении проблемы ухода за престарелыми она решается развитием комфортабельных частных домов престарелых, использующих, в частности, схемы залога квартир. Если риски оппортунистического поведения этих домов будут стабильно ниже рисков оппортунистического поведения детей, то склонность выбора в пользу чайлдфри станет расти. Понятно, что все эти преимущества жизни в мегаполисе, позволяющие не думать о наследниках как разновидности социального страхования, приобретаются и осознаются пропорционально срокам проживания в нем. Отсюда данные таблицы 2 представляются вполне отвечающими логике экономического подхода.

О стоимости детей в Санкт-Петербурге красноречиво говорят следующие проведенные нами расчеты. Предположим, что в месяц семья тратит на ребенка до 18 лет в варианте 1 от 1 до 1,5 прожиточного минимума на ребенка в месяц (в среднем получается 194 100 руб. в год), в варианте 2 — от 2 до 3 прожиточных минимумов на ребенка в месяц (в среднем получается 388 200 руб. в год). Инфляцию принимаем равной 5,5% в год, банковскую ставку по накопительному депозиту

в Сбербанке РФ несколько меньшей — 5,43% годовых. Альтернативой расходов на сына или дочь является ежегодное внесение соответствующих сумм на накопительный счет в Сбербанке РФ. В итоге получается следующее.

Допустим, накопленные средства семья чайлдфри желает потратить на приобретение 1-комнатной квартиры в Санкт-Петербурге с тем, чтобы впоследствии сдавать ее арендаторам. Исходим из того, что в 2019 г. средняя цена однокомнатной квартиры недалеко от метро 3,5 млн руб. и сдать ее можно за 16 тыс. руб. в месяц. С учетом инфляции через 19 лет (срок окончания трат на ребенка) квартира будет стоить 9,68 млн руб. и приносить ежегодную ренту, равную 503 тыс. руб. в год. Накопленного за это время по варианту 1 как раз хватит на то, чтобы приобрести такую квартиру. По варианту 2 квартиру можно будет приобрести за 10 лет накоплений. А через 16 лет от расчетной даты можно будет приобрести еще одну такую квартиру (с учетом доходов от сдачи в аренду первой из приобретенной квартиры). Даже первый вариант позволит увеличить пенсию более чем вдвое (исходя из средней пенсии по городу), а второй вариант гарантирует проживание в весьма комфортабельном частном доме престарелых (при необходимости) с полным обслуживанием. И еще при этом останутся не такие уж малые деньги на «карманные расходы».

Таким образом, аргумент «стакана воды» («в старости стакана воды некому будет подать») полностью отменяется. Даже скромная экономия только на 1 ребенке переводит за 20 лет человека со средней по Санкт-Петербургу пенсией в статус ближе к среднему классу, не говоря уже о более значительной экономии по второму варианту.

В России довольно много тех, кто относится к сознательному отказу женщины иметь детей с пониманием, хотя одобряют этот поступок немногие (табл. 5). Интересно, что процент «понимающих» среди женщин выше, чем среди мужчин. С осуждением относятся менее половины. Такой расклад с учетом довольно большого количества безразличных говорит о том, что значительная часть российского общества вполне терпимо относится к такому выбору.

Таблица 5

Как Вы относитесь к женщинам, которые сознательно отказываются от детей? (n = 1600), %

Отношение	Все	Мужчины	Женщины
С одобрением	2	2	2
С пониманием	17	15	20

Таблица 5 (окончание)

Отношение	Все	Мужчины	Женщины
С осуждением	44	41	45
Безразлично	30	34	26
Загруднились ответить	8	9	7

Источник: 30-летний рубеж... 2015.

В Москве же большинство полагает, что человек может быть счастлив, даже если у него нет детей. Причем большинство здесь принадлежит женщинам со средним профессиональным образованием (73,3%). Это более высокий процент, чем среди женщин с высшим образованием (69,1%). Максимум согласных с этим утверждением среди мужчин с высшим образованием (60,0%), минимум — среди мужчин с начальным образованием (52,5%) (Малева, Тындик 2014: 125). Таким образом, большинство москвичей в принципе согласны с тем, что не в детях счастье.

Заключение

Неоклассический экономический анализ репродуктивного поведения довольно аргументированно объяснил сокращение рождаемости в XX в. Если и далее строго следовать его канонам, то спад рождаемости должен был продолжиться, и все большая часть семейных пар в развитых государствах благосостояния должна была становиться чайлдфри. Однако этому противодействует, с одной стороны, введение компенсаций труда по воспитанию детей, сопоставимых с зарплатой, с другой стороны, еще сохраняющееся в культурных кодах поведения отношение к детям как ценности, пусть и не связанной с решением материальных проблем в пожилом возрасте.

Рационален ли выбор для семейной пары сознательной установки на бездетность? Известно, что таковой осуществляется на основе сопоставления предельных выгод и предельных издержек. Последние включают и психологический дискомфорт. В данном случае он во многом связан с давлением мнения внешней социальной среды, выражающейся в стигматизации чайлдфри. Это отчасти объясняет большую склонность к чайлдфри коренных жителей мегаполисов, где идет процесс атомизации граждан в форме ослабления родственных и прочих социальных уз. Кроме того, в мегаполисах наибольшие выгоды отказа от деторождения: превращение экономии даже на скромном содержании ребенка в персональный инвестиционный фонд оборачивается второй пенсией (пример

Санкт-Петербурга). Разумеется, в каждом частном случае невозможно определить чайлдфри как рациональный выбор или поведенческую миопию, поскольку это зависит от множества конкретных обстоятельств, а главное, что решение здесь принимается в условиях высокой неопределенности в силу долговременности периода.

Источники

Бездетность и нежелание иметь детей. 29.05.2008. Опрос населения. База данных ФОМ [Электронный ресурс]. 2008. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d082125> (дата обращения: 05.05.2019).

Беккер Г. С. Семья // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла и др. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 308–321.

Белянин А. В. Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года) // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 5–25.

Всероссийская перепись населения-2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=30> (дата обращения: 05.05.2019).

Всероссийская перепись населения-2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.html (дата обращения: 05.05.2019).

Данина М. и др. Современное состояние исследований в области регуляции репродуктивного поведения супругов // Национальный психологический журнал. 2016. № 2. С. 73–83.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. 4. Число рожденных детей в СССР. М., 1991.

Итоги выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html (дата обращения: 05.05.2019).

Итоги выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html (дата обращения: 05.05.2019).

Капелюшников Р. И. Поведенческая экономика и новый патернализм: препринт WP3/2013/03. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.

Капелюшников Р. И. Вокруг поведенческой экономики: несколько комментариев о рациональности и иррациональности. WP3/2018/04. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

Малева Т. М., Тындик А. О. Ловушка низкой рождаемости в Москве: высокообразованные бездетные? // Регион: экономика и социология. 2014. № 2. С. 116–136.

Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С. В. Захаров. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.

Снегирева Т. В. «Добровольно бездетная семья» глазами семейного психолога // Культурно-историческая психология. 2010. № 3. С. 99–109.

Шульц Т. Ценность детей // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. Вып. 6. С. 37–49.

30-летний рубеж: гендерные роли и стереотипы [Электронный ресурс] / Левада-Центр. 2015. URL: <http://www.levada.ru/26-08-2015/30-letnii-rubezh-gendernye-rol-i-steriotipy> (дата обращения: 05.05.2019).

Caplan B. *Selfish Reasons to Have More Kids*. New York: Basic Books, 2011.

Easterlin R. A. The American Baby Boom in Historical Perspective // *American Economic Review*. 1961. Vol. 51, No. 5. P. 869–911.

Leibenstein H. Beyond Economics of Man: Economic, Politics and Population Problems // *Population and Development Review*. 1977. Vol. 3. P. 46–59.

Macunovich D. J. Fertility and the Easterlin hypothesis: An assessment of the literature // *Journal of Population Economics*. 1997. Vol. 11. P. 53–111.

Tanner M., Hughes Ch. The Work Versus Welfare Trade-Off: Europe // *Policy Analysis*. 2015. No. 779.

References

Bekker G. S. Sem'ya [Family]. *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic theory]. Ed. by G. Ituell et al. Moscow, INFRA-M, 2004, pp. 308–321. (In Russian)

Belyanin A. V. Richard Taler i povedencheskaya ekonomika: ot laboratornykh eksperimentov k praktike podtalkivaniya (Nobelevskaya premiya po ekonomike 2017 goda) [Richard Thaler and Behavioral Economics: From Laboratory Experiments to Nudge Practices (Nobel Prize in Economics 2017)]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of economics], 2018, no. 1, pp. 5–25. (In Russian)

Bezdetnost' i nezhelanie imet' detey. 29.05.2008. Opros naseleniya. Baza dannykh FOM [Childlessness and unwillingness to have children. 29.05.2008. Opinion poll. Database FOM]. 2008, URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d082125> (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Caplan B. *Selfish Reasons to Have More Kids*. New York, Basic Books, 2011.

Danina M. et al. Sovremennoe sostoyanie issledovaniy v oblasti regulyatsii reproduktivnogo povedeniya suprugov [The current state of research in the regulation of the reproductive behavior of spouses]. *Natsional'nyy psihologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2016, no. 2, pp. 73–83. (In Russian)

Easterlin R. A. The American Baby Boom in Historical Perspective. *American Economic Review*, 1961, vol. 51, no. 5, pp. 869–911.

Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 g. [Results of the All-Union Population Census 1989]. Vol. 4. Chislo rozhdennykh detey v SSSR [Number of children born in the USSR]. Moscow, 1991. (In Russian)

Itogi vyborochnogo nablyudeniya reproduktivnykh planov naseleniya v 2012 g. [Results of selective observation of the reproductive plans of the population in 2012]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Itogi vyborochnogo nablyudeniya reproduktivnykh planov naseleniya v 2017 g. [Results of selective observation of the reproductive plans of the population in 2017]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Kapelyushnikov R. I. *Povedencheskaya ekonomika i novyy paternalizm: preprint WP3/2013/03*. Moscow, Publ. House of the Higher School of Economics, 2013. (In Russian)

Kapelyushnikov R. I. *Vokrug povedencheskoy ekonomiki: neskol'ko kommentariy o rational'nosti i irratsional'nosti* [Behavioral economics and new paternalism: Working paper]. WP3/2018/04. Moscow, Publ. House of the Higher School of Economics, 2018. (In Russian)

Leibenstein H. Beyond Economics of Man: Economic, Politics and Population Problems. *Population and Development Review*, 1977, vol. 3, pp. 46–59.

30-letnii rubezh: gendernye roli i stereotipy [Age of 30 milestone: gender roles and stereotypes]. Levada Center, 2015. URL: <http://www.levada.ru/26-08-2015/30-letnii-rubezh-gendernye-roli-i-stereotipy> (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Macunovich D. J. Fertility and the Easterlin hypothesis: An assessment of the literature. *Journal of Population Economics*, 1997, vol. 11, pp. 53–111.

Maleva T. M., Tyndik A. O. Lovushka nizkoy rozhdaemosti v Moskve: vysoko-obrazovannye bezdetnye? [The low birth rate trap in Moscow: childless highly educated?] *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2014, no. 2, pp. 116–136.

Naselenie Rossii 2013: dvadtsat' pervyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2013: 21st Annual Demographic Report]. Ed. by S. V. Zaharov. Moscow, Publ. House of the Higher School of Economics, 2015. (In Russian)

Shul'ts T. Tsennost' detey [The value of children]. *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem* [THESIS: theory and history of economic and social institutions and systems], 1994, iss. 6, pp. 37–49. (In Russian)

Snegireva T. V. “Dobrovol'no bezdetnaya sem'ya” glazami semeynogo psihologa [“Voluntarily childless family” through the eyes of a family psychologist]. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural-historical psychology], 2010, no. 3, pp. 99–109. (In Russian)

Tanner M., Hughes Ch. The Work Versus Welfare Trade-Off: Europe. *Policy Analysis*, 2015, no. 779. (In Russian)

Vserossiyskaya perepis' naseleniya-2002 [Russian Population Census — 2002]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=30> (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Vserossiyskaya perepis' naseleniya-2010 [Russian Population Census — 2010]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.html (access date: 05.05.2019). (In Russian)

Ширяева Ярослава Дмитриевна, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики и права им. Фридриха фон Хайека (Санкт-Петербург).

Shiriaeva Yaroslava D., Ph. D. in Economics, Researcher, Institute of Economics and Law. Friedrich von Hayek (St. Petersburg).
y-sh@yandex.ru

Заостровцев Андрей Павлович, кандидат экономических наук, профессор Департамента государственного администрирования НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург; научный сотрудник, Центр исследований модернизации, Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Zaostrovtssev Andrey P., Ph. D. in Sociology, Professor, State Administration Department, HSE — St. Petersburg.
zao-and@yandex.ru

Г. А. БАННЫХ, Е. В. ЗАЙЦЕВА, С. Н. КОСТИНА

**МОТИВАЦИЯ РОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ В МНОГОДЕТНЫХ
СЕМЬЯХ СО СРЕДНИМ ДОСТАТКОМ:
РЕЗУЛЬТАТЫ НАРРАТИВНОГО ИНТЕРВЬЮ***

Цель статьи — представить результаты социологического исследования многодетных семей со средним достатком как пример репродуктивной мотивации, рождения последующих (после первого) детей. В работе авторы опирались на феноменологический и антропологический подходы, теории фамилистики и социологии семьи. Основным методом получения данных выступил метод нарративного интервью с супругами из многодетных семей, имеющих стабильно средние и/или высокие доходы. На основе результатов проведенного осенью 2018 года нарративного интервью среди многодетных семей Уральского региона авторы раскрывают особенности репродуктивной мотивации в многодетных семьях со средним достатком. В статье описывается отношение к материнству и рождению детей у многодетных матерей и отцов, в том числе к таймингу рождений, а также рождению детей разного пола. Анализ нарративных интервью позволил сделать выводы об изменении отношения к рождению детей и мотивации рождений в течение жизни матерей, влиянии рождения детей на изменения их повседневной жизни — материального положения, отношений с супругом, особенностей быта. Авторы исследуют влияние на мотивацию рождений у многодетных матерей таких факторов, как особенности родительских семей, отношение к религии, брачное положение, личностные жизненные цели и т. д.

Ключевые слова: мотивация рождения, многодетная семья, средний класс, репродуктивная мотивация, тайминг рождений.

BANNYKH GALINA A., ZAITSEVA EKATERINA V., KOSTINA SVETLANA N.

**REPRODUCTIVE MOTIVATION IN MIDDLE-INCOME
LARGE FAMILIES: THE RESULTS OF A NARRATIVE
INTERVIEW**

The purpose of the article is to present the results of a sociological study of large families with average incomes for reproductive motivation, the birth of subsequent (after the first) children.

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00566 «Многодетные семьи как социальный феномен».

Research Methodology in this paper, the authors relied on the phenomenological and anthropological approaches, theories of familistic and sociology of the family. The main method of obtaining data was the method of narrative interviews with spouses from large families with middle and/or high incomes.

Based on the results of a narrative interview conducted in the autumn of 2018 among large families of the Ural region, the authors reveal the features of reproductive motivation in large families with middle-income. The article describes attitudes toward motherhood and the birth of children of mothers and fathers of many children, including the timing of births, as well as the birth of children of different sexes. An analysis of narrative interviews allowed us to draw conclusions about the change in attitudes toward the birth of children and the motivation of births during the life of mothers, the impact of having children on changes in their daily lives — their financial situation, their relationship with their spouse, and their way of life. The authors investigate the influence on the motivation of fertility in mothers with many children such factors as features of parental families, attitudes towards religion, marital status, personal life goals, etc.

Keywords: reproductive motivation, large family, middle class, birth motivation, birth timing.

Внимание исследователей к семье как к объекту исследования не снижается, а увеличивается в последнее время: семья трансформируется, принимая новые формы, выполняя новые функции, иначе включаясь в процессы общественных отношений и социализации. Воплощением междисциплинарного, системного подхода к семье является фамилистика как наука, исследующая семью как социальный институт и социально-психологическую группу, как социокультурный феномен и воспитательную систему и пр.

Многодетная семья на сегодняшний день является уникальным объектом междисциплинарного исследования — самая типичная в начале XX века, она стала практически исчезающей в начале XXI века. В то же самое время формы многодетности, отделение института родительства от института брака, новые формы социального неравенства и многое другое привели к необходимости по-новому переосмыслить и сам феномен многодетности, и попытаться понять причины, обуславливающие выбор родителей в пользу многодетности.

Последние десятилетия российское государство проводит про-наталистическую политику, основанную на экономических и иных методах стимулирования рождаемости, преодоления малодетности российских семей. В итоге наблюдается рост многодетности как в низкодоходных группах населения, где она обусловлена фактором экономической поддержки со стороны государства, так и в социальных

группах, характеризующихся относительно высокими доходами. Именно увеличение доли многодетных среди обеспеченной категории населения невозможно объяснить только результатом государственной политики поддержки, поэтому изучение мотивации многодетности в семьях со средними и высокими доходами в современных условиях представляет особый научный интерес.

Феноменология как логическое продолжение «понимающей социологии» позволяет на качественно глубоком уровне интерпретировать происходящие изменения в российской семье, «языком» самой семьи объяснить решение о переходе в статус «многодетной», зафиксировать эти смыслы и факты на уровне повседневности. Антропологический подход позволяет раскрыть тот путь, которым родители из многодетных семей со средним достатком прошли, чтобы принять решение о многодетности, принять себя в качестве многодетной семьи, выработать свои нормы и ценности в процессе рождения второго и последующих детей.

Сегодня в России согласно данным Росстата доля домохозяйств с тремя и более детьми среди всех домохозяйств незначительна и составляет 5,6%, при этом среднее количество детей в многодетных семьях — 3,3 ребенка (Семья, материнство... 2018). Эти данные свидетельствуют о статистически незначительной группе тех, кто выбирает путь многодетности. Еще одна тенденция, которая прослеживается статистически, — это тип многодетного домохозяйства: постепенно увеличивается доля домохозяйств с одним родителем. Эта тенденция является мировой, однако вызывается разными факторами в разных государствах. Например, самое большое количество одиноких родителей среди всей совокупности семей — в Швеции (54%), в которой по мнению исследователей формируется «несемейная» семейная политика (Long, Naldini, Santero 2018), т. е. государство активно реализует меры поддержки родительства и детства, направленные на личность, но не семьи как официального союза двух равноправных партнеров. При всем этом изменения происходят и в гендерном плане, меняя жизненные стратегии и репродуктивную мотивацию именно женщин (Чернышева 2003): необходимость не только отвечать за дом и детей, но и быть реализованной в профессиональном плане, иметь экономическую состоятельность и независимость чаще всего не позволяют женщине реализоваться в многодетном материнстве. Таким образом, в России сегодня имеются тенденции к малодетности и материнской семье.

Однако эти же тенденции оказали влияние на стирание границ в репродуктивных установках и поведении населения: индекс желаемого и ожидаемого числа детей различается незначительно у населения с разным уровнем дохода (Антонов 2016). Но в то же самое время вероятность рождения последующих детей увеличивается с количеством уже рожденных детей: так, в однодетных семьях вероятность рождения второго ребенка ниже, чем третьего в двухдетных семьях. В этих условиях особенно актуальным выглядит вопрос о репродуктивных установках взрослого населения, сделавшего выбор в пользу многодетности и полной семьи.

Для изучения репродуктивной мотивации многодетных родителей мы использовали опыт реконструкции жизненного пути семьи с момента получения информации о второй беременности супруги на основе проведенных с ними нарративных интервью. В российском обществе достаточно четко прослеживается информационное влияние стереотипов, транслируемых СМИ, на восприятие многодетности, образ многодетной матери и т. д. (Баннх, Зайцева, Костина и др. 2019), поэтому нарративные интервью позволили респондентам «отделиться» от таких стереотипов и общих проблем «типичной» многодетной семьи и обратиться к своему опыту и интерпретации. Такой рассказ помог респондентам разобраться в событиях собственной жизни в отношении принятия решения о многодетности.

Поскольку на нас оказывают влияние доминирующие культурные нарративы, мы должны постоянно переоценивать свои представления, чтобы убедиться в том, что мы конституируем себя в соответствии с тем, какими мы хотим быть, а не с тем, какими нас вынуждает быть общество. Исследовательская задача — выявить некоторые типичные черты жизненных историй респондентов, которые помогли бы объяснить формирование репродуктивной мотивации в отношении многодетности. Другими словами, необходимо было ответить на вопросы: как представители среднего класса, семейные с одним ребенком сделали выбор в пользу многодетности? Каков механизм формирования мотивации на рождение второго, третьего и последующих детей? Существует ли взаимосвязь родительского поведения, гендерных установок, государственной поддержки?

В опросах принимали участие многодетные мамы в возрасте 33–39 лет, уровень доходов — средний класс и выше. Метод исследования — нарративное интервью в форме свободной беседы. Интервью проводились в публичных местах, вне дома многодетных матерей, где

они чувствовали себя более свободными от домашних обязанностей. Все многодетные мамы состоят в зарегистрированном браке и все дети были рождены именно в этом браке. Все респонденты и их супруги происходят из материально благополучных семей, различных социальных и профессиональных слоев.

При воссоздании истории жизненного выбора в пользу многодетности мы придерживались следующих тем: вступление в брак, принятие решения/известие о ребенке/детях, отношение к религии, планы в молодости в отношении брака/детей/их количества, плановость рождений, пример родительской семьи, отношение к материнству/многодетному материнству.

Из шести семей только в одном случае был пример многодетных родителей — в семье супруга, то есть каких-либо значимых примеров многодетности из опыта ближайших родственников респонденты не упоминали. В двух случаях мотивация рождений определялась религиозными факторами — респонденты относят себя к православным и считают планы «на рождение детей» не своими, а «божьим промыслом». Дети всех респондентов здоровы, появились у родителей после 20 лет, то есть не были рождены в раннем возрасте.

Ни один респондент не обозначил свои планы в молодости на многодетность, то есть буквально: «что я стану многодетной мамой — да я об одном ребенке подумать не могла! Не представляла себе ничего подобного». В отличие от женщин, планы на «большую» семью имелись у мужей некоторых респондентов, в том числе того мужчины, который сам происходит из многодетной семьи.

Поскольку у респондентов не было изначально планов в отношении первого ребенка, не удалось установить и наличие какого-либо тайминга рождений. Тем не менее в подавляющем большинстве случаев дети появлялись с определенной регулярностью — каждые 2–4 года.

Только в одном случае удалось установить факт сознательного стремления к малодетности — респондент рассказывала о «регулярных» походах в медицинское учреждение за избавлением от «неудобной сейчас» беременности. Регулярность составила 3 раза каждые 2 года. При этом второй ребенок появился после первого аборта, третий ребенок — после третьего.

Анализ материалов об отношении к многодетному материнству показал, что всех респондентов можно разделить на две группы: тех, кто считает материнство «божьим даром», «неимоверным счастьем», «прозрением», и тех, кто не так однозначно воспринимает свое материнство — как труд, как тяжелую, повседневную работу, от которой

нельзя «уехать в отпуск», при этом работа, безусловно, интересная и детская любовь — вполне удачный вариант ее «оплаты». Для примера: *Респондент 1*: «Да, вся жизнь изменилась <...> рождение Саввы (четвертого) — еще один сюрприз, все удивлены и, возможно, даже крутят пальцем, но мы счастливы вместе... Материнство — это дар от Бога, смотреть на них и видеть свое отражение, видеть что-то новое и таинственно уникальное — вот для чего мы здесь». *Респондент 2*: «Эмоции от тяжести осознания материнства, этой великой работы, осознание, что пути назад нет, что они все настолько разные, и каждый раз все заново, по-новому... Материнство — самая тяжелая работа, потому что нет абсолютно никакого времени для себя, каждую секунду ты думаешь о них, о решении их проблем, супруг вынужден работать еще больше и круглосуточно, поэтому редко может помочь, ты едва понимаешь, что такое семейная жизнь — только постоянное исполнение обязанностей».

Большинство многодетных матерей, принявших участие в исследовании, оказались в ситуации, когда полноценная профессиональная самореализация невозможна и очевидна экономическая зависимость от супруга. То есть выбор в пользу многодетности приводит к сужению возможностей матери и действительно этот фактор является значимым при принятии решения о рождении ребенка.

В ходе нашего исследования был сделан вывод, что респонденты очевидно более подвержены влиянию социокультурных факторов на мотивацию рождений, более склонны принимать решения о рождении третьих и следующих детей осознанно, но после получения известия о беременности. При этом супруги в большей степени склонны выбирать многодетность заранее, в молодости (на основе гендерного разделения ролей в семье), в отличие от женщин, которые предпочитают об этом не задумываться. Респонденты явно ориентированы на семейный образ жизни, выделяя детей и саму семью в качестве безусловной ценности, они не сомневаются в сделанном выборе и стараются уделить внимание всем детям, прививая им «нужные установки на правильный выбор» в пользу большой семьи.

Источники

Антонов А. И. Измерение репродуктивных ориентаций и установок в выборочных опросах российского населения 1976–2015 [Электронный ресурс] // Семья и демографические исследования: Научный интернет-журнал. 2016. URL: <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/34469/> (дата обращения: 20.02.2019).

Банных Г. А., Зайцева Е. В., Костина С. Н., Кузьмин А. И. Феномен многодетности в России: социологический анализ изменений // Вопросы управления. 2019. № 1. С. 49–61.

Семья, материнство, детство [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: Официальный сайт. [2018]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/ (дата обращения: 15.01.2019).

Чернышева О. В. Трансформация жизненных стратегий женщин в современных российских условиях: Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. М., 2003. 187 с.

Long J., Naldini M., Santero A. The role of reproductive rights and family policies in defining parenthood // *Gender and Generational Division in EU Citizenship*. 2018. Vol. 87. P. 110. DOI: 10.4337/9781788113168.00012.

References

Antonov A. I. Izmerenie reproduktivnykh orientatsiy i ustanovok v vyborochnykh oprosakh rossiyskogo naseleniya 1976–2015 [Measurement of reproductive orientations and attitudes in sample surveys of the Russian population 1976–2015]. *Sem'ya i demograficheskie issledovaniya. Nauchnyy internet-zhurnal* [Family and demographic research: An online scientific journal], 2016, URL: <https://riss.ru/demography/demography-science-journal/34469/> (access date: 20.02.2019). (In Russian)

Bannyh G. A., Zaytseva E. V., Kostina S. N., Kuz'min A. I. Fenomen mnogodetnosti v Rossii: sotsiologicheskyy analiz izmeneniy [The phenomenon is much expiration in Russia: a sociological analysis of changes]. *Voprosy upravleniya* [Management Issues laziness], 2019, no. 1, pp. 49–61. (In Russian)

Chernysheva O. V. *Transformatsiya zhiznennykh strategiy zhenshchin v sovremennykh rossiyskikh usloviyakh* [The transformation of women's life strategies into modern n Russian conditions]. PhD in Sociology Papers: 22.00.2004. Moscow, 2003, 187 p. (In Russian)

Long J., Naldini M., Santero A. The role of reproductive rights and family policies in defining parenthood. *Gender and Generational Division in EU Citizenship*, 2018, vol. 87, p. 110. DOI: 10.4337/9781788113168.00012.

Sem'ya, materinstvo, detstvo [Family, motherhood, childhood]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki: Oficial'nyj sayt* [Official web site of the Federal State Statistics Service], [2018], URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/ (access date: 15.01.2019). (In Russian)

Банных Галина Алексеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский государственный экономический университет.

Bannykh Galina A., Ph. D. in Sociology, Associate Professor of the Department of Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Administration, Ural Federal University, Associate Professor of Applied Sociology, Ural State Economic University.

g.a.bannykh@urfu.ru

Зайцева Екатерина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет.

Zaitseva Ekaterina V., Ph. D. in Sociology, Associate Professor at the Department of Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Administration, Ural Federal University.

e.a.zaitseva@urfu.ru

Костина Светлана Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет.

Kostina Svetlana N., Ph. D. in Sociology, Associate Professor at the Department of Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Administration, Ural Federal University.

s.n.kostina@urfu.ru

ДЕТИ БЕЗ РОДИТЕЛЕЙ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-11.dx3p-5z44

М. М. РУСАКОВА, В. А. ОДИНОВА

УЧАСТИЕ ДЕТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ, В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ

Участие детей в принятии решений широко декларируется как право ребенка, обладающее позитивными следствиями для общества и для ребенка. На этом фоне удивительно редко изучается опыт участия детей в принятии решений. Мы попытались восполнить этот пробел и описать участие в принятии решений детей 10–17 лет ($n = 517$), отделенных от родительской семьи и воспитывающихся в учреждениях для детей-сирот в трех российских регионах. Ограниченное участие в принятии решений статистически значимо коррелирует как с институциональными, так и с личностными характеристиками детей. Наше исследование показывает, что дети, находящиеся в организации для детей-сирот, не имеют равных возможностей участия в принятии решений, что может значительно снизить эффективность оказываемой детям помощи.

Ключевые слова: участие детей в принятии решений, социальная защита, дети.

RUSAKOVA MAIA M., ODINOKOVA VERONIKA A.

CHILDREN PARTICIPATION IN DECISION MAKING IN ORGANIZATIONS FOR ORPHANS

Children's participation in decision making is widely declared as the right of the child, with positive consequences for society and for the child. Against this background, the experience of children's participation in decision making is surprisingly rarely studied. In order to fill this gap we describe participation in decision making among children, living in institutional care in three Russian regions and aged 10–17 years ($n = 517$). Limited participation in decision making is significantly correlated with both institutional and personal factors of children. Our findings show the importance of taking into account the perspectives of the child within the processes of the system of social protection of children.

Keywords: participation in decision making, social protection, children.

Введение

Право ребенка быть услышанным является одним из главных принципов Конвенции о правах ребенка, ратифицированной СССР в 1990 г. Согласно Статье 12, государство обеспечивает ребенку, способному сформулировать свои взгляды, право свободно выражать эти взгляды. С этой целью ребенку предоставляется возможность быть заслушанным в ходе судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка. Аналогичные положения содержатся в Семейном кодексе РФ (Статья 57). В Конвенции не содержится каких-либо ограничений этого права в связи с возрастом ребенка, а согласно российскому законодательству учет мнения ребенка обязателен, если он достиг возраста десяти лет (за исключением случаев, когда это противоречит его интересам). Это право содержит три основных элемента: 1) ребенку предоставлена информация; 2) ребенку предоставлена возможность выразить свою точку зрения; 3) точка зрения ребенка принята во внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка.

Существенным фактором в понимании концепции участия детей стало развитие «новой» социологии детства. Традиционные (и доминирующие) взгляды на детство заключаются в том, что дети и молодые люди являются пассивными получателями заботы взрослых из-за их незрелости и зависимости. Новая социология детства выступает за более широкое участие детей и молодежи в разработке теории, политики и исследований, в различных сферах общественной жизни, где присутствуют дети и молодежь, в том числе в вопросах воспитания вне родительской семьи, социальной защиты детей, здравоохранения и образования. Исследователи и практики, разделяющие идеи новой социологии детства, рассматривают детей и молодых людей как экспертов в области своей собственной жизни (Qvortrup et al. 2009).

Участие ребенка в принятии решений может происходить в различных контекстах: в вопросах выбора ежедневных занятий, мер социальной и психологической помощи, образовательного маршрута, в определении дальнейшей судьбы ребенка, например, где и с кем он или она будет жить (Ten Brummelaar et al. 2018). Эти контексты включают в себя судебное заседание по вопросам усыновления, передачи в приемную семью, лишения родителей родительских прав или восстановления в родительских правах; заседания комиссий по делам несовершеннолетних и защиты их прав; определение содержания программы индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении;

во время нахождения в учреждении для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Участие детей в принятии решений часто неверно понимается специалистами в сфере социальной защиты как принятие решений на основе желаний ребенка. Kennan с коллегами (2018) показывают, что участие в принятии решений важно рассматривать как процесс, а не как результат, и ссылаются на результаты исследований, которые показывают, что для самих детей намного более важно быть услышанными, высказаться, чем получить результат в соответствии со своими желаниями.

Дети, которые оказались в ситуации отделения от родительской семьи и воспитания в государственном учреждении, наиболее часто оказываются в таких ситуациях, когда их мнение, согласно законодательству, должно быть принято во внимание. Эти дети, по данным зарубежных исследований, имеют наиболее ограниченные возможности для значимого участия в процессе принятия решений (Van Bijleveld et al. 2015; Cossar et al. 2016).

Ограниченные возможности участия в принятии решений у детей, которые были отделены от родительской семьи, приводят к негативным последствиям, таким как эмоциональные и поведенческие нарушения у детей (например, демонстрация оппозиционного поведения, пассивность, чувство беспомощности) (Ten Brummelaar et al. 2018; Vis et al. 2011). Ограниченные возможности участия в принятии решений у детей также препятствуют тому, что насилие и пренебрежение в отношении детей будут обнаружены и своевременно остановлены, поскольку детям, не участвующим в процессе принятия решений, труднее сообщить взрослым о том, что они подвергаются насилию (Cocozza et al. 2006). Участие молодых людей в процедурах принятия решений во время пребывания в интернатах, напротив, приводит к значимым позитивным последствиям, например, к выбору более эффективного реабилитационного плана, помогает повысить безопасность и психосоциальное благополучие детей (Ten Brummelaar et al. 2018). Дети, которых включают в конференции и консилиумы, на которых определяется их судьба, лучше справляются со стрессом, вызванным изменениями в их жизненных обстоятельствах (Vis et al. 2011).

В России один из шести разделов Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. был полностью посвящен участию детей в принятии решений, затрагивающих их интересы. Стратегия предполагала реализацию таких мер, как разработка стандартов и методик расширения участия детей в различных сферах жизнедеятельности и создание системы постоянного мониторинга

и оценки участия детей в принятии решений, включая систематический сбор качественных и количественных данных об уровне такого участия детей всех возрастных и социальных групп. Именно этот раздел был наименее успешно выполнен, по оценкам исследователей (Рубцов и др. 2016). Специалисты связывают этот неуспех с отсутствием соответствующих этому разделу индикаторов государственного мониторинга, что воспринимается как свидетельство «необязательности» его выполнения (Калабихина и др. 2016).

Нам не удалось обнаружить ни одного российского эмпирического исследования, которое бы характеризовало состояние дел с участием детей, отделённых от родителей, в принятии решений. Вероятной причиной того, что вопросы участия детей в принятии решений редко оказываются в поле внимания исследователей, является тот факт, что исследования детства в России выполняются преимущественно с позиций социализационной перспективы, а новая социология детства пока еще не нашла широкого круга последователей (Филипова 2016). Кроме того, развитию участия детей препятствуют различные мифы и стереотипы, например, о том, что участие детей снижает авторитет родителей и противоречит ценностям традиционной семьи.

В этой статье мы попытаемся восполнить обозначенные пробелы и ответить на следующие вопросы. Какова ситуация в области реализации права детей на участие в принятии решений? Какие условия ограничивают возможности детей для участия в принятии решений?

Методология

Исследовательской группой был выполнен анализ данных исследования, проведённого среди воспитанников учреждений для детей-сирот в трех регионах: Санкт-Петербург, Республика Башкортостан и Свердловская область. В исследовании приняли участие 517 детей (в том числе 215 в Санкт-Петербурге, 178 в Республике Башкортостан, 124 в Свердловской области) в возрасте 10–17 лет (средний возраст 13,8 лет, 56,6% юношей). По национальности, 77,% русские, 9,3% башкиры, 6,8% татары, 1,9% украинцы, 5,6% другие национальности, 3,5% детей затруднились с ответом на вопрос о национальности.

Данные исследования были получены методом опроса с использованием структурированного вопросника. Опрос был реализован в двух формах — в малых группах и в формате индивидуального интервью, которое использовалось в том случае, если у ребенка были трудности с чтением или вниманием. Все дети, находящиеся в день проведения

опроса в учреждении и достигшие возраста 10 лет, были приглашены принять участие в исследовании. Добровольное информированное согласие было получено у официальных опекунов детей и у самих детей. Вопросник был адаптирован для детей и охватывал различные сферы жизни детей в детском доме. Более подробно методология и процедуры исследования описаны в предшествующих публикациях (Одинокова и др. 2017).

Участие детей предполагает, с одной стороны, высказывание детьми собственного мнения по всем важным для них вопросам, а с другой — учет этого мнения при принятии решений, затрагивающих интересы детей. В нашем исследовании мы не пытались оценить, было ли учтено мнение детей при принятии конкретных решений, поскольку это выходило за пределы методических возможностей этого исследования. Мы изучили субъективную оценку ребенком его/ее включенности в процессы принятия решений с помощью вопроса «Прислушиваются ли взрослые к твоему мнению, когда принимают важные для тебя решения? Например, решения о том, где и с кем ты будешь жить, где будешь учиться и другие важные для тебя вещи» и 5-балльной шкалы ответов: всегда; почти всегда; иногда; редко, никогда.

Психосоциальное благополучие детей измерялось с использованием российской версии вопросника «Сильные стороны и трудности» (SDQ) (Goodman et al. 2005). SDQ включает в себя 25 утверждений, описывающих положительные и отрицательные стороны ребенка. SDQ состоит из пяти шкал по пять пунктов в каждой: эмоциональные симптомы, проблемы с поведением, гиперактивность/дефицит внимания, проблемы со сверстниками и просоциальное поведение. Баллы за первые четыре шкалы складываются в общую оценку трудностей (OOT). Мы выбрали SDQ в качестве показателя благополучия детей в условиях учреждения для детей-сирот, потому что это один из инструментов, наиболее широко используемых для оценки психического здоровья детей, и он чувствителен к результатам специализированной помощи, которую получает ребенок.

В анализе мы рассмотрели, в какой степени реализуется право детей, отделенных от родительской семьи, на участие в принятии решений, и проверили, с помощью критерия хи-квадрат, гипотезы о связи участия в принятии решений с полом, возрастом и психосоциальным благополучием ребенка, с траекторией попадания ребенка в детский дом, с институциональными условиями (наличие доверенного взрослого в детском доме, возможность обратиться за помощью к взрослому, коммуникация со взрослыми по вопросам прав детей и др.).

Результаты и обсуждение

На вопрос о том, прислушиваются ли взрослые к мнению респондента, когда принимают важные для него/нее решения, ответы распределились следующим образом: 35,4% детей сообщили, что всегда, 25,3% — почти всегда, 18,2% — иногда, 9,1% — редко, 10,1% — никогда. Не дали ответа 1,9% детей. Между городами обнаружилась статистически значимая вариация доли детей, сообщивших о том, что взрослые прислушивались к их мнению (табл. 1). Чаще всего к мнению детей прислушивались в Свердловской области, несколько реже в Республике Башкортостан и наиболее редко — в Санкт-Петербурге. Вероятно, эти различия объясняются отбором учреждений в каждом из трех регионов, но не институциональными различиями в вопросах обеспечения участия детей в принятии решений, поскольку ни в одном из них на момент проведения исследования не было специальной стратегии и плана по расширению участия детей в принятии решений, которое отличало бы этот регион от остальных.

Таблица 1

Опыт участия в принятии решений

Вопросы	Варианты ответа	СПб, %	РБ, %	СО, %	Все города, %	Хи-квадрат Пирсона	$p \leq$
Прислушиваются ли взрослые к твоему мнению, когда принимают важные для тебя решения?	«Всегда или почти всегда»	56,5	60,8	73,0	61,9	9,034	0,011
	«Иногда; редко; никогда»	43,5	39,2	27,0	38,1		

СПб — Санкт-Петербург; РБ — Республика Башкортостан; СО — Свердловская область.

В целях дальнейшего анализа мы дихотомизировали шкалу ответов об участии в принятии решений по медиане и разделили выборку на две группы: тех, чье мнение недостаточно часто было принято во внимание (ответы «иногда; редко; никогда»; 38,1% выборки), и тех, кто сообщил, что взрослые прислушиваются к их мнению «всегда» или «почти всегда» (61,9% выборки). В таблице 2 представлены результаты кросс-секционного анализа участия детей в принятии решений в зависимости от их личностных факторов, траектории попадания в детский дом, институциональных условий и знаний своих прав.

Половых различий в степени реализации права детей на участие в принятии решений мы не обнаружили (табл. 2). Участие происходило реже в случае детей младшего подросткового возраста и детей с симптомами эмоциональных и поведенческих расстройств (согласно результатам применения методики «Сильные стороны и трудности»). Траектория попадания ребенка в детский дом оказалась не связана с участием в принятии решений. Даже возраст (до или после 10 лет), в котором ребенок попал в детский дом, оказался не связан с оценкой ребёнком частоты участия в принятии решений, несмотря на то, что после 10 лет мнение ребенка должно быть принято во внимание при принятии решений согласно Семейному кодексу РФ.

Таблица 2

Условия участия детей в принятии решений

Вопросы	Варианты ответа	Прислушиваются ли взрослые к твоему мнению, когда принимают важные для тебя решения? %		% в целом по выборке	Хи-квадрат Пирсона	$p \leq$
		Всегда; почти всегда	Иногда; редко; никогда			
<i>Личностные факторы</i>						
Пол	Женский	45,9	48,2	46,7	0,260	0,338
	Мужской	54,1	51,8	53,3		
Возраст	До 14 лет	36,8	51,1	42,2	9,714	0,001
	14 и старше	63,2	48,9	57,8		
SDQ	Норма	86,6	69,1	80,1	21,937	0,000
	Пограничное состояние или отклонение	13,4	30,9	19,9		
<i>Траектория попадания ребенка в детский дом</i>						
Возраст, в ко- тором впервые оказался/лась в детском доме	До 10 лет	64,0	70,5	66,5	2,234	0,081
	10 и старше	36,0	29,5	33,5		

Таблица 2 (продолжение)

Вопросы	Варианты ответа	Прислушиваются ли взрослые к твоему мнению, когда принимают важные для тебя решения? %		% в целом по выборке	Хи-квадрат Пирсона	$p \leq$
		Всегда; почти всегда	Иногда; редко; никогда			
Количество детских домов, в которых побывал ребенок	Один	49,5	46,6	48,4	0,404	0,293
	Два и больше	50,5	53,4	51,6		
Сколько лет ребенок провел в детских домах	Менее 5 лет	40,6	46,6	42,8	1,957	0,377
	5–9 лет	41,0	39,1	40,3		
	10 и более	18,4	14,3	16,9		
Поддержание контакта с кровными родственниками	Не общается	4,5	5,6	4,9	0,286	0,372
	Контакт хотя бы с одним родственником	95,5	94,4	95,1		
«Знаешь ли ты, почему оказался/лась в детском доме?»	Я знаю, почему я оказался/лась в детском доме	70,4	58,4	65,9	7,911	0,048
	Кое-что знаю, но хотел/ла бы знать больше	10,9	13,7	12,0		
	Я не знаю, почему я попал/ла в детский дом	10,9	16,8	13,2		
	Не задумывался/лась об этом	7,7	11,1	9,0		

Таблица 2 (продолжение)

Вопросы	Варианты ответа	Прислушиваются ли взрослые к твоему мнению, когда принимают важные для тебя решения? %		% в целом по выборке	Хи-квадрат Пирсона	$p \leq$
		Всегда; почти всегда	Иногда; редко; никогда			
Институциональные факторы						
«Нравится ли тебе в этом детском доме: отношение к тебе взрослых»	Очень нравится, скорее нравится	84,3	63,5	76,4	28,594	0,000
	Затрудняюсь ответить, скорее не нравится, очень не нравится	15,7	36,5	23,6		
«Нравится ли тебе в этом детском доме: отношение к тебе сверстников»	Очень нравится, скорее нравится	77,3	58,3	70,1	20,459	0,000
	Затрудняюсь ответить, скорее не нравится, очень не нравится	22,7	41,7	29,9		
«Нравится ли тебе в этом детском доме: твоя комната/ группа»	Очень нравится, скорее нравится	73,2	60,6	68,4	8,823	0,002
	Затрудняюсь ответить, скорее не нравится, очень не нравится	26,8	39,4	31,6		
«Как часто ты бываешь за пределами детского дома и его двора/ площадки (кроме посещения школы)»	Один раз в неделю и чаще	81,9	65,1	75,5	17,819	0,000
	Реже одного раза в неделю	18,1	34,9	24,5		

Таблица 2 (окончание)

Вопросы	Варианты ответа	Прислушиваются ли взрослые к твоему мнению, когда принимают важные для тебя решения? %		% в целом по выборке	Хи-квадрат Пирсона	$p \leq$
		Всегда; почти всегда	Иногда; редко; никогда			
Опыт насилия в условиях детского дома*	Отсутствует	49,0	29,0	41,4	19,762	0,000
	Имеется	51,0	71,0	58,6		
«Если ребенка или подростка в твоём детском доме обидели, кто ему/ей может помочь?»	Выбран ответ «никто»	10,5	26,9	16,8	23,132	0,000
	Выбраны другие варианты ответа («взрослый», «другой ребенок»)	89,5	73,1	83,2		
«Есть ли у тебя взрослый в этом детском доме, которому ты доверяешь?»	Да	88,3	76,6	83,8	11,914	0,001
	Нет	11,7	23,4	16,2		
«Насколько тебе легко разговаривать с взрослыми в этом детском доме о вещах, которые действительно тебя беспокоят?»	Очень легко; скорее легко	64,6	33,5	52,8	47,234	0,000
	О чем-то легко, о чем-то трудно	26,6	44,7	33,5		
	Скорее трудно, очень трудно	8,8	21,8	13,7		
«Было ли за последний год так, что тебя отправили в больницу без твоего согласия?»	Да	7,3	15,5	10,4	8,435	0,003
	Нет	92,7	84,5	89,6		

* *Примечание:* Методологию оценки распространённости опыта насилия см.: Одинокова и др. 2017: 138.

Дети, которые сообщили о том, что взрослые прислушивались к их мнению, были лучше информированы о причинах, почему они попали в детский дом.

Все изученные нами институциональные факторы оказались статистически значимо связаны с участием детей в принятии решений. Дети, которые были ограничены от участия в принятии решений, менее удовлетворены условиями жизни в детском доме с точки зрения отношений со взрослыми и другими детьми, и своей комнатой. Они реже выходят за пределы детского дома и чаще сообщают о том, что подвергались насилию в стенах учреждения. При этом в ответ на вопрос «Если ребенок или подростка в твоём детском доме обидели, кто ему/ей может помочь?» они чаще сообщают, что им никто не поможет. Они чаще сообщают о том, что у них нет взрослого в детском доме, которому они доверяют, и что им трудно заговорить с взрослыми в детском доме о вещах, которые их беспокоят. Кроме того, дети, ограниченные от участия в принятии решений, чаще сообщали о недобровольной госпитализации.

Информирование детей об их правах было статистически значимо связано с положительной оценкой детьми своего участия в принятии решений (таблица 3).

Таблица 3

Информирование детей об их правах

Вопросы	Варианты ответа	Прислушиваются ли взрослые к твоему мнению, когда принимают важные для тебя решения? %		% в целом по выборке	Хи-квадрат Пирсона	$p \leq$
		Всегда; почти всегда	Иногда; редко; никогда			
Слышал ли ребенок об Уполномоченном по правам детей	Да	66,7	45,8	58,7	21,069	0,000
	Нет	66,7	45,8	58,7		
«Слышал/ла ли ты о том, что дети обладают особыми правами?»	Да	27,9	50,3	36,3	24,079	0,000
	Нет	72,1	49,7	63,7		

Таблица 3 (окончание)

Вопросы	Варианты ответа	Прислушиваются ли взрослые к твоему мнению, когда принимают важные для тебя решения? %		% в целом по выборке	Хи-квадрат Пирсона	$p \leq$
		Всегда; почти всегда	Иногда; редко; никогда			
Взрослые, с которыми ребёнок обсуждал свои права	Воспитатель	72,9	53,9	67,3	10,277	0,001
	Социальный педагог	52,8	29,2	45,9	14,088	0,000
	Родственники	28,0	25,8	27,4	0,152	0,405
	Директор	32,2	21,3	29,0	3,620	0,037
	Сотрудники органов опеки	21,0	23,6	21,8	0,363	0,243

Дети, которые знают о существовании Уполномоченного по правам детей и об особых правах ребенка, чаще сообщали, что взрослые прислушивались к их мнению. Чаще всего мнение ребенка принималось во внимание, если он/она обсуждал/ла свои права с воспитателем и социальным педагогом. Обсуждение своих прав с представителями органов опеки не было статически связано со степенью участия детей в принятии решений. Этот вопрос требует более углубленного изучения практик отделения ребенка от родительской семьи и учета мнения ребенка в этих вопросах, поскольку в силу своей профессиональной позиции органы опеки обеспечивают соблюдение прав детей, в том числе и права на участие в принятии решений.

Заключение

Результаты исследования показывают, что двое из пяти детей в возрасте 10 лет и старше, находящихся в детском доме, считают, что его/ее мнение не было услышано при принятии решений, затрагивающие интересы ребенка. Мнение ребёнка принимается во внимание чаще, если он достиг старшего подросткового возраста и у него нет симптомов эмоциональных и поведенческих расстройств.

Обнаруженная нами связь между участием в принятии решений и психосоциальным благополучием может быть объяснена двояко. С одной стороны, взрослые могут иметь тенденцию принимать решения за детей, у которых отмечается нестабильное эмоциональное состояние и поведенческие нарушения и допускать до обсуждения жизненных планов детей с лучшим психическим здоровьем.

Причины, по которым специалисты имеют разные приоритеты и отношение к участию детей, возможно, имеют отношение к более широким убеждениям о роли и месте детей в обществе, которые изменяются во времени и представляют собой континуум между убеждением в том, что взрослые лучше знают, как поступить во имя наилучших интересов детей (патернализм), и тем, что дети должны быть наделены ответственностью и возможностью принимать решения и испытывать последствия этих решений (либерализм). Сама система социальной защиты детей в совокупности ее контекстов и процедур может быть совершенно не «дружественной по отношению к детям» (child friendly) (Vis et al. 2012). С этой точки зрения дети младшего возраста и с расстройствами психического здоровья наиболее подвержены воздействию патернализма.

С другой стороны, возможность быть услышанным может быть самостоятельным фактором, который способствует поддержанию психического здоровья ребенка (Vis et al. 2011), помогает ему ориентироваться в том, что с ним происходит, и справляться со стрессом, вызванным отделением от родительской семьи. В нашем исследовании дети, участвующие в принятии решений, обладали лучшим пониманием причин, по которым они оказались в детском доме.

В исследовании Van Bijleveld, Dedding, and Bunders-Aelen (2015), которое было посвящено барьерам обеспечения участия детей в системе социальной защиты, показано, что личные отношения между специалистом, ведущим случай, и ребёнком являются критическим фактором для обеспечения участия детей. В нашем исследовании наличие доверенного взрослого, возможность обратиться за помощью в условиях детского дома и обсуждение прав с социальным педагогом была связана с включенностью детей в принятие решений.

Как и в зарубежных исследованиях, мы обнаружили корреляцию опыта насилия и степени участия детей в принятии решений. Конечно, корреляция не позволяет устанавливать причинно-следственную связь: подверженность насилию и ограниченные возможности участия в принятии решений могут иметь общие причины, обуславливающие эту корреляцию. С другой стороны, Coccozza et al. (2006) показали, что ограничение возможности ребенка быть услышанным снижает

вероятность того, что насилие станет известно специалистам, так как детям, у которых нет опыта участия в принятии решений, сообщить взрослым о том, что происходит что-то неправильное, крайне трудно. Это также может быть объяснением полученной корреляции. Полученные нами данные показывают важность принятия во внимание перспективы ребенка с точки зрения профилактики насилия в учреждениях для детей-сирот.

Объем и эффективность участия детей, в значительной степени зависит от профессиональных установок специалистов, работающих с ними (Van Bijleveld et al. 2015; Cossar et al. 2016). Есть три основных типа препятствий для обеспечения участия детей в принятии решений: недостаток навыков коммуникации с детьми, участие не рассматривается специалистами как необходимое, и убежденность специалиста в том, что участие может навредить ребенку (Vis et al. 2012).

Таким образом, основные направления повышения участия детей, оказавшихся в поле системы социальной защиты, — это повышение информированности специалистов, развитие у них навыков успешной коммуникации с детьми по вопросам реализации их права на участие в принятии решений и обеспечение их эффективными методами повышения участия детей. В число таких эффективных методов входят практика «детского адвоката», участие ребенка в заседаниях и мероприятиях, на которых обсуждаются решения, затрагивающие его или ее интересы, документирование мнения ребенка в письменной форме, семейные конференции (Kennan et al. 2018).

Наше исследование показывает, что в обеспечении участия детей в принятии решений есть пробелы и эти пробелы могут значительно ограничить эффективность помощи детям. Практика работы с детьми, отделёнными от родителей, должна выходить за границы простой риторики и обеспечивать их участие в той мере, в которой проявится позитивное влияние участия в принятии решений на развитие ребенка и его дальнейшую судьбу.

Источники

Калабихина И. Е., Кучмаева О. В. Проблемы и перспективы мониторинга участия детей в реализации «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 4. С. 507–520.

Одинокова В. А., Русакова М. М., Усачёва Н. М. Опыт оценки благополучия детей в учреждениях для детей-сирот // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2 (138). С. 129–144.

Рубцов В. В., Шведовская А. А., Дубовик А. С., Семья Г. В. Об основных результатах мониторинга первого этапа реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21, № 1. С. 30–66.

Филипова А. Г. Детство в фокусе отечественных социологических исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 1 (41). С. 80.

Van Bijleveld G. G., Dedding C. W. M., Bunders-Aelen J. F. G. Children's and young people's participation within child welfare and child protection services: a state-of-the-art review // Child & Family Social Work. 2015. Vol. 20, No. 2. С. 129–138.

Cocozza M., Gustafsson P. A., Sydsjö G. Child protection in Sweden: Are routine assessments reliable? // Acta paediatrica. 2006. Т. 95, № 11. С. 1474–1480.

Cossar J., Brandon M., Jordan P. You've got to trust her and she's got to trust you: children's views on participation in the child protection system // Child & Family Social Work. 2016. Vol. 21, No. 1. С. 103–112.

Goodman R., Slobodskaya H., Knyazev G. Strengths and Difficulties Questionnaire [Электронный ресурс]. 2005. URL: <http://www.sdqinfo.com> (дата обращения: 07.05.2019).

Kennan D., Brady B., Forkan C. Supporting children's participation in decision making: A systematic literature review exploring the effectiveness of participatory processes // The British Journal of Social Work. 2018. Vol. 48, No. 7. С. 1985–2002.

Qvortrup J., Corsaro W. A., Honig M. S., Valentine G. (Eds.). The Palgrave handbook of childhood studies. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.

Ten Brummelaar M. D., Harder A. T., Kalverboer M. E., Post W. J., Knorth E. J. Participation of youth in decision-making procedures during residential care: A narrative review // Child & Family Social Work. 2018. Vol. 23, No. 1. С. 33–44.

Vis S. A., Holtan A., Thomas N. Obstacles for child participation in care and protection cases — why Norwegian social workers find it difficult // Child Abuse Review. 2012. Vol. 21, No. 1. С. 7–23.

Vis S. A., Strandbu A., Holtan A., Thomas N. Participation and health — a research review of child participation in planning and decision-making // Child & Family Social Work. 2011. Vol. 16, No. 3. С. 325–335.

References

Van Bijleveld G. G., Dedding C. W. M., Bunders-Aelen J. F. G. Children's and young people's participation within child welfare and child protection services: a state-of-the-art review. *Child & Family Social Work*, 2015, vol. 20, no 2, pp. 129–138.

Cocozza M., Gustafsson P. A., Sydsjö G. Child protection in Sweden: Are routine assessments reliable? *Acta paediatrica*, 2006, vol. 95, no. 11, pp. 1474–1480.

Cossar J., Brandon M., Jordan P. You've got to trust her and she's got to trust you: children's views on participation in the child protection system. *Child & Family Social Work*, 2016, vol. 21, no. 1, pp. 103–112.

Filipova A. G. Detstvo v fokuse otechestvennyh sotsiologicheskikh issledovaniy [Childhood in the focus of domestic sociological research]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Bulletin of Nizhny Novgorod University. NO Lobachevsky. Series: Social Sciences], 2016. no. 1 (41), pp. 80. (In Russian)

Goodman R., Slobodskaya H., Knyazev G. *Strengths and Difficulties Questionnaire*. 2005. URL: <http://www.sdqinfo.com> (access date: 07.05.2019).

Kalabihina I. E., Kuchmaeva O. V. Problemy i perspektivy monitoringa uchastiya detey v realizatsii "Natsional'noy strategii deystviy v interesah detey na 2012–2017 gg." [Problems and prospects of monitoring the participation of children in the implementation of the "National Action Strategy for Children for 2012–2017"]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 2016, vol. 14, no. 4, pp. 507–520. (In Russian)

Kennan D., Brady B., Forkan C. Supporting children's participation in decision making: A systematic literature review exploring the effectiveness of participatory processes. *The British Journal of Social Work*, 2018, vol. 48, no. 7, pp. 1985–2002.

Odinokova V. A., Rusakova M. M., Usachyova N. M. Opyt otsenki blagopoluchiya detey v uchrezhdeniyah dlya detey-sirot [Experience in assessing the well-being of children in institutions for orphans]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 2017, no. 2 (138), pp. 129–144. (In Russian)

Qvortrup J., Corsaro W. A., Honig M. S., Valentine G. (Eds.). *The Palgrave handbook of childhood studies*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2009.

Rubtsov V. V., Shvedovskaya A. A., Dubovik A. S., Sem'ya G. V. Ob osnovnykh rezul'tatakh monitoringa pervogo etapa realizatsii Natsional'noy strategii deystviy v interesah detey na 2012–2017 gody [On the main results of monitoring the first stage of the implementation of the National Action Strategy for Children for 2012–2017]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2016, vol. 21, no. 1, pp. 30–66. (In Russian)

Ten Brummelaar M. D., Harder A. T., Kalverboer M. E., Post W. J., Knorth E. J. Participation of youth in decision-making procedures during residential care: A narrative review. *Child & Family Social Work*, 2018, vol. 23, no. 1, pp. 33–44.

Vis S. A., Holtan A., Thomas N. Obstacles for child participation in care and protection cases — why Norwegian social workers find it difficult. *Child Abuse Review*, 2012, vol. 21, no. 1, pp. 7–23.

Vis S. A., Strandbu A., Holtan A., Thomas N. Participation and health — a research review of child participation in planning and decision-making. *Child & Family Social Work*, 2011, vol. 16, no. 3, pp. 325–335.

Русакова Майя Михайловна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Rusakova Maia M., Ph.D. in Sociology, Senior Research Scientist, Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS.
maia@ngostellit.ru

Одинокова Вероника Александровна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Odinokova Veronika A., Ph.D. in Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS.
veronika.odinokova@gmail.com

Н. С. ГАЛУШИНА

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ О СИРОТСТВЕ: КЛЮЧЕВЫЕ КАТЕГОРИИ И СТРУКТУРЫ

При анализе интервью с молодыми людьми, имеющими опыт сиротства, выявлен особый тип нарративной стратегии представления своей жизни — биография как преодоление. Сиротство репрезентируется через имплицитные повествованию категории, в первую очередь «бессубъектности», которая предстает как неспособность принимать самостоятельные решения, отсутствие понимания происходящего, отсутствие или неполнота права собственности и распоряжения личным имуществом и т. д. Помимо этого повествования фиксируют категорию «бездомности» и сложно структурированную в сознании респондентов категорию «родства». Преодоление трактуется как приобретение субъектности через получение профессионального образования, обретение собственного дома, «примирение» (часто мнимое) с кровными родителями. Особенную роль в силу возраста и социальной ситуации респондентов играет начало профессиональной деятельности, которое отчасти и задает выбор названной стратегии.

Ключевые слова: нарратив, биографическая работа, преодоление, сиротство, бессубъектность, родство, бездомность, травма.

GALUSHINA NATALIA S.

AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVE ON ORPHANHOOD: KEY CATEGORIES AND STRUCTURES

The analysis of interviews with young people who have orphan experience reveals a special type of narrative strategy of presenting their lives — biography as overcoming. The orphanhood is represented through implicit narrative categories. The main is “lack of agency”, which appears as the inability to make independent decisions, lack of understanding, lack or incompleteness of ownership rights and disposition of personal property, etc. Also, the narratives show the category of “homelessness” as well as an extremely complex category of “kinship”. Overcoming can be understood as the acquisition of agency through vocational education, getting your own home, “reconciliation” (often imaginary) with blood parents. Due to the age and social situation of the respondents, the beginning of professional activity partly determines the choice of the identified narrative strategy.

Keywords: narrative, biographical work, overcoming, orphanhood, lack of agency, kinship, homelessness, trauma.

Развитие социально-гуманитарного знания второй половины XX — начала XXI в. ознаменовалось рядом познавательных поворотов. Наиболее признанные — лингвистический и связанный с ним культурный повороты. Метафора «поворота» стала удобным инструментом описания изменения методологических установок или, точнее, угла зрения, под которым рассматриваются иногда привычные объекты. Так, Дорис Бахманн-Медик выделяет семь «культурных поворотов»: интерпретативный, перформативный, рефлексивный, постколониальный, переводческий, пространственный и пикториальный (иконический) (Бахманн-Медик 2006). При том, что в той или иной степени биографические исследования осуществлялись в мировой социологии на протяжении всего XX в. (Рождественская 2012: 5–18), всплеск интереса к индивидуальным историям — биографиям и автобиографиям, мемуарам, дневникам и иным эго-документам — на рубеже XX и XXI вв. стал настолько заметен, что также получил название «поворота» — биографического (Chamberlayne 2000). В российской науке интерес к биографическим исследованиям довольно высок: от библиографических обзоров (Рогозин 2015) до исследования методологии (Рождественская 2012), а также конкретные исследования в различных областях: религиозности (Островская 2016), гендера (Здравомыслова, Темкина 2007), миграции (Сушко 2016) травматического опыта (Рождественская 2012: Гл. 5) и других.

Наряду с тем значением, которое обращение к историям жизни и фактам индивидуальных биографий имеет для понимания современного индивидуализированного общества (Рустин 2002), следует отметить и тот смысл, который биографический метод имел еще в момент его формирования в русле Чикагской школы: «...именно биографический метод, биографический нарратив, изучение жизненных историй обрели статус надежного инструментария для изучения социокультурной инаковости, труднодоступных групп населения, терминально больных пациентов и др.» (Островская 2016). К подобным группам, на наш взгляд, можно отнести и детей, оставшихся без попечения родителей.

В исследовании сиротства обращение к личным историям людей, имеющих «опыт сиротства», имеет несколько принципиальных смыслов.

Во-первых, в обсуждении сиротства как социальной и гуманитарной проблемы сами сироты практически не имеют собственного «голоса». Частично рассказ о сиротстве «от первого лица» реализуется

в автобиографической литературе (Р. Гальего Гонсалес, А. Гезалов), частично, в условиях информационной среды «новых» медиа, в форме, например, блога. Тем не менее это скорее исключение, чем правило, и в первую очередь в пространстве обсуждения проблем детей, оставшихся без попечения родителей, заметны позиции государственных функционеров, представителей общественных организаций, экспертов, журналистов. Становится заметнее участие приемных родителей и усыновителей — также в основном благодаря социальным сетям и другим «новым медиа». Сами же дети остаются скорее *объектом* дискуссий, эмоциональных реакций, правовых инициатив и т. д.

Во-вторых, если проблематизировать понятие «опыт» — в данном случае, «опыт сиротства» — то возникает вопрос, как этот опыт встраивается в картину мира сироты, каким образом переживается, насколько тотален. Такую постановку можно назвать выстраиванием антропологии сиротства.

Исследование, легшее в основу данной статьи, строилось на основе анализа текстов глубинных интервью молодых людей от 17 до 23 лет¹, имевших опыт проживания в детских учреждениях и/или принимающих семьях, с помощью методов культурологии и качественной социологии (обоснованная теория, дискурс-анализ, нарративный анализ) в контексте традиции «понимающей» социологии, ориентированной на выявление и интерпретацию индивидуальных смыслов социальных действий.

Интервью брались Т. Д. Панюшевой, психологом Фонда «Волонтеры в помощь детям-сиротам», человеком, хорошо знакомым респондентам. Задачей интервьюирования было получить истории, отражающие опыт сиротства молодых людей. Таким образом, в результате был получен ряд нарративов — «повествований», в которых разворачивается некоторое действие и которые могут быть проанализированы как с содержательной, так и с формальной точек зрения.

Все респонденты² (пяти интервью) — социальные сироты. Одна из респонденток — Ника — формально не является сиротой, однако в сложной жизненной ситуации не получала поддержки от семьи. По сути речь здесь идет о «скрытом» социальном сиротстве (Сушко 2009).

¹ Тексты интервью в частично обработанном виде, представленные Т. Л. Панюшевой, опубликованы в: Без родителей... 2019: Гл. 5.

² Таня, Владимир, Наташа, Ника, Полина — вымышленные имена, под которыми опубликованы интервью и на которые я буду ссылаться в дальнейшем.

Анализ нарративов опирался на несколько базовых вопросов:

1) из каких элементов состоит повествование — иными словами, какие эпизоды отбираются, о чем респонденты считают важным сообщить;

2) какой логикой связаны данные элементы, какова структура повествования;

3) какова позиция нарратора (что представляет собой нарративное «Я»)?

* * *

Работа с транскриптами интервью происходила следующим образом: текст повествования разбивался на фрагменты (секвенции), границы которых определяются границами биографических эпизодов или же логическими или интонационными границами. Эпизоды кодировались с точки зрения содержащихся в них проблем и смыслов (открытое кодирование). Затем эпизоды со схожей кодировкой сопоставлялись, уточнялись и раскрывались категории, с помощью которых осуществлялось кодирование (осевое кодирование). После этого выбирались наиболее значимые эпизоды и обобщались в наиболее абстрактные категории (выборочное кодирование). В результате были получены наиболее принципиальные темы и категории, через которые раскрывается опыт сиротства, представленный респондентами.

Так, ключевой категорией, описывающей негативный опыт, является «**бессубъектность**» (Без родителей... 2019: Гл. 4). Обращает на себя внимание, что в тех ситуациях, когда субъектность ребенка (а иногда и взрослого) наиболее ограничена, в речи респондентов используется страдательный залог.

В первую очередь, это характерно для секвенций, связанных с описанием *изъятия детей из семьи* и помещением в детский дом:

Как забирали из дома: помню, машина приехала. <...> Нас всех собрали, посадили в машину. Собирали не родители, а приехавшие незнакомые дяди-тети. Нам дали игрушки, когда мы сидели в машине. Развлекли нас как-то, наверное. Нам никто ничего не объяснял. <...> Потом нас переводили. Дали кушать. Играли с нами. Мы поняли, что это другой мир уже какой-то [Таня].

И меня, соответственно, забрали. Не сказали им, куда меня забрали, что со мной вообще будет. И в интернат меня поселили [Наташа].

Тут я приезжаю: у меня забирают всю одежду, моют, стригут и выдают точно такую же одежду, как у всех вокруг. Никто ничего не объясняет: милиция отвезла в детскую комнату милиции. Я очень долго там сидел, меня посадили за компьютер какие-то шарики тыкать. Потом привезли в этот приют и все. Где-то неделю еще я жил в этом приюте, а дальше на месяц меня отправляют в больницу. <...> Тебя, грубо говоря, от сиськи матери забрали, непонятно куда опустили, потом еще черт знает на сколько в больницу отправили, к тебе туда никто не приезжает [Владимир].

В детский дом меня тогда, в детстве, отправила крестная, потому что родную маму положили в больницу. Я жила у соседей несколько недель, а потом меня отправили в детский дом [Полина].

Второй большой сюжет — «*возвраты*» (ситуации, когда усыновленных или взятых под опеку детей приемные родители возвращают обратно в детские учреждения):

Им это не понравилось, и они меня вернули, мне кажется. Ничего не объяснили, просто помню, я вернулась обратно. Сама решила, что вернули из-за характера [Наташа].

И я помню, что оттуда тоже меня вернули, тоже я чем-то не понравилась. Почему не сказали (может, я не помню, я же маленькая была) [Наташа].

Кроме страдательного залога, относящегося скорее к автоматизмам использования языковых средств, в приведенных выше цитатах присутствует рефлексия относительно собственной бессубъектности, выражающаяся в фиксации непонимания происходящего и отсутствия каких-либо адресованных ребенку (и иногда взрослым) объяснения: «никто ничего не объяснял» (тройное отрицание в одной фразе), «не сказали».

Ты не знаешь, куда, что и почему. И хорошо, если ты совсем маленький и об этом не задумываешься, а задумываешься о том, как поиграть там, еще что-то. Если ты старше, то ты не в понятиях, что, как и почему. И не то чтобы не думаешь о будущем — вообще все непонятно [Владимир].

Интересно, что и ситуация *принятия ребенка в семью* — казалось бы, позитивная — характеризуется по большей части бессубъектностью:

Чуть-чуть там пожила, а потом семья пришла и меня забрала. Пришла женщина, которая забрала меня и мою сестру — только девочнок, двоих. Она никогда не отдавала нас обратно, в этой семье я живу до сих пор [Таня].

Она меня летом забрала из дома отдыха, и мы поехали к ней на дачу. Осенью она отправляет меня в школу с углубленным изучением английского языка [Владимир].

Даже в интервью Полины, чей опыт выглядит наименее травматичным, пассивное состояние ребенка проявляется и семантически, и синтаксически: «меня взяли в семью», «во время знакомства я вообще не понимала, что происходит, не осознавала» «меня взяли погулять». Однако для «благополучной» Полины это краткое описание в страдательном залоге быстро сменяется субъектной позицией:

Один-два раза мы гуляли, потом я съездила в гости на дачу, потом в гости в квартиру, а уже потом я переехала насовсем. Только постепенно я поняла, что произошло, и привыкла. После переезда я довольно быстро стала называть маму мамой [Полина].

Лишение субъектности происходит не только в ситуации изъятия из семьи. Это одна из характерных черт *пребывания ребенка в детском доме*:

На высоких полках стояли куклы красивые. И нам давали в них играть, только когда приезжали какие-то там... телевидение. Доставали этих кукол, одевали нас в красивую одежду, доставали нам новые красивые платья, бантики. Доставали все эти куклы, разрешали нам в них играть.

Ограничение возможности играть в игрушки можно считать проявлением ограничения собственности. Эта практика распространяется не только на детей, живущих в интернатном учреждении (Наташа), но и на взрослых, находящихся в кризисном центре при детском доме (Ника):

Один раз, у них была там большая кладовка, она (воспитатель. — Н. Г.) забрала все (новогодние. — Н. Г.) подарки, и когда мы на следующее утро встали, мы обнаружили просто, что все подарки наши вскрыты, и там половины конфет нету. То есть она просто забрала себе домой все, что ей захотелось [Наташа].

Один раз я прихожу из института, и одна из воспитателей все мои вещи из шкафа вытащила и по-своему переложила. Мне было ОЧЕНЬ неприятно, у меня там были личные вещи. Просто вот вытряхнула... А там у меня личные дневники, личные записи. Просто даже в трусах копать... Мне было очень неприятно оттого, что там лежат мои записи... [Ника]

Лишение собственности, являющееся по сути ограничением субъектности, может происходить и в принимающей семье (в целом,

ограничение в собственности до сих пор рассматривается в быту как одна из наиболее эффективных воспитательных — точнее, репрессивных — родительских практик):

Мама (приемная. — Н. Г.) говорит: «Отдай свою шкатулку с украшениями». А мне так обидно, я не хочу шкатулку эту отдавать. Там столько всего было собрано со всех моих поездок. Кто-то мне что-то дарил. Это такая большая память. И я просто сказала: «Я не отдам, мне все равно, что Вы скажете» [Наташа].

Бессубъектность связана и с ограничением перемещений, с границей, отделяющей детский дом от остального мира. В интервью Тани есть эпизод, в котором навестить ее в детском доме приходит отец, однако его «не впустили» за ворота, которые выступают материальным выражением границы, которую невозможно пересечь по собственной воле. Ника, заступившись за одну из обитательниц детского дома, оказалась вместе с ней буквально выставленной персоналом за дверь. Таня описывает прогулку с будущей приемной мамой «даже куда-то далеко за территорию».

Еще одной категорией описания сиротского опыта, на которой хотелось бы остановиться, является «**бездомность**». Эта категория в нарративной реальности наших источников устроена довольно сложно. Сразу хотелось бы избежать эмоциональных и моральных коннотаций слова «бездомность» в нашей культуре: в данном контексте оно означает не более чем «отсутствие дома», что нуждается в дальнейшем пояснении.

Понятие «дом» включает не менее двух измерений — с одной стороны, взаимно дополнительных, а с другой — не сводимых друг к другу (как в английском языке «house» и «home»). С одной стороны, «дом» как место индивидуального проживания человека или семьи (фактически это, как правило, квартира) противопоставляется детскому интернатному учреждению как месту коллективного проживания под надзором персонала.

В контексте жизни детей, оставшихся без попечения родителей, факт обретения собственного «дома» связан с наступлением совершеннолетия, когда такой человек должен получить от государства собственное жилье. Так что обретение «дома» — практически неизбежная часть биографии сироты.

В семью сначала забрали меня с сестрой. Потом, в 14–15 лет, забрали в семью моего старшего брата Р. Его забрали в Америку, американская

семья. <...> Там детям по окончании (при выпуске) выдают не квартиру, а целый дом.

С другим моим братом получилась так, что в семью его отдавали, но у него не складывалось. <...> Выпустился он, в конце концов, из детского дома, живет уже несколько лет в собственной квартире;

Мечты: шеф-поваром стать... в квартиру свою переехать в ближайшее время... Есть мечта встретить какого-то молодого человека и начать свою собственную семейную жизнь [Таня].

В некоторых случаях обретение собственной квартиры ожидается именно как важнейший рубеж, знаменующий полное обретение субъектности.

Так, Наташа, чей в высокой степени травматичный опыт призывает ее максимально дистанцироваться от людей (в том числе проявляющих заботу), рассказывая о проживании в гостевом режиме у одной из воспитательниц, производит дискурс, в котором можно увидеть противопоставление связанной с заботой и опекой «домашности» самостоятельному «жилью». Характерно многократное использование слова «квартира» в относительно небольшом фрагменте повествования:

До сих пор Лена пытается меня воспитывать. Я для нее реально маленький ребенок. Я к ней пошла в связи с расформированием детского дома пережить год до получения своей квартиры. Она должна была понимать это и ей изначально так и сказали. <...> До квартиры уже не так долго, но трудно... <...> Я боюсь то, что Лена, она очень одинокий человек, она очень боится того, что я уеду жить в свою квартиру. <...> ...конечно, она захочет мне помочь с квартирой, я знаю, что поддержка ее будет, что она не бросит меня. При этом при всем ей будет приятно, если с квартирой будут маленькие задержки. <...> Хотя всего пара месяцев до 18-летия, до квартиры [Наташа].

Интересно, что даже в случае с Полиной, максимально интегрированной в приемную семью, «собственная квартира» и «приемная семья» в некотором смысле противопоставлены:

Живу я отдельно в своей квартире, но со своей патронатной семьей поддерживаю отношения [Полина].

С другой стороны, «дом» является местом реализации «домашнего» — особых отношений, особого образа жизни, приватности, привязанности. Именно с этим пониманием дома связаны формулировки

«домашний уют», «домашний ребенок» (в противопоставлении «дет-домовцу» или «уличному ребенку»), вернуться «домой». Жизненный опыт сирот далеко не всегда позволяет в ходе социализации в полной мере освоить этот пласт культурных значений. Нередко обретение собственного жилья воспринимается как некоторая проблема, поскольку умение жить в собственном «доме» молодым человеком не освоено:

А потом тебе дают квартиру, ты выходишь, ты вот так приезжаешь в эту квартиру, сидишь и думаешь — а ведь никто не зайдет. И ломка начинается оттого, что тебе не хватает этого общения [Владимир].

Пока ребенок недостаточно интегрирован в семью, «дом» приемной семьи также воспринимается им в первую очередь как «жилье». Наташа, вспоминая о семьях, в которых ей довелось побыть очень недолго (из обеих семей ее вернули в детский дом), описывает в первую очередь жилое пространство, для Тани момент переезда также связан с образом квартиры:

Там были дома — у них же частные дома у всех. Они все трехэтажные, и там винтовая лестница.

Помню, у нее была большая красивая квартира, трехкомнатная, с огромным коридором, по которому я обожала в носках кататься. Большая ванная, духи (тетины) — мне все это нравилось... она мне купила большой домик Барби... Киска у нее жила... Кухня красивая со стойкой барной... Я всю до мелочей помню эту квартиру, расположение комнат: где ее, где моя, где... [Наташа].

Когда переехали в семью: все в этой квартире казалось странным, необычным. «Что, я буду здесь жить?» [Таня].

Вспоминая жизнь в детском доме, Таня также описывает его преимущественно как место/пространство:

Там была еще игровая, в которой мы очень любили сидеть, там был басейн с шариками. Еще мне очень нравился внутренний дворик с детской площадкой. Там мы тоже любили сидеть, гулять. В общем, мне приятно было там находиться. Еще помню, что на каком-то этаже были растения (типа зимнего сада что-то), и там, где они стояли, был интересный пол — стеклянный, прозрачный, сквозь него другой этаж было видно. Мы все боялись на него вставать [Таня].

Следует отметить, что Таня в воспоминаниях о детском доме ограничивается этими впечатлениями, описывая их как очень позитивные

и утверждая, что детский дом был очень хорошим, лучшим из возможных. Однако о жизни, протекающей в этих стенах, она не упоминает (точнее — умалчивает). В то время как Полина, например, рассказывая о детском доме, останавливается именно на социальных отношениях, которые у нее сложились благополучно и, можно сказать, «по-домашнему»:

Но лично у меня не было таких ситуаций, что кто-то обижал меня в детском доме <...>. Старшие меня очень полюбили, хорошо ко мне относились. Уже потом меня переселили в другую комнату к моим ровесницам, но и там все жили дружно. Воспитатели хорошо к нам относились, помогали по школе [Полина].

При продолжительной жизни в семье и «освоении» как физического, так и социального пространства может сформироваться категория «домашнего». В представленных интервью распознать ее не всегда просто. Рассуждений на тему «дом, милый дом» у детей, изъятых из родительской семьи, проживавших в условиях детского учреждения, принятых в чужие им семьи и иногда отвергнутых этими семьями, вероятно, и не может быть. Тем ценнее фрагменты, в которых респонденты «проговариваются» об этом. Так, Таня рассказывает, как в силу обстоятельств однажды ей пришлось пробыть в детском доме полдня:

Но пока я побывала там это недолгое время — просилась домой.

Наташа в рассказе о благополучном периоде жизни в приемной семье дружила с мальчиком из школы:

Мы гуляли с ним, и он меня до дома провожал всегда на метро.

Следует отметить, что «домашнее» далеко не всегда является идиллическим:

Я убегал — дома нечего есть, дома пьяные родители, которые, там, бьют... [Владимир].

Забирают детей из родительских семей тоже «из дома». Выгоняют (как Наташу приемная семья) «из дома». Во всех этих случаях «дом» — не только «место», но и среда, пусть нездоровая, но обжитая, привычная. В интервью Тани и Полины (благополучное пребывание в приемных семьях) упоминания дома встречаются наиболее часто: выбор кулинарного колледжа Таня обосновывает тем, что часто готовила *дома*; рассказывая о жизни в приемной семье, упоминает,

что *дома* еще не было интернета. Полина *дома* рассказывает сестре, а потом маме (приемной) о появлении «родной» матери в школе. Этот способ говорить о жизни значительно ближе к «нормальному» — характерному для благополучной семейной социализации.

Таким образом, под «бездомностью» можно понимать, с одной стороны, неполную сформированность категории «домашнего», а с другой — отсутствие собственного жилья как индивидуальной собственности, зоны приватности и места разворачивания личной жизни.

Один из важнейших мотивов, который присутствует в нарративе, это мотив «**родства**». Это одна из наиболее сложных категорий, которая требует отдельного и довольно глубокого изучения, однако уже на основании этих интервью можно отметить несколько очень важных позиций.

Дискурс родства размыт в рассказах респондента. Один из главных примеров, это обращение к категории «мама». Обращение к приемной матери «мама» рассматривается как высочайшая степень доверия к ней.

И Таня, и Полина демонстрируют готовность и близость отношений с приемными матерями через то, что они обращаются к ним именно «мама». Причем в случае с Таней это происходит не сразу, а спустя длительное время после помещения в семью, а сестра Тани и вовсе не преодолевает эту границу интимности.

После переезда я довольно быстро стала называть маму мамой [Полина].

«Мамой» мы не сразу стали ее называть, сначала называли «тетей». Кажется, я чуть ли не в 15 лет впервые сказала: «Ма-а-ам!». Она так обрадовалась! Ей очень приятно это было. Не могла как-то сразу мамой назвать. <...> Старшая сестра никогда не называла ее мамой. Она даже до сих пор ее тетей называет. Но у нее уважение к ней огромное! Может быть, она просто не может... [Таня].

Наташа, рассказывая о приемной матери, в семье которой она прожила с 7 до 12 с половиной лет, несмотря на крайне болезненный разрыв и позднейшее решение прервать какие-то ни было контакты, употребляет исключительно слово «мама» (детей приемной матери называет «брат» и «сестра», так же как и Полина).

Обращение «мама» является в каком-то смысле сакральным. При этом за биологической матерью сохраняется определение «мама», нигде не говорится «мать». Причем о биологической матери те

респонденты, которые ее упоминают, говорят «родная мама». Употребление слова «родная» в этом контексте чрезвычайно значимо. Для сравнения, в дискурсе, производимом приемными родителями/усыновителями, с понятием «родной» обходятся совершенно иначе. Понятие «родной» (в первую очередь, «родной ребенок») — это оценочная категория, выразитель близости, готовности рассматривать ребенка как своего, и в этом смысле она распространяется и на приемного ребенка тоже. Для того чтобы отделить приемных детей от детей, родившихся в семье, приемные родители используют в отношении последних слово «кровный». Объединение кровных детей и приемных детей происходит благодаря использованию категории «родной». Для обозначения матери приемного ребенка в дискурсе приемных родителей используется либо словосочетание «кровная мать», либо, что чаще — «биологическая мать». Очевидно, что понятие «биологическая» в данном случае объективирует связь между матерью и ребенком, выводит на уровень общепсихологической константы и лишает интимного наполнения и тех эмоциональных коннотаций, которые могут содержаться в понятии «кровный». Таким образом происходит интересное распределение: «кровные дети» (позитивная коннотация) и приемные дети объединяются в категорию «родные дети», в то время как родители приемного ребенка определяются как «биологические».

Для наших респондентов здесь появляется пространство для смысловой неопределенности. Понятий «кровная» и «биологическая» мать для них не существует, для них это «родная мама». Возникает странный эффект, когда человек, который родил ребенка и его же бросил или довел ситуацию до изъятия ребенка из семьи, все-таки называется «родная мама».

Второй момент — разделение или неразделение кровных или приемных братьев и сестер. Это особенно заметно в ситуации Наташи, чей конфликт с приемной семьей — матерью катализирован конфликтом с приемным братом, который поднял руку на сестру. В болезненных воспоминаниях об этом эпизоде Наташа с некоторой путанностью использует понятия, связанные с «родством».

Брат! Про которого мне говорили всегда, что брат — это родной человек, который за сестру горой. <...> Я поняла, что он так сказал потому, что он не мой родной брат. <...> Какая разница, его я родная/не родная, просто получилось, что я по названию его сестра. И по определению нельзя таких слов говорить сестре, младшей, тем более [Наташа].

На уровне отношений брат — сестра категория родства оказывается значимой как-то иначе.

В рассказе Полины о том, как ее нашла и захотела познакомиться «родная мама», Полина поначалу скрывает от (приемной) мамы этот факт, однако делится с сестрой. Для Полины кровные дети приемной матери становятся ее родными братьями и сестрами, в ее интонациях присутствует эта близость и неразделенность.

В этой семье у меня появились старшие сестра и брат, родные дети моей приемной мамы. Мы быстро сдружились с ними. Сестра, которая старше меня на 5 лет, сама хотела иметь сестренку. Иногда мы с сестрой, естественно, ругались, случалось такое, но с братом мы не ругались никогда. Он сильно старше, и он в основном помогал мне. Сестра уже только сейчас стала признавать, что она ревновала меня тогда к маме. <...> Что для меня самое важное в моей семье — это доверие! Все доверяют друг другу. И мама очень много для нас делает — для всех троих детей [Полина].

В интервью Тани ситуация отличается тем, что дети были изъяты из многодетной семьи, и у Тани существует несколько кровных братьев и сестер, жизнь которых сложилась очень по-разному. Для Тани, которая вместе со старшей сестрой благополучно устраивается в приемной семье, кровные связи с теми братьями, с которыми у нее нет возможности общаться, являются чрезвычайно высокой ценностью. Также Таня, говоря о приемной матери, говорит «мама», биологическую мать называет «родная мама». Несмотря на сильную обиду и драматизм рассказа о биологической матери, само словоупотребление помогает Тане «угovorить» себя в том, что «родную маму» тоже нужно ценить. Мягкое и теплое выражение как бы сглаживает реальный и болезненный конфликт, который существует между детьми и их биологическими родителями.

Мне кажется, обеих мам надо ценить. И свою родную маму — за то, что она тебе жизнь дала. И неважно, как потом складывалось, как тебя не понимали, что ты в детстве видел. Все равно, надо ценить свою маму, она тебе жизнь дала. Но взять примера ты с нее можешь мало [Таня].

Ситуация Владимира особенно сложная. Он был воспитан в приемной семье, которую считал родной, был изъят из этой семьи и помещен в детский дом, затем несколько раз был принят в семьи и возвращен обратно в детское учреждение. Таким образом, в его рассказе фигурируют биологические родители, родители, которых

он считал родными, а также присутствуют значимые для него «папа Ленья» и «мама Люда» — судя по контексту, профессиональные родители в семейном детском доме или SOS-деревне. Здесь «мама» и «папа» не сущности, а функции. Конструкция родства оказывается очень проблемной и сложной. В дальнейшем, говоря о взаимоотношениях потенциальных приемных родителей или волонтеров и детей-сирот, он несколько раз подчеркивает, что, возможно, ребенок не нуждается в родителях как таковых, а просто нуждается во взрослом, который поддержит ребенка. Владимир элиминирует из этих отношений претензии на «родство», которые чаще всего существуют в сознании усыновителей.

Наташа, травмированная несколькими возвратами, в конце своего повествования настойчиво утверждает, что никого не может назвать «родным» человеком и никого не может назвать «родственником». Категория родства настолько нагружена травматичным опытом, что нет никакого смысла использовать его для описания тех связей, которые у Наташи есть.

У меня нет родных людей. Я по жизни столкнулась с тем, что у меня нет родных людей, я сама по себе. Я не могу к себе подпустить так легко. Сделать кого-то... так быстро назвать родным, если просто я с ним живу, я не могу этого. С детства меня так воспитала жизнь, что я никогда этого не делаю. Друзья — друзья. Близких друзей не могу назвать. Родственники... тоже родственником не могу никого назвать [Наташа].

Добавлю, что родство как генетическая преемственность может стать основанием стигматизации³. С этим столкнулась Наташа: «Это все материнские гены, ты пойдешь по ее стопам и станешь такой же, как она», — эти и подобные вещи регулярно говорит Наташе ее опекунша.

Разумеется, тремя названными категориями не описывается система репрезентации опыта сиротства в данных источниках, однако их можно считать ключевыми. Из не вошедших в данный обзор важнейшей для нарратива темой является тема образования и профессиональной карьеры.

Не останавливаясь на ней подробно, отмечу, что профессиональная самореализация — тот сюжет, с которым у респондентов связаны самые позитивные ощущения и ожидания.

---

³ О других формах стигматизации, отмеченных в интервью, см.: Без родителей... 2019: Гл. 4.

* * *

Помимо работы с категориальным аппаратом, выявляемым в ходе анализа текстов путем кодирования, идентичность респондента может анализироваться через нарративный анализ, а точнее, путем определения типа *биографической работы*, которая предполагает конструирование нарративного «Я» респондента и выстраивание биографии с точки зрения определенной связующей логики.

Следует отметить, что для респондентов опыт их жизни на момент интервьюирования, в сущности, являлся тождественным сиротскому опыту. Поэтому в них практически полностью отсутствует дистанция по отношению к серии довольно травматичных переживаний. В то же время все респонденты — молодые люди, стоящие «на пороге взрослой жизни», что вмещает им эту дистанцию. Сиротами мы обычно не называем взрослых людей, лишившихся родителей: сиротство осмысливается в обществе как проблема, лишь будучи соотнесена с несовершеннолетним возрастом и зависимым состоянием («дети, оставшиеся без попечения родителей»).

Если смотреть с точки зрения темпоральной организации нарративов, то секвенции практически во всех повествованиях могут быть разделены на две группы. Во-первых, те, которые относятся к прошлому респондентов (даже в том случае, если эмоциональное переживание или рациональная рефлексия этих эпизодов происходят из настоящего времени). Вторая группа секвенций — те, которые относятся к настоящему респондента на момент проведения интервью (даже если они включают планы на будущее). Вопрос построения нарратива серьезным образом связан с вопросом темпоральности, поскольку возникает вопрос отношения между точкой, из которой респондент говорит («настоящее») и основным содержанием его рассказа (это всегда «прошлое»). Какие здесь могут быть отношения? Важно понимать, как человек приходит из точки А — начало истории — в точку В, где он находится в момент повествования. В любом случае этот путь, согласно самому понятию нарратива и той логике, которая содержится в понятии «биография» или «жизненный путь», всегда должен быть понятной и правдоподобной конструкцией. Фриц Шютце, последовательно применявший технику нарративного интервью в биографических исследованиях, выделил четыре таких конструкции, или четыре типа биографической работы: биография как траектория идентификации; биография как стратегия; биография как институциональная карьера; биография как превращение (метаморфоза).

Если мы посмотрим на материалы интервью, то мы увидим, что те секвенции, которые повествуют о прошлом, и те секвенции, которые повествуют о настоящем, чаще всего противопоставлены. Респонденты декларируют не преемственность, а *разрыв* между состоянием сегодняшнего и дня и тем по сути трагическим прошлым, в котором они находились. В связи с этим может показаться логичным отнести эти повествования к выделенному Шютце типу метаморфозы. Однако это не совсем корректно по ряду причин. Во-первых, метаморфоза подразумевает относительно внезапное преобразование, связанное с одним событием или некоторым комплексом событий, которые «вдруг» заставляют человека изменить траекторию жизни. В случае анализируемых интервью такого «вдруг» не обнаруживается: в них происходит противопоставление не какой-то одной части прошлого другой части прошлого, пройденного пути, а всего прошлого по отношению к настоящему. Все метаморфозы, происходящие с детьми-сиротами, — это не какое-то одно событие, а серия событий, которые вносят свой вклад в решение или в необходимость новой жизни, нового этапа, о котором дальше идет речь. Кажется важным понять, что результатом разрыва настоящего с прошлым являются не столько какие-то внешние события, сколько внутренняя работа над собой в результате рефлексии всех событий, которые молодой человек прожил. В этом отношении данные интервью напоминают в целом специфику биографических интервью молодых (в среднем до 25 лет) респондентов, которые, как правило, ориентируются не на социокультурный контекст, событийный ряд и обобщенный опыт поколения (что характерно для поколения старше 40 лет), а на собственное «Я» и рассказывают главным образом о процессе внутреннего становления — это можно было бы условно назвать «биография как самопознание»⁴. Биографический опыт молодого человека — это опыт осмысления самого себя, своей личности. Этот элемент присутствует и в интервью респондентов с опытом сиротства. Однако этот не тот же самый тип «самопознания», поскольку в них все-таки довлеет событийный ряд — именно он составляет описываемый «опыт сиротства». Возникает вопрос, как с этим опытом поступает респондент? Ответом может быть понятие «преодоление». Респондент в ходе всей своей жизни и в особенности на финальном этапе, на момент «настоящего», откуда ведется повествование, преодолевает негативный, травматичный, нездоровый опыт

---

⁴ Данное утверждение базируется на опыте анализа множества биографических интервью, взятых студентами факультета культурологии РГГУ в рамках курса «Социология культуры» в течение нескольких лет.

своего детства. Это преодоление выглядит как преодоление травмы, поскольку сиротский опыт невозможно рассматривать как «нормальный»⁵.

Таким образом, нарративная стратегия, которую мы можем увидеть практически во всех этих интервью, это стратегия *преодоления*. Конечно, между разными респондентами существуют расхождения, которые связаны, в частности, с различной степенью травмированности. Можно привести два «негативных» примера (Наташа, Владимир), чьи судьбы связаны с возвратом, и относительно позитивный опыт Тани, Полины и Ники, где интеграция в социум, социализация является одновременно и преодолением. Поскольку в случае Тани и Полины речь идет об успешном вхождении в принимающую семью, «преодоление» оказывается несколько стертым, поскольку преодолевать вроде бы нечего — все складывается благополучно. Те не менее и в этих случаях логика преодоления работает по меньшей мере в некоторых аспектах биографии, как, например, в вопросе взаимоотношений с биологическими родителями. Это особенная тема: преодоление травмы как примирение с биологическими родителями — в первую очередь, с матерью (Без родителей... 2019: Гл. 4).

Преодоление может конструироваться с разных позиций. Для тех респондентов, чей опыт социализации можно считать благополучным, преодоление воспринимается в первую очередь в позитивных категориях — желании создать собственную семью, обустроить собственный дом и собственный быт, завести своих детей. Для всех из них при этом важен разрыв с опытом биологических родителей как условие преодоления травмы.

Я никогда не буду как она. Я для себя решила, что мои дети никогда не будут такой, как она. И никогда я их не кину, и они получат у меня столько тепла, вообще [Наташа].

При том, что во всех интервью присутствует два типа секвенций — отсылающих к прошлому и относящихся к настоящему, структурно они могут соотноситься разными способами. Повествование может быть как линейным (последовательное разворачивание событий во времени), так и нелинейным («перебивка» рассказами о прошлом вставками о текущем положении респондента). Настоящее может появляться, как у Тани, в рассказе, для того чтобы оттенить травмирующие эпизоды. Происходит это неосознанно: получается, что те эпизоды,

---

⁵ О репрезентации травматического опыта в данных интервью см.: Без родителей... 2019: Гл. 4.

которые мы можем понять как травматичные, перебиваются эпизодами из настоящего, которое выглядит как позитивное и «хорошее».

Владимир поступает иначе. Он начинает свое повествование с эпизодов, посвященных настоящему. И тем самым задает позитивный настрой, несмотря на то что его опыт представлен как чрезвычайно травматичный. Заранее выставляя позицию «хорошего» настоящего, он подготавливает нас к идее, что все негативное, изложенное впоследствии, окажется в конечном счете преодоленным.

Нарративный анализ сопряжен не только с тем вопросом, какова связующая логика повествования, не менее важно показать, из какой точки зрения ведется повествование. Повествователь никогда не тождественен реальному человеку, описывающему свой опыт. Биография рассказывается из какой-то позиции жизненного пути, важна дистанция, отделяющая повествователя от описываемого опыта. Тот, кто повествует — категория неустойчивая, изменчивая, соответственно, мы ведем речь не о «Я» респондента, а о нарративном «Я». Одна из задач нарративного анализа — выявление характеристик нарративного «Я».

Опыт сиротства встраивается в общий биографический опыт. Однако для наших респондентов на момент интервью опыт жизни по сути и является опытом сиротства. В данном случае, в соответствии с логикой преодоления, «Я» — это тот, кто справился с травмой, преодолел ее и готов двигаться дальше:

Я хочу сказать/начать с того, что я счастлив сейчас, на данный момент, в жизни... Ну, это итог, итог вообще всей работы, всей жизни до данной минуты. То, что должно быть итогом жизни человека — это я выполняю сейчас. <...> Даже без каких-то плохих моментов мне, наверное, не было бы так хорошо сейчас. Пусть будет такое оптимистическое начало [Владимир].

Я просто поняла, что дальше двигаться буду, самореализовываться, буду двигаться только к лучшему. Пусть будет сложно, пусть будет преград много наставлено, но я как бы подниму себя. И я обеспечу себе хорошее будущее, своему ребенку, и все у меня будет хорошо [Наташа].

Необходимо отметить, однако, что внимательный анализ интервью показывает несостоятельность попыток представить преодоление декларируемого преодоления травмы как реальное (Без родителей... 2019: Гл. 4). Опыт преодоления травмы это, скорее, «придуманный опыт», то, что Бурдые называет «биографической иллюзией» (Бурдые 2002). Нарративная конструкция «преодоления» создается за счет

«работы» с главными «болевыми точками» нарратива: в первую очередь, это обретение **субъектности**, которое естественным образом связывается с совершеннолетием, обретением собственного жилья, получением образования и/или профессии.

Источники

Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.

Без родителей: сиротство как социокультурное явление. М.: РГГУ, 2019 (в печати).

Бурдые П. Биографическая иллюзия // Интер. 2002. № 1. С. 75–83.

Здравомыслова Е., Темкина А. Анализ нарративного интервью: реконструкция биографической работы // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 227–249.

Островская Е. А. Биографический нарратив в изучении религиозности // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2016. № 4. С. 65–80.

Розозин Д. М. Биографический метод: обзор литературы // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 120–129.

Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 381 с.

Рустин М. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // Интер. 2002. № 1. С. 7–24.

Сушко Н. Г. Скрытое социальное сиротство как социально-психологический феномен // Вестник ТОГУ. 2009. № 2 (13). С. 269–276.

Сушко П. Е. Биографический поворот в миграционных исследованиях: новые возможности и ограничения // Материалы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16–17 марта 2016 г. / Отв. ред. А. В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2016. С. 536–539.

Chamberlayne P., Bornat J., Wengraf T. The turn to biographical methods in social science comparative issues and examples. London; New York, 2000. 368 p.

References

Bahmann-Medik D. *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture* [Cultural turns. New landmarks in the cultural Sciences]. Moscow, New literary review, 2017, 504 p. (In Russian)

Bez roditeley: sirotstvo kak sotsiokul'turnoe yavlenie [Without parents: orphanhood as a sociocultural phenomenon]. Moscow, RGGU, 2019 (Is being published) (In Russian)

Burd'e P. Biograficheskaya illyuziya [Biographical illusion]. *Inter*, 2002, no. 1, pp. 75–83. (In Russian)

Chamberlayne P., Bornat J., Wengraf T. *The turn to biographical methods in social science comparative issues and examples*. London, New York, 2000, 368 p.

Ostrovskaya E. A. Biograficheskii narrativ v izuchenii religioznosti [Biographical narrative in the study of religiosity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science], 2016, no. 4, pp. 65–80. (In Russian)

Rogozin D. M. Biograficheskii metod: obzor literatury [Biographical method: literature review]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 10, pp. 120–129. (In Russian)

Rozhdestvenskaya E. Yu. *Biograficheskii metod v sotsiologii* [Biographical method in sociology]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2012, 381 p. (In Russian)

Rustin M. Razmyshleniya po povodu povorota k biografiyam v sotsial'nykh naukakh [Reflections on the Turn to Biographies in the Social Sciences]. *Inter*, 2002, no. 1, pp. 7–24. (In Russian)

Sushko N. G. Skrytoe sotsial'noe sirotstvo kak sotsial'no-psihologicheskii fenomen [Biographical turn in migration studies: new opportunities and limitations]. *Vestnik TOGU* [Bulletin of Pacific national university], 2009, no. 2 (13), pp. 269–276. (In Russian)

Sushko P. E. Biograficheskii povорот v migratsionnykh issledovaniyakh: novye vozmozhnosti i ogranicheniya [Biographical turn in migration studies: new opportunities and limitations]. *Materialy VI mezhdunarodnoy sotsiologicheskoy Grushinskoy konferentsii "Zhizn' issledovaniya posle issledovaniya: kak sdelat' rezul'taty ponyatnymi i poleznymi"*, 16–17 marta 2016 g. [Proceedings of the VI International Sociological Grushinsky Conference "Life after Research: How to make the results understandable and useful", March 16–17, 2016]. Resp. Ed. A. V. Kuleshova. Moscow, VTsIOM JSC, 2016, pp. 536–539. (In Russian)

Zdravomyslova E., Temkina A. Analiz narrativnogo interv'yū: rekonstruktsiya biograficheskoy raboty [Analysis of narrative interview: reconstruction of biographical work]. *Rossiyskiy gendernyy poryadok: sotsiologicheskii podhod* [Russian gender order: a sociological approach]. Saint Petersburg, Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2007, pp. 227–249. (In Russian)

Галушина Наталья Сергеевна, кандидат культурологии, доцент кафедры социокультурных практик и коммуникаций факультета культурологии, Российский государственный гуманитарный университет.

Galushina Natalia S., Candidate of cultural studies, Associate Professor at the Department of Socio-Cultural Practices and Communications, Faculty of Cultural Studies, Russian State University for the Humanities.

galushiny@yandex.ru

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ИНДИВИДА: РОЛЬ СЕМЬИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-11.ccrq-es82

В. Б. ИСАЕВА, С. С. ЯРОШЕНКО, К. С. ДИВИСЕНКО

«МОЯ ВСЯ ЖИЗНЬ ВОКРУГ БУДДИЗМА ВЕРТИТСЯ. БУДДИЗМ, РАБОТА, ДЕТИ, СЕМЬЯ...»: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ СОВРЕМЕННОГО БУДДИСТА*

В статье на примере биографического интервью с членом петербургской буддийской общины, рассматриваемого на данном этапе исследования как идеально типический кейс, прослеживается жизненная траектория и определяется роль религиозной конверсии в формировании биографического проекта современного буддиста. В качестве методического инструментария биографического исследования применяется концепция нарративного интервью Ф. Шютце, совмещающая рассмотрение взаимовлияния субъектных и структурных процессов в жизнеописании с субъективными интерпретациями информанта. Поднимается вопрос о возможностях и ограничениях биографического метода в исследовании религиозного изменения. На основании проведённого анализа можно утверждать, что для нашего героя, как типичного представителя поколения, родившегося в 1960-е гг., религиозная конверсия становится способом адаптации к новой постсоветской социально-экономической и идеологической реальности. Символические, психологические и социальные ресурсы религиозной общины используются для преодоления социального исключения и депривации, достижения духовного благополучия и осмысляются как средства расширения возможностей.

Ключевые слова: буддийская община, биографическое исследование, нарративный анализ Ф. Шютце, структуры возможностей, депривация, инструментальность, религиозная конверсия, духовное благополучие, когнитивная рационализация, религиозное участие.

---

* Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-011-00561.

ISAeva VALENTINA B., YAROSHENKO SVETLANA S., DIVISENKO KONSTANTIN S.

**“ALL MY LIFE REVOLVES AROUND BUDDHISM.
BUDDHISM, WORK, CHILDREN, FAMILY...”:
A BIOGRAPHICAL PROJECT OF A MODERN BUDDHIST**

The article represents the analysis of a biographical interview with a member of St. Petersburg Buddhist community, which is considered as an ideally typical case. The study focuses on the life trajectory of the modern Buddhist and the role of religious conversion in his biographical project. As a methodological toolkit of the biographical research, the conception of F. Schütze's narrative interview is used. This approach, on the one hand, pays enough attention to the structural limitations set by the social context; on the other hand, it allows to identify intentional processes in the biography and to correlate these restraints and subjective goal-setting with the interpretations of the informant. Based on the analysis of the interview, it can be argued that, for our hero, as a typical representative of a generation born in the 1960s, religious conversion becomes the way of adaptation to the new post-Soviet socio-economic and ideological reality. The symbolic, psychological and social resources of the religious community are used to overcome social exclusion and deprivation, to reach spiritual well-being and are conceptualized as the means of increasing opportunities.

Keywords: Buddhist community, biographical research, F. Schütze's narrative analysis, opportunity structures, deprivation, instrumentality, religious conversion, spiritual well-being, cognitive rationalization, religious participation.

В современной социологии религии исследователи всё чаще обращаются к биографическому методу как инструменту изучения распространения религиозности и причин религиозной конверсии (McMahan 2012; Jindra 2014; Zavos, Israel 2018; Дивисенко К. С., Дивисенко О. В. 2016; Исаева 2014; Тупахина 2012 и др.). Такое методологическое решение позволяет, с одной стороны, учесть общую тенденцию индивидуализации, характерную для современной культуры и модернизационных процессов, когда биография становится главной формой осмысления идентичности и субъективного вовлечения в социально-исторический контекст; с другой — нацелено на выявление поворотных моментов в биографии и их объяснение в свете культурных и структурных влияний. Применительно к рассмотрению процесса религиозного изменения биографический метод обладает ещё одним преимуществом: он позволяет отчасти снять проблему типизации религиозных нарративов последователями

религий. В 1980-е гг. социальные исследователи обратили внимание на конструктивный характер историй о религиозной конверсии, подразумевающий использование неофитами специальных коммуникативных приёмов и стратегий для репрезентации опыта религиозного обращения, что привело учёных к мысли о невозможности вскрыть реальную событийную канву повествований (Snow, Machaleck 1983; Ulmer 1988 и др.). Однако недавние исследования в этой области доказали функциональность используемых структур презентации в пространстве всей биографии и возможность применения различных методик проведения и анализа биографических интервью с целью её выявления (см.: Исаева 2018).

Итак, мы исходим из тезиса о конструктивном характере биографического рассказа и квалифицируем его как проект. В данном случае проектирование охватывает рефлексия биографантом всего жизненного пути, а используемая методика анализа данных, концепция нарративного интервью Ф. Шютце, позволяет выйти на уровень действия и соотнести его с субъективными интерпретациями информанта. Подход Шютце предполагает анализ биографического повествования через выявление процессуальных структур — различных форм фактических биографических событий, к которым он относит интенциональные процессы, институциональные образцы и «кривые течения». Идентификация процессуальных структур обеспечивает переход к событийности личной истории и открывает перспективу жизни информанта в динамике субъектных усилий и структурных влияний (Рождественская 2012: 113–114). Дальнейший анализ знания или «теории информанта» даёт возможность сопоставить его целеполагание, субъективную рефлексия и интерпретационные усилия с реальными биографическими процессами и сделать вывод о характере жизненной траектории и её восприятии, т. е. в контексте нашего исследования перейти к анализу проектирования. На эмпирическом уровне (действия) в фокусе внимания находится процесс религиозной конверсии, характеризуемый через структуры возможностей информанта, смысловую ориентацию социального действия в процессе религиозной конверсии, преднамеренные и непреднамеренные следствия религиозного обращения, идентифицируемые через его функцию в биографии, религиозное участие и тип рационализации¹.

Биографическое интервью проведено в 2018 г. и включает в себя две части — экспертную и биографическую. Общая продолжительность

---

¹ Перечисленные категории анализа происходят из концепции социального механизма религиозной конверсии (подробнее об этом см.: Исаева 2014: 50–67) и позволяют выявить причины и последствия процесса религиозного обращения в биографии информанта.

составила 74 мин, экспертная часть заняла 26 мин и предшествовала биографической. Такая последовательность проведения интервью, с одной стороны, позволила избежать некоторых психологических трудностей, почти неминуемо возникающих при рассказе о своей личной жизни незнакомому человеку; с другой — в большей степени тематизировала специальное знание и, вероятно, затруднила переход с экспертной позиции на повседневную в биографической части.

Биографическая справка: событийность, или элементарные структуры

Александр родился в 1967 г., *«в обычной рабочей семье»*, родительская семья многодетная (шесть детей), а респондент — *«четвертый ребенок»*, коренной петербуржец. В 1970-е учился в школе (получил среднее образование). В 1980-е — служил в армии. Период после армии (время перестройки) в первую очередь характеризует как время встречи с буддизмом. Причем подчеркивает, что до этого *«общался с христианами»*, поскольку мать — христианка (баптистка). Неясно, продолжал ли образование: *«После армии не учился»*; *«Практически нет специальности»*. После службы в армии начинает работать: *«Немного на государство, а потом на себя»*. Занимался бизнесом. Знакомится с Оле Нидалом и в 1989 г. начинает создавать дхарма-центр Карма Кагью. Спустя тридцать лет считает, что меньше занимается организационными вопросами буддистской общины и больше занимается бизнесом (в строительстве). Женат, двое детей. Женился в 2009 г. Старшей девочке пять лет, а младшему сыну — два года. Четыре года назад вместе с семьей принял решение переехать в Крым. Строит дом. Изредка встречается с родными братьями и сёстрами: *«не сказать, что сильно дружим или сильно часто встречаемся»*. В то же время отмечает, что важно регулярно видеться с друзьями из буддистской общины: *«Если с друзьями не встречаешься на протяжении месяца, то у вас становится все меньше и меньше общего»*.

Структуры возможностей, или Общие и уникальные характеристики жизненной истории Александра

Биографическое повествование информанта начинается с двух основных конвенциональных для автобиографии тематизаций — работа и семья, в пространстве которых на уровне событийности обнаруживаются проблемные сферы. В материальном плане проблемы идентифицируются в связи с отсутствием специальности (*«У меня*

практически нет специальности») и с материальным положением родительской семьи («вырос в очень бедной семье. <...> никакого достатка не было»). В социальном — как отсутствие взаимопонимания и коммуникации со сверстниками в семье — братьями и сёстрами («не ругаемся... Нам нечего делить, каждый живет своей жизнью»).

С точки зрения материального благосостояния, интервью с Александром освещает довольно типичные аспекты истории позднесоветского поколения: рожденных в 1960-х гг., выходцев из рабочей среды, переживших переход к рыночным отношениям, ощутивших ограничения для самореализации и вовлечённых в духовные поиски. В то же время уникальность этого случая заключается в адаптации к рыночным условиям через религиозную конверсию.

Можно сказать, что наш герой — советский человек и из числа тех, кого идеологически и практически поддерживала советская система, что, в частности, отражается на его жизненном пути. Примечательно, что после службы в армии при выборе учиться или работать он делает выбор в пользу работы (без специальности). Советская система гарантировала успешную адаптацию респондента к городской самостоятельной жизни через карьеру рабочего (Лыткина 2011). Между тем Александр переходит с рабочего места на государственном предприятии в частный бизнес, что было не так просто без первоначального капитала, без предпринимательских навыков. В этом смысле он сопротивляется нисходящей мобильности и той тенденции, которая ярко проявилась среди рабочих и жителей регионов в «лихие» 1990-е гг. Это было время, «когда государство сняло с себя ответственность за обеспечение человека, задача материального обеспечения легла на плечи семьи, образовав конфликт с нормами советского прошлого... Когда потеря образцов и ориентиров поведения, утрата возможности для самореализации вела к разрушению личности» (Лыткина 2011: 98). Однако в интервью этот период обсуждается схематично, и основной акцент делается на знакомстве с буддизмом, на создании в 1989 г. центра Карма Кагью, в котором наш герой принимает непосредственное участие.

Ещё одна тема, которая возникает в самом начале биографического рассказа — это религиозные взгляды в семье (включая братьев и сестёр) («правильные христиане», «баптисты»). Этот сюжет вводит в повествование историю духовного поиска — элемент нормативный для рассказов о религиозном обращении и отмеченный в научной дискуссии о конструктивном характере нарративов религиозных последователей. Через артикуляцию религиозных

взглядов родительской семьи эта тема появляется в повествовании и раскрывается сначала через противопоставление баптистам (*«в 20 лет уже сам пошел креститься в православную церковь, а не баптистскую»*), а затем через сопоставление буддизма как демократичного и христианства как жёсткого (*«буддизм — это когда если есть озеро, значит, прилетят лебеди... христианское миссионерство — мы правильные, у нас вера единственно истинная»*). Несмотря на то, что информант называет свою родительскую семью *«обычной»*, она явно не была похожей на другие советские семьи 1960-х гг. в силу многодетности (шесть детей) и принадлежности матери к баптистской церкви. Раннее знакомство информанта с евангельским христианством не сделало его верующим человеком. Напротив, с детства формировался определенный комплекс из протеста против догматизма и вопросов, связанных с теодицеей (проблема «всемогушества» Бога и наличия зла в мире). Именно поиск ответов на экзистенциальные вопросы ретроспективно интерпретируется как причина принятия буддизма. Путь оказался непростым: он лежал и через принятие крещения в православной церкви после службы в армии. Однако православное, как и евангельское, христианство не отвечало имеющимся духовным требованиям, которым противоречили *«жёсткость и рамки»*. Неудовлетворённое чувство независимости определило дальнейший духовный поиск, приведший к буддизму, в котором *«увидел свободу»*, полностью отвечающую его стремлениям. Этому способствовало обретение новых друзей-буддистов, встреча с ламой Оле, непосредственное участие в создании буддийского центра.

Интеграция в буддийскую общину как поворотный момент в жизненной траектории

Встреча с буддизмом и создание буддийской общины в Ленинграде становятся поворотным моментом в жизни нашего героя. Александр сознаёт: *«Если бы этого не произошло, мне вообще сложно сказать, где бы я оказался»*. По-разному интерпретируя события тех лет — как реализованную возможность выбора, кармическую предопределенность или духовный поиск, — респондент между тем понимает, что это было сложное время. В рассказе Александр не раскрывает деталей, и восстановить лакуны памяти удастся лишь при уточняющих вопросах, в частности, о влиянии буддийских практик на материальный достаток. Александр отмечает: *«Медитация позволяет настроить*

внутренний мир и общение с другими людьми. В этом смысле мы более конкурентоспособны на этом рынке, мы больше умеем адаптироваться, меньше впадать в депрессию». Медитация, по мнению героя, развивает умение строить отношения с людьми и работать со своими эмоциями. Именно этот навык, по мнению респондента, позволяет адаптироваться к рыночным условиям. Герой сознаёт, что работа на благо других — составная часть буддистских практик — позволяет рассчитывать на взаимный обмен (реципрокность). Однако он подчеркивает, что *«не готов всё отдавать и делиться»*, а *«хочет ещё зарабатывать, чувствовать, что может зарабатывать»*. Иными словами, решение материальных вопросов в условиях радикальной трансформации общества важно и проходит на фоне разрешения экзистенциальных вопросов о смысле жизни, о соединении работы на благо другим с личным интересом, о конструировании жизненного проекта в условиях контекстной неопределённости, с одной стороны, и *«кармической»* предопределённости — с другой.

Поколение, родившееся в 1960-е гг., исследователи обозначают как поколение «потерянных или прагматиков» (Черников 2014). Наш герой, с точки зрения инструментальности социального действия в процессе религиозной конверсии, может быть отнесён к прагматикам. Сама идея предпринимательской деятельности, о которой мы уже упоминали, и её реализация оказались возможны благодаря буддистской общине: *«У меня, конечно, есть клиенты определённые, которые не буддисты, но всё равно бо́льшая часть — буддисты; ...я нашёл поле деятельности, благодаря своим друзьям-буддистам».*

В процессе интеграции Александра в религиозное сообщество решается и проблема коммуникации со сверстниками. В буддийской общине он находит друзей: *«сообщество (буддистское. — Примеч. В. И.) — это друзья, которые следуют с тобой вместе. Не зря сообщество практикующих включено в определение буддиста»*; клиентов по работе: *«клиенты... бо́льшая часть буддисты»*; встречает и свою будущую супругу: *«не очень долго, несколько месяцев всего, но тем не менее, да, супруга была буддисткой. Я встретил её на буддийском курсе».* Таким образом, религиозная конверсия становится для нашего информанта способом адаптации к социально-экономической и идеологической трансформации переходного периода и источником ресурсов для решения проблем, обозначенных в личной истории.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на имеющиеся ограничения биографического метода, связанные с биографическим проектированием и отсутствием в жизнеописании определённых фактов

или временных периодов. Не озвученной остаётся важная, с нашей точки зрения, часть религиозной биографии — жизнь и деятельность респондента в буддийской общине в процессе религиозной конверсии. Частично её можно реконструировать по данным из открытых источников². В 1996 году Оле Нидал *«попросил»* Александра читать лекции по буддизму в качестве «путешествующего учителя». С самого начала основания центров буддизма Алмазного пути в России респондент занимается организационной деятельностью по их созданию. Частично этот факт упоминается в повествовании: *«Я много путешествовал, если это можно назвать хобби, и, конечно же, я очень много путешествовал при возможности по буддийским местам, в частности, в Азии»*. В первой части высказывания речь идёт, скорее всего, об организации буддийских центров сначала в Ленинграде, а потом и по всей стране. В 1999 году лама обратился к нему с просьбой курировать строительство дхарма-центров в России, что становится своего рода специальностью информанта в буддийской работе. Таким образом, через деятельность в буддийской общине решается проблема отсутствия специальности. Кроме того, Александр нашёл в религиозном сообществе пространство для творческой самореализации: он пишет статьи для журнала Российской Ассоциации буддистов Алмазного пути Карма Кагью «Буддизм.ру», занимается исследованием культуры буддийской ступы³ и осуществляет переводы лекций иностранных путешественников-учителей. Можно предположить, что эта часть биографии оказалась не включённой в повествование по причине восприятия биографии, рассказываемой исследователю (стороннему слушателю, не принадлежащему к буддийскому сообществу), как нормативной, ограниченной институциональными процессами и образцами, связанными с конвенциональными социальными институтами. В то время как буддийская община воспринимается как пространство личной, творческой реализации, происходящей за пределами традиционных российских христианских (православных) или советских институтов и представлений. Единственный элемент, который вплетается в повествование — это линия духовного поиска, которая нормативна для нарративов религиозных последователей.

В целом приобщение к буддизму и интеграция в религиозное сообщество субъективно осмысляются как расширение

---

² Ссылки на открытые источники не приводятся в целях соблюдения исследовательской этики.

³ Ступа — культовая буддийская постройка, символизирующая конечную цель религиозной жизни буддиста — состояние просветления.

возможностей — буддизм помог «...научиться воспринимать мир как мир возможностей». Противоречия между институциональными ограничениями и интенциональными устремлениями снимаются через осмысление сквозь призму буддийской картины мира. Так, институциональные ограничения, которые информант переживает в связи с созданием семьи: «...отошёл от организационной активности (в буддийских центрах. — Примеч. И. В.); не очень часто получается ездить на ретриты; дети меня держат», — снимаются через представление о духовных взаимосвязях в семье: супруга — буддистка («Я встретил её на буддийском курсе»), дочь — тоже («у меня было несколько таких примеров, когда она (дочь. — Примеч. И. В.) начала так неожиданно совершенно проявлять какие-то буддийские вещи, причём не потому, что мы её учили или заставляли, а оно само проявляется»).

Трансформация мировоззрения как результат религиозного участия

На протяжении 30 лет информант не отходил от буддизма, хотя менялась интенсивность практик и их характер. В настоящее время меньшая степень вовлечённости в организационную работу обусловлена переездом из Петербурга и наличием других членов общины, которые этим занимаются. Сохраняются регулярные практики (2–3 раза в неделю) и ежегодные поездки вместе с семьёй (курсы, лекции, ретриты), что свидетельствует о высокой степени религиозности по критерию религиозного поведения.

Присутствующая в интервью реинтерпретация биографии через призму буддийского учения, а также признание влияния собственных религиозных убеждений на отдельные события и стороны жизни также подтверждают высокий уровень религиозности. Так, вера в карму оказывается главной объяснительной схемой для событий личной истории. Разные жизненные обстоятельства, благодаря или вопреки которым осуществлялось движение в сторону принятия буддизма (например, перипетии, связанные со службой в армии), связываются информантом с действием закона кармы. С этой же точки зрения объясняются и отдельные поступки маленькой дочери, воспроизводящей буддийские обряды. В целом способ реинтерпретации личной истории, в центре которого оказываются как повседневные, так и экзистенциальные вопросы жизни информанта, указывает на глубокие изменения картины мира и может быть охарактеризован как когнитивная рационализация.

Информант неоднократно подчёркивает позитивное влияние буддизма на свою жизнь. Результатами этого влияния стали переживание положительных эмоций («я стал более спокойным, уравновешенным»), формирование навыков саморегуляции, чувство самореализации. Особое значение имела встреча с ламой Оле, ей придается терминальная значимость: «Если бы этого не произошло, мне вообще сложно сказать, где бы я оказался». Информант четко осознает влияние религиозного участия, т. е. собственных религиозных убеждений и своего членства в общине, на круг знакомых и друзей (большинство из которых — буддисты), на выбор супруги, а также на увлечения и хобби, связанные с поездками по «буддийским местам».

Показательно, что при ответе на вопрос об изменении отношений с другими людьми информант не только признал влияние собственных убеждений и практик на повседневное общение, но и дополнил анализом причин такого влияния. Буддизм ориентирует своего последователя на внутренний локус контроля, самоанализ и контроль эмоций. Обвинение противоположной стороны в случае конфликта, а не анализ собственного поведения и реакций представляет собой в буддийском сообществе «потерю лица». Таким образом, личностные качества, развитие которых предполагает учение, становятся основной для выстраивания гармоничных социальных отношений, что «несомненно улучшает возможности общения с другими людьми».

Обращает на себя внимание определенный изоморфизм экспертной и биографической части интервью. Об этом прямо свидетельствует отсылка в биографической части интервью к тому, о чем информант «говорил сначала». Так, в начале интервью было отмечено, что интерес к буддизму у современных людей связан с поиском ответов на значимые для них вопросы. В биографической части, описывая свой приход к буддизму, информант возвращается к этой теме, показывая на собственном примере, что он именно в этом учении «нашёл ответы на все вопросы». По мнению нашего эксперта, буддизм характеризуется тем, что ведёт к переживанию счастья в этой жизни, а сами последователи школы Карма Кагью, в отличие от других школ, «любят повеселиться». Рассуждая по аналогии, хотя в рассказе и нет прямых указаний на субъективную значимость этих переживаний, тем не менее эти фрагменты могут быть нами интерпретированы как репрезентация и проекция личного опыта, связанного с эмоциональным компонентом духовного благополучия.

В целом духовное благополучие может быть рассмотрено как определенный результат, сопровождающий и завершающий процесс

религиозной конверсии. Эта интегральная характеристика субъективного восприятия собственной жизни отражает влияние усвоенного информантами буддийского учения и религиозного участия на переживание эмоций, самооценку жизни и формирование практических навыков саморегуляции в трудных жизненных ситуациях.

Кроме рассмотренной выше проективной репрезентации счастья эмоциональные компоненты духовного благополучия присутствуют в различных фрагментах биографической части интервью. Эти компоненты связаны с переживанием радости, полноты бытия, чувства присутствия: *«...у меня всё было здесь и сейчас... я забыл о существовании забот, проблем и всего остального»*.

О когнитивных компонентах духовного благополучия, связанных с рефлексией над собственной жизнью и событиями личной истории, можно судить по непосредственной самооценке. Заметим, что это ответы не на прямые вопросы об удовлетворённости жизнью, а различные моменты интервью, в которых наряду с описанием событий присутствует их оценка: *«Я стал... более довольным жизнью... ну я вижу только позитивные изменения в связи с буддийскими практиками»*.

В повседневной жизни духовное благополучие последователей буддизма проявляется также и на уровне социального взаимодействия — в эмоциональном интеллекте, в совладающем поведении. Сформированные навыки выхода из затруднительных ситуаций способствуют не только принятию конструктивных решений, но и позитивному отношению к ним: *«Я знаю, что могу с ними справиться и довольно быстро»*.

Как и любая другая религия, буддизм базируется и воспроизводится на социальном уровне. Влияние учителя (ламы) на отдельного человека поддерживается в общине, которая является необходимым условием для индивидуального духовного роста. Вместе с тем социальные отношения внутри общины, от переживания воодушевляющего чувства солидарности до помощи при решении конкретных материальных проблем, могут стать для каждого её члена значимым ресурсом. Имеющая место в биографии нашего информанта профессиональная деятельность, осуществляемая в буддийском сообществе, воспринимается как своего рода служение, ценность которого определяется в том числе и вносимым вкладом в развитие буддийских центров.

Подводя итог анализу представленного биографического кейса, следует заключить, что проблемная траектория, которая могла бы сформироваться ввиду изначально ограниченной статусной позиции информанта (бедная многодетная семья, отсутствие специальности),

не реализовалась. Процесс религиозной конверсии стал для респондента ресурсом личной, профессиональной и творческой самореализации, который позволил решить проблемы, наметившиеся ещё на этапе детства и юношества — проблема коммуникации со сверстниками, проблема бедности, отсутствие специальности. В целом интерпретационные усилия («теория информанта»), предпринимаемые Александром по представлению своей личной истории, совпадают с реальными биографическими процессами. Интенциональные процессы, реализуемые им как субъектом жизненного пути, позволяют преодолевать институциональные ограничения. Религиозная конверсия трактуется и предстаёт как восходящий процесс, открывающий возможности (*«Я самореализовался и продолжаю это делать; встреча с буддизмом изменила жизнь в лучшую сторону»*) и в реальном событийном измерении способствующий формированию духовного благополучия. В рассмотренном нами биографическом интервью духовное благополучие представлено преимущественно в статическом хронологическом срезе. Детализированное описание его структурных элементов не отменяет важности изучения их формирования в процессе религиозной конверсии, однако необходимо отметить, что такое описание в случае, когда процесс религиозного изменения завершился более 20 лет назад, имеет определённые ограничения. Отчасти эти ограничения связаны с трудностями биографического метода: субъективизацией содержания жизненного пути информантом — актуализацией одних сюжетов и исключением других, замалчиванием отдельных фактов личной истории. Опыт нашего исследования показывает, что эти трудности могут преодолеваются, во-первых, посредством уточняющих вопросов; во-вторых, через привлечение открытых источников информации.

Источники

Дивисенко К. С., Дивисенко О. В. Биографическое исследование реинтерпретации личной истории у православных верующих // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 4. С. 24–37.

Исаева В. Б. Социальный механизм религиозной конверсии: на примере петербургской буддийской мирской общины Карма Кагью: Дисс. ... канд. социол. наук. СПб., 2014. 241 с.

Исаева В. Б. Биографический метод в исследованиях религиозной конверсии // (Авто)биография как объект социологического анализа: Материалы X чтений памяти В. Б. Голофаства, 3–5 апреля 2018 г. / Под. ред. О. Б. Божкова. СПб.: Норма, 2018. С. 244–253.

- Лыткина Т. Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV, № 1. С. 87–109.
- Рожdestвенская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 381 с.
- Тупахина О. В. Религиозная биография как форма нарративизации жизненного мира верующих // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 1. С. 185–197.
- Черников Б. В. Дифференциация трудовых ценностей среди поколений современных работников // Вестник Томского государственного университета. 2014. С. 153–158.
- Jindra I. W. A New Model of Religious Conversion: beyond network theory and social constructivism. Brill, 2014. 238 p.
- McMahan D. Buddhism in the Modern World. New York: Routledge, 2012. 325 p.
- Snow D. A., Machalek R. The Convert as a Social Type // Sociological theory / Ed. by Collins R. San Francisco: Jossey-Bass, 1983. P. 259–289.
- Ulmer B. Konversionserzählungen als rekonstruktive Gattung: Erzählerische Mittel und Strategien bei der Rekonstruktion eines Bekehrungserlebnisses // Zeitschrift für Soziologie. Jg. 17, No. 1. S. 19–33.
- Zavos J., Israel H. Narratives of Transformation: Religious Conversion and Indian Traditions of “Life Writing” // South Asia: Journal of South Asian Studies. 2018. Vol. 41, № 2. P. 352–365.

References

- Chernikov B. V. Differentsiatsiya trudovykh tsennostey sredi pokoleniy sovremennykh rabotnikov [The differences in work values among generations of modern workers]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2014, p. 153–158 (In Russian).
- Divisenko K. S., Divisenko O. V. Biograficheskoe issledovanie reinterpretatsii lichnoy istorii u pravoslavnykh veruyushchikh [The Biographical Research of Personal History (Re)interpretation among Orthodox Believers]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*, 2016, vol. 19, no. 4, pp. 24–37. (In Russian)
- Isaeva V. B. Biograficheskii metod v issledovaniyakh religioznoy konversii [Biographical method in studies of religious conversion]. *(Auto)biografiya kak ob"ekt sotsiologicheskogo analiza: Materialy X chteniy pamyati V. B. Golofasta, 3–5 aprelya 2018 g. [(Auto)biography as an object of sociological research. Proceedings of 10th V. B. Golofast Memorial Lectures, April 3–5, 2018]*. Ed. by O. B. Bozhkov. Saint Petersburg, Norma, 2018, p. 244–253. (In Russian)
- Isaeva V. B. *Sotsial'nyy mekhanizm religioznoy konversii: na primere peterburgskoy buddiyskoy mirskoy obshchiny Karma Kag'yū [The social mechanism of religious conversion: the case of the Petersburg Buddhist community Karma Kagyu]*. Thesis for a Candidate Degree in Sociology. Saint Petersburg, 2014, 241 p. (In Russian)
- Jindra I. W. *A New Model of Religious Conversion: beyond network theory and social constructivism*. Brill, 2014, 238 p.

Lytkina T. Sotsial'naya biografiya isklyucheniya v postsovetsoy Rossii [The social potential of the northern city: from ignorance to recognition]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2011, vol. XIV, no. 1, pp. 87–109. (In Russian)

McMahah D. *Buddhism in the Modern World*. New York, Routledge, 2012, 325 p.

Rozhdestvenskaya E. Yu. *Biograficheskiy metod v sotsiologii* [Biographical method in sociology]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2012, 381 p. (In Russian)

Snow D. A., Machalek R. The Convert as a Social Type. *Sociological theory*. Ed. by Collins R. San Francisco, Jossey-Bass, 1983, p. 259–289.

Tupahina O. V. Religioznaya biografiya kak forma narrativizatsii zhiznennogo mira veruyushchih [Religious biography as a form of narrativisation of believers' lifeworld: the case of Orthodox Christians]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2012, vol. 15, no. 1, pp. 185–197. (In Russian)

Ulmer B. Konversionserzählungen als rekonstruktive Gattung: Erzählerische Mittel und Strategien bei der Rekonstruktion eines Bekehrungserlebnisses. *Zeitschrift für Soziologie*, 1988, Jg. 17, No. 1, S. 19–33.

Zavos J., Israel H. Narratives of Transformation: Religious Conversion and Indian Traditions of “Life Writing”. *South Asia: Journal of South Asian Studies*, 2018, vol. 41, no. 2, pp. 352–365.

Исаева Валентина Борисовна, кандидат социологических наук, ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Isaeva Valentina B. — Ph. D. in Sociology, Associate Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS.
vbisaeva@gmail.com

Ярошенко Светлана Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, факультет социологии, СПбГУ.

Yaroshenko Svetlana S., Ph. D. in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Saint-Petersburg State University.
svetayaroshenko@gmail.com

Дивисенко Константин Сергеевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Divisenko Konstantin S., Ph. D. in Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS.
k.divisenko@socist.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И. В. РУСАКОВА

**О ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
XI СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ
В. Б. ГОЛОФАСТА «СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»,
28–31 МАРТА 2019 Г., САНКТ-ПЕТЕРБУРГ**

Одиннадцатые Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства (1941–2004) проводились в формате Всероссийской научной конференции «Семья в современном мире» 28–31 марта 2019 г., Санкт-Петербург, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН. Проведение конференции получило поддержку Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-011-20050\19.

На конференцию поступило 154 заявки из 31 города и 6 стран (Россия, Китайская Народная Республика, Республика Беларусь, Турция, Республика Армения, Кыргызстан). В конференции приняли участие как опытные исследователи, так и студенты и аспиранты.

Была организована выставка изданий СИ РАН по тематике конференции.

В церемонии открытия конференции 28 марта 2019 г. приняли участие представители двух комитетов Правительства Санкт-Петербурга — Комитета по науке и высшей школе и Комитета по социальной политике. Большой интерес был проявлен Санкт-Петербургским научным центром РАН, а также СПб филиалом ИИЕТ РАН. Руководитель Управления федеральной службы государственной статистики по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Олег Николаевич Никифоров подчеркнул значимость конференции в преддверии Всероссийской переписи населения 2020 г. Завершил церемонию открытия директор СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН — д-р филос. наук, проф. Владимир Вячеславович Козловский.

В ходе работы конференции в соответствии с программой состоялось два пленарных заседания, восемь секционных заседаний и два круглых стола. Те выступающие, которые по каким-то причинам не смогли прибыть, имели возможность прислать стендовые доклады, которые были размещены на специальных стендах и доступны всем участникам конференции.

Конференция была посвящена ключевым проблемам эволюции семьи в современном мире и семейной и демографической политике государства: признание многообразия форм современной семьи как проявления эволюции семьи. Основная цель конференции — формирование релевантных базовым семейным отношениям характеристик структуры семьи и социальной динамики, а также определение ресурсных возможностей и ограничений функционирования семьи в системе общественных отношений и институтов.

Докладчики осветили важнейшие изменения в структуре современной семьи и связанные с ними задачи государственной семейной политики.

В пленарном докладе д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН И. И. Елисеевой (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) «Эволюция семьи» подчеркнуто, что институт семьи недооценивается в современных социологических исследованиях, особенно в российских. Трансформация российской семьи произошла в период слома в политической и экономической жизни России. Многими социологами она была воспринята как проявление кризиса семьи. Однако кризис — это некое временное состояние, из которого можно найти выход, определив главные факторы, которые привели к такому состоянию, и наметив пути их преодоления. В реальности все происходящие изменения свидетельствуют не о кризисе семьи, а об эволюции семьи, выразившейся в появлении колоссального многообразия форм организации семейной жизни. Распространились сожителства, т. е. произошло принятие обществом фактических брачных союзов, продолжает расти безбрачие, отказ от детей, малодетность окончательно утвердилась в России, увеличивается доля домохозяйств с несовершеннолетними детьми, но без родительского ядра. Теперь из трех классических характеристик, входящих в определение семьи — кровно-родственные связи или отношения свойства, общность бюджета и жилища, — ни одна не сохранила своей непреложности.

Люди живут так, как им удобно: жесткие социальные нормы канули в лету. Новые вызовы перед социологией семьи ставит растущая продолжительность жизни при сохраняющейся в России гендерной

асимметрии. Необходимы разнообразные всесторонние исследования тех огромных перемен в характере формирования российских семей, которые все еще недооцениваются и воспринимаются как временные аномалии. Социология семьи исключительно важна для анализа межличностного общения, мотивации рождений, социализации детей, взаимоотношения между поколениями. Очевидна потребность в усилении взаимодействия социологов, экономистов, сексологов, психологов, антропологов и т. д. Развитие социологии семьи позволит повысить эффективность демографической и социальной политики государства.

Д-р экон. наук, проф. М. А. Клупт (СПбГЭУ) в докладе «Государство, “третий сектор” и семейная политика: сравнительный межстрановой анализ» рассмотрел роль государства в семейной политике, обозначив границы, в которых целесообразно удерживать государственный патернализм.

На заседании секции «Семья и государство» обсуждались вопросы уровня жизни населения и социальной поддержки, особенно пожилых людей, межэтнических браков, семейного предпринимательства.

В пленарном докладе канд. соц. наук О. Н. Бурмыкиной (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) «Межпоколенные отношения на фоне социальных изменений» на материалах эмпирического исследования петербургских студентов о семье сделан вывод о сохранении преемственности межпоколенных взаимодействий на фоне поколенческих сдвигов.

В докладах секции, посвященной межпоколенным отношениям, обсуждались проблемы заботы о пожилых членах семьи, а также семейной поддержке в трудных жизненных ситуациях.

Отмечена возросшая роль негосударственных, волонтерских, общественных организаций, осуществляющих помощь пожилым и поддержку уровня их жизни и активной деятельности.

Получила освещение сверхактуальная тема потребительского кредитования и влияния «закредитованности» россиян на качество жизни семьи. Доклад д-ра экон. наук, проф. Л. И. Ниворожкиной и д-ра экон. наук, проф. И. А. Поляковой (РГЭУ (РИНХ)), выполненный на материалах РМЭЗ, позволил сделать вывод о том, что необходимость платежей по кредитам приводит к экономии семей на образовании детей, а также покупке необходимых товаров повседневного пользования и, соответственно, сползания в бедность. Подтвержден эффект кредитной ловушки, когда люди берут кредиты для погашения старых кредитов.

На заседании секции «Семья в крупном городе: основные риски» была продолжена тема кредитования, а также обсуждались вопросы

участия семьи в процессе социализации в крупном городе; трансформации семейных отношений на опыте армянских беженцев; содержания животных в семье и связанных с этим негативных факторов жизни города.

В пленарном докладе канд. экон. наук Я. Д. Ширяевой (Институт экономики и права им. Фридриха фон Хайека) и канд. экон. наук А. П. Заостровцева (НИУ ВШЭ) «“Чайлдфри”: рациональный выбор или поведенческая миопия?» поднят острый вопрос сознательного отказа от деторождения и показано, что в крупных российских мегаполисах выбор в пользу «чайлдфри» становится все более оправданным с рациональной позиции.

На заседании секции «Потребность в детях. Дети в семье» продолжено обсуждение репродуктивных установок и потребностей, мотивации рождения детей и отказа от деторождения в зависимости от типа семьи, доходов, типа местности проживания и региона.

В результате конференции сделан большой вклад в исследование проблематики детства, в формирование социологии детства. На этапе начала самостоятельной жизни опыт детства играет огромную роль в становлении личности.

В пленарном докладе канд. соц. наук Н. С. Галушиной (РГГУ) «Автобиографический нарратив о сиротстве: ключевые категории и структуры» на основе интервью с молодыми людьми, имеющими опыт сиротства, выявлен особый тип нарративной стратегии представления своей жизни — биография как преодоление. Преодоление трактуется как приобретение субъектности через получение профессионального образования, обретение собственного дома, «примирение» (часто мнимое) с кровными родителями. Особенную роль в силу возраста и социальной ситуации респондентов играет начало профессиональной деятельности, которое отчасти и задает выбор названной стратегии.

В докладах секции «Дети без родителей. Насилие над детьми» рассмотрены проблемы сиротства и семейного неблагополучия, причины отказа от детей и усыновления — в российских регионах, а также в Кыргызстане.

В докладе канд. соц. наук В. А. Одиноквой (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) показана важность возможности участия в принятии решений детьми для всей последующей биографии — выявлена связь между участием в принятии решений и психосоциальным благополучием. Полученные данные показывают важность принятия перспективы ребенка в условиях системы социальной защиты детей.

На заседании секции «Биографический проект индивида: роль семьи» прозвучали доклады, посвященные исследованию семейных установок ценностей, модернизации семейных и гендерных отношений. Показана роль отношений в родительской семье на жизненные планы молодежи и социальные представления об идеальной семье.

Секция «Виртуальная реальность, цифровое обучение» была посвящена возможностям современных технологий в образовании и обучении. Представленные доклады выявили привлекательность онлайн обучения как тенденции в сфере образования в цифровую эпоху.

Участники круглого стола «Семья в России и Китае» подвели итоги проекта «Новая значимость семьи и межпоколенных связей для России и Китая», выполненного при поддержке РФФИ в 2016–2018 гг. В докладах исследователей Института социологии Шанхайской академии общественных наук Ph. D. Чжань Линь «Преодоление бедности: путь Китая» и Ph. D. Лю Венронг «Межпоколенные отношения в КНР с позиций теории расширенной семьи» отражены вопросы традиций и современных особенностей семейной поддержки в КНР.

Д-р экон. наук, проф. М. А. Клупт (СПбГЭУ) сделал доклад о возможных направлениях исследований трансформаций и дискурсов китайской семьи и предложил варианты дальнейшего сотрудничества.

Д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН И. И. Елисеева (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) обобщила опыт совместных исследований СИ РАН и ИС ШАОН и обозначила перспективы продолжения работы.

В общей дискуссии, кроме основных докладчиков, приняли участие канд. экон. наук М. В. Боченина (СПбГЭУ), и сотрудники СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН канд. соц. наук О. Н. Бурмыкина, канд. соц. наук К. С. Дивисенко, Н. А. Нечаева, И. В. Русакова.

Результатом совместных исследований явилось осмысление влияния государства на развитие семьи в КНР и в России; обозначен новый этап в развитии семьи, усиление значимости частной жизни в условиях современной демографической политики, направленной на поощрение рождаемости как в России, так и в Китае. Были обсуждены перспективы сотрудничества СИ РАН — филиала ФНИСЦ РАН и ИС ШАОН.

На заседании круглого стола «Вклад ленинградских/петербургских социологов в исследование городской семьи» были представлены доклады В. В. Солодникова (РГГУ) «Специфика российских социологических и психологических исследований семьи: опыт внутринаучной рефлексии» и О. Б. Божкова (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН) «История создания монографии «Семья в крупном городе» и выхода в свет трудов В. Б. Голофаства (2006 г.)».

Участники общей дискуссии отметили в своих выступлениях как личный вклад В. Б. Голофаства (1941–2004) в исследования семьи в крупном городе, так и вклад ленинградских/петербургских социологов и демографов (В. В. Паевского, С. А. Новосельского, Л. С. Каминского, Л. Е. Полякова, А. Г. Харчева, В. Л. Ружже, В. Т. Лисовского, Э. К. Васильевой, С. И. Голода, А. А. Клецина и др.) в исследования городской семьи, а также сексуальных отношений, устойчивости брачного союза, внутрисемейных и межпоколенных отношений и т. д.

В решении конференции была выражена поддержка тезиса о том, что наблюдаемые изменения в формировании, составе и типах семей не являются проявлениями кризиса института семьи, а отражают эволюцию семьи. Эволюционные изменения выражаются в плюрализации способов и форм становления современной семьи как отклика на вызовы современности. Подчеркнута необходимость и значимость междисциплинарного подхода к изучению семьи. Отмечено расширение включенности семьи в сетевые отношения как следствие сохранения контактов между бывшими супругами и их родственниками, интенсификации отношений семьи с социальными структурами и государством.

Исследование межпоколенных отношений определено как одно из важнейших для понимания факторов стабильности современного общества, а также выработки государственной социальной и семейной политики. В решении конференции подчеркнута роль усиления миграции в расширении брачного рынка и актуальность проблемы адаптации разных культурных норм. Отдельное внимание обращено на неполноту данных официальной статистики брачности и разводимости, и перспективы получения достоверных и полных данных в результате предстоящей Всероссийской переписи населения 2020 г. с целью использования их в повышении уровня жизни населения.

Русакова Инна Викторовна, аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кафедра статистики и эконометрики; заместитель директора по общим вопросам, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Rusakova Inna V., Post-graduate Student of the St. Petersburg State University of Economics, Department of Statistics and Econometrics / Deputy Director for General Issues, Sociological Institute of FCTAS RAS.

rusakova_i@mail.ru

Научное издание

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ
2019
Выпуск 11

Сайт издания: <http://www.pitersociology.ru/>
Адрес редколлегии: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, к. 526.
Тел.: +7(812)316-24-96
E-mail: si_ras@mail.ru

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Корректор *М. Л. Водлазова*
Дизайн обложки *Т. Б. Тиунова*
Оригинал-макет *Л. А. Харитонов*

Подписано в печать 22.05.2019. Формат 60×84^{1/16}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,7. Тираж 300 экз.
Заказ № 132.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru
ВКонтакте: http://vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru